

ДЖОН ТРЕВИН
ФРЕНСИС УЭЛЧ

НАСТАВНИК

УЧИТЕЛЬ ЦЕСАРЕВИЧА
АЛЕКСЕЯ РОМАНОВА

*Дневники и воспоминания
Чарльза Тиббса*

Джон Тревин

**Наставник. Учитель Цесаревича
Алексея Романова. Дневники и
воспоминания Чарльза Гиббса**

«Издательские решения»

Тревин Д.

Наставник. Учитель Цесаревича Алексея Романова. Дневники и воспоминания Чарльза Гиббса / Д. Тревин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-989666-7

В данном издании рассказывается о жизни англичанина Чарльза Сиднея Гиббса (1876–1963) — учителя английского языка детей Императора Николая II и наставника Цесаревича Алексея. За десять лет служения при дворе русского Императора Гиббс превратился в доверенное лицо семьи Николая II. Впоследствии он стал православным священником и жил в Великобритании. В издание вошли две книги о Чарльзе Гиббсе, написанные английскими авторами Джоном Тревином и Френсис Уэлч и его дневники.

ISBN 978-5-44-989666-7

© Тревин Д.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие (от издателей)	7
Предисловие к книгам Джона Тревина и Френсис Уэлч	9
Учитель Цесаревича:	13
Глава I	14
Глава II	18
Глава III	25
Глава IV	33
Глава V	38
Глава VI	54
Глава VII	61
Глава VIII	68
Глава IX	72
Глава X	82
Глава XI	89
Глава XII	96
Глава XIII	106
Глава XIV	111
Глава XV	129
Глава XVI	135
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Наставник. Учитель Цесаревича Алексея Романова Дневники и воспоминания Чарльза Гиббса

Джон Тревин
Френсис Уэлч

Издатель Патриаршее подворье храма-домового мц. Татианы при МГУ г. Москвы
Составление, комментарии Т. Б. Кузьмина, А. А. Мановцев, К. А. Протопопов
Переводчики И. В. Воронин, Т. Г. Курепина, Г. Р. Галямова, В. М. Лукина
Ответственный за выпуск В. Растворова
Литературные редакторы А. Дулина, Т. Кузьмина, В. Лукина
Корректоры Е. Алешина, Т. Кузьмина, Г. Смирнова
Макет А. Ярославцев

© Джон Тревин, 2020

© Френсис Уэлч, 2020

© Патриаршее подворье храма-домового мц. Татианы при МГУ г. Москвы, 2020

© Т. Б. Кузьмина, А. А. Мановцев, К. А. Протопопов, составление, комментарии, 2020

© И. В. Воронин, Т. Г. Курепина, Г. Р. Галямова, В. М. Лукина, перевод, 2020

ISBN 978-5-4498-9666-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

E-mail для связи с руководителями проекта:

tmanakova2010@yandex.ru

Фото на обложке: Цесаревич Алексей со своей собакой, спаниелем Джоем. Царская Ставка. Могилев, 1916 г.

*Рекомендовано к публикации Издательским советом Русской
Православной Церкви*

Печатается по изданиям: Tutor to the Tsarevich: An Intimate Portrait of the Last Days of the Russian Imperial Family / compiled from the papers of Charles Sydney Gibbes, by J. C. Trewin. London, 1975 / Пер. с англ. – И. В. Воронин, Т. Г. Курепина; под ред. В. М. Лукиной; The Romanovs & Mr. Gibbes: The story of the Englishman who taught the children of the last Tsar, by Frances Welch. London, 2002 / Пер. с англ. – В. М. Лукина; под ред. И. В. Федосенок, К. А. Выборновой; отв. ред. и сост. коммент. Т. Б. Кузьмина, К. А. Протопопов; А. А. Мановцев (предисловие, примечания). – М.: Патриаршее подворье храма-домового мц. Татианы при МГУ г. Москвы, 2019. – 704 с., с илл.

Издание третье, исправленное и дополненное.

В данном издании рассказывается о жизни англичанина Чарльза Сиднея Гиббса (1876—1963) – учителя английского языка детей Императора Николая II и наставника Цесаревича

Алексея. За десять лет служения при дворе русского Императора Гиббс превратился в доверенное лицо семьи Николая II. Пройдя непростой путь к православной вере, он стал священником и внес заметный вклад в распространение Православия в Великобритании.

В издание вошли две книги о Чарльзе Гиббсе, написанные английскими авторами Джоном Тревином и Френсис Уэлч, дневники Чарльза Гиббса, которые он вел с начала Первой мировой войны, его письма из Тобольска, воспоминания о Царской Семье, написанные в 30-40-е годы XX века.

Обширные комментарии и приложения, вошедшие в данное издание, помогут читателям наиболее полно представить те или иные исторические события, а также более подробно познакомиться с биографией упоминаемых в тексте лиц.

Издание адресовано широкому кругу читателей, интересующихся историей России конца XIX – начала XX века, а также профессиональным историкам.

Книга удостоена Специального приза IX Открытого конкурса «Просвещение через книгу – 2014».

Предисловие (от издателей)

Данное издание посвящается памяти англичанина Чарльза Сиднея Гиббса (1876—1963) – учителя английского языка детей Императора Николая II и наставника Цесаревича Алексея, человека сложной и интересной судьбы. В 2013 году исполнилось 50 лет со дня его кончины, и в год празднования 400-летия Дома Романовых нам виделось важным представить российскому читателю издание, посвященное человеку, продемонстрировавшему верность Царской Семье, вплоть до готовности разделить ее участь и терпеть лишения. Предлагаем вниманию читателя третье издание – исправленное и дополненное.

Чарльз Сидней Гиббс. 16 января 1928 г. (фото из архива Ч. Гиббса)

За десять лет служения при дворе русского Императора Гиббс превратился в доверенное лицо семьи Николая II. Годы, проведенные вместе с Императорской Семьей, оказали на него громадное влияние. Всю свою долгую жизнь он оставался верным памяти Царской Семьи и сумел сберечь многие реликвии, имеющие огромную ценность для российской истории. Пройдя непростой путь к православной вере, он стал священником и внес заметный вклад в распространение Православия в Великобритании.

В издание вошли две книги о Чарльзе Гиббсе, написанные английскими авторами, – Джона Тревина («Учитель Цесаревича: Подробное описание последних лет жизни Царской Семьи, составленное на основе документов Чарльза Сиднея Гиббса») и Френсис Уэлч («Романовы и мистер Гиббс: История англичанина, учившего детей последнего русского Царя»). Эти книги были опубликованы в Лондоне в 1975 и 2002 годах соответственно и на русском языке выходят впервые.

Также впервые в России в полном объеме приводятся дневники Чарльза Гиббса, которые он вел с начала Первой мировой войны в Царском Селе и Ставке, а также его письма из Тобольска к своим тетюшкам, в которых он описывает интересные подробности жизни Царской Семьи в ссылке. Переводы дневников были сделаны на основе рукописи, которая хранится у внука

приемного сына Гиббса во Франции. Так удалось восполнить пропуски в тех отрывках из дневников Гиббса, которые приводятся в книге Джона Тревина.

В издании публикуются неизвестные ранее воспоминания о Царской Семье из архива Гиббса, которые он написал в 1938 году, после того как принял сан архимандрита, а также воспоминания, написанные им в 1949 году в Оксфорде к 25-летию Соборного храма Христа Спасителя в Нью-Йорке (в России ранее также не публиковались).

Обширные комментарии, вошедшие в данное издание, помогут читателям наиболее полно представить те или иные исторические события и познакомиться с биографией упоминаемых в тексте лиц.

Несомненно, большой интерес и особую ценность представляют снимки из личного архива Чарльза Гиббса, сделанные на фотоаппарат «Кодак». В этом издании впервые в России опубликованы не известные отечественным историкам и архивистам фотографии помощницы няни царских детей Елизаветы Николаевны Эрсберг и младшей камер-юнгферы Государыни Марии Густавны Тутельберг.

Т. Б. Кузьмина

К. А. Протопопов

Предисловие к книгам Джона Тревина и Френсис Уэлч

Читателю, расположенному к Царской Семье, важно знать и о тех ее приближенных, которые всей своей жизнью доказали преданность Царственным мученикам. Среди них два иностранца – француз Пьер Жильяр и англичанин Чарльз Сидней Гиббс, преподаватели иностранных языков и наставники Цесаревича. Имя Пьера Жильяра хорошо известно в России благодаря его воспоминаниям о Царской Семье, правда, о самом Жильяре не так уж много биографических сведений.

Чарльз Гиббс не оставил отдельной книги воспоминаний (в то же время в этот сборник вошли тексты мемуарного характера, принадлежащие Гиббсу). О самом Гиббсе российский читатель мог получить представление благодаря американской писательнице Кристине Бенаг, издавшей в 2000 году книгу «Англичанин при Царском Дворе: Духовное паломничество Чарльза Сиднея Гиббса»; в русском переводе эта книга была опубликована в Санкт-Петербурге в 2006 году. Кристина Бенаг уже в зрелом возрасте пришла к православной вере (как и Чарльз Гиббс), и поэтому ее книга в целом близка православному читателю – и многими оценками, и непреложно уважительным отношением к герою повествования.

Увы, в биографиях Чарльза Гиббса, написанных Джоном Тревиным и Френсис Уэлч, читателя, воспитанного в традициях русской культуры (не обязательно даже православного), многое покоробит: и лихость оценок, и взгляд на предмет рассказа как на забавный человеческий характер с интересной, удивительной судьбой, с такими-то чертами... но не более!

Возникает законный вопрос: зачем же публиковать эти книги? Что же в них ценного? Прежде всего, в этих книгах много живых подробностей, относящихся к жизни Чарльза Сиднея Гиббса, отсутствие которых, к сожалению, характерно для книги К. Бенаг. Только из издания Тревина мы узнаем, например, что «письмо» Великой Княжны Анастасии Гиббсу из поезда по пути в Тобольск (нередко цитируемое в разных книгах о Царской Семье) было в действительности упражнением – письмом, написанным по-английски задним числом, и Гиббс исправил в нем ошибки. (Заметим, что К. Бенаг приводит его как реальное письмо).

Тревин сообщает и другие подробности жизни Царской Семьи в Тобольске: последняя короткая пьеса, которую хотели поставить узники как домашний спектакль, была отрывком из произведения У. А. Мэккерси «Крысы» (как рассказывает Гиббс, Цесаревич Алексей успел выучить большой отрывок и очень жалел, что представление не состоялось), а последняя книга, которую Гиббс читал Цесаревичу, была «Следопыт» Ф. Купера.

Благодаря Тревину, который являлся известным английским театральным критиком, мы узнаем, что Чарльз Гиббс (по инициативе которого царственные узники ставили в Тобольске домашние спектакли) с молодых лет увлекался театром.

Рассказывая об участии Гиббса в расследовании убийства Царской Семьи, которое проводил Н. Соколов, Уэлч сообщает важную подробность. Она относится к исследованию предметов, найденных на Ганиной Яме. «Среди всего прочего там были... кусочек жестяной фольги и медные монеты, владельца которых так и не удалось бы установить, если бы Гиббс не напомнил Соколову о том, что Алексей любил собирать всякую всячину».

Известно, что Коля Деревенко, сын В. Н. Деревенко, врача Цесаревича, бежал из России и жил в эмиграции. В книге Уэлч есть такое упоминание об этом человеке: «... в 1947 году Гиббс получил грустное письмо от Коли. Сын доктора Деревенко, живший в то время в Австрии, просил его помочь найти в Англии работу. Коля также просил Гиббса помолиться за «несчастливого человека, чувствовавшего себя потерянным в чужой стране». К сожалению, для Уэлч характерна досадная отрывочность. Так и здесь: читатель вдруг что-то узнает о друге Цесаревича, что-то даже проникновенное, берущее за живое, и должен удовлетвориться только

этим: Уэлч не дает ни ссылок, ни пояснений. И все же – приведенное ею сведение очень драгоценно для нас.

Благодаря Джону Тревину мы знакомимся с возвышенными строками английского литератора и поэта Мориса Берринга (Maurice Bearing, 1874—1945, он много путешествовал по России в начале XX века, до германской войны) из его сонета «Эпитафия», посвященного Императору Николаю II:

*Был лишен короны и трона, и сердца, и имени,
Горе придало ему величие, и страдание
Дало больше, чем власть монарха.*

Однако лишь в этом отрывке Тревин пишет о Царе Николае II положительно. Его взгляд на последнего российского Императора – это вполне «традиционный», широко распространенный (увы, и в нашей стране) либеральный взгляд: «слабый царь», который, «по мягкости характера», не мог справиться с революционной ситуацией. Вот как Тревин пишет в начале книги: «После войны с Японией Император Николай II, воспитанный как абсолютный самодержец – роль, не подходящая ему, что сознавалось и было известно более решительной Императрице, – был вынужден согласиться на переход к полуконституционной монархии с законодательным органом – Думой. Во всей огромной империи, превратившейся в нечто аморфное, рушились вековые традиции, в то время как Россия шла навстречу невиданной катастрофе. Царствующий Император Николай II по своей натуре был добрым помещиком, человеком, который, несмотря на все свое обаяние, оказался чересчур мягким для правителя государства».

К традиционному сопоставлению «слабого» Царя и властной Царицы прибегает и Френсис Уэлч, с той только разницей, что Уэлч беззастенчиво приписывает Царице авторство одной резкой фразы в отношении России, которую, как известно, Царица полюбила всем сердцем: «Императрица Александра Федоровна отличалась жесткостью, – пишет Уэлч, – в гостиницах Петербурга, где собиралась знать, ее называли «полковник». Именно ей принадлежит знаменитое высказывание: «Россия любит кнут!». Чтобы объяснить, как передергивает биограф, необходимо обратиться к источнику. Фраза, совершенно не характерная для Императрицы Александры Федоровны, упомянута ею в письме к Императору от 4 декабря 1916 года. Приведем отрывок из этого письма в достаточно полном виде: «Так как ты снисходителен, доверчив и мягок, то мне надлежит исполнять роль твоего колокола, чтобы люди с дурными намерениями не могли ко мне приблизиться, я предостерегала бы тебя. Кто боится меня, не глядит мне в глаза и кто замышляет недоброе – не любят меня... Хорошие же люди, честно и чистосердечно преданные тебе, любят меня: посмотри на простой народ и на военных, хорошее и дурное духовенство... Все становится тише и лучше. Только надо чувствовать твою руку. Как давно, уже много лет, люди говорили мне все то же: «Россия любит кнут!». Это в их натуре – нежная любовь, а затем железная рука, карающая и направляющая...» (**Платонов О. Терновый венец России. Николай II в секретной переписке**. М., 1996. С. 621). Да, Царице хотелось как бы сообщить Императору часть своей натуры, сообщить свою властность характеру, вовсе не слабому, но – лишенному властности... Однако никогда, ни единого раза, Государыня не оказывала давление на Царя. На той же странице Уэлч пользуется воспоминаниями Юлии (Лили) Ден, чтобы сообщить, что Царица «не любила проигрывать». Читатель, знакомый с воспоминаниями Ю. Ден, знает очень хорошо, какой доброй, великодушной и самоотверженной предстает в этих воспоминаниях Государыня. Однако Уэлч берет из них только то, что нужно ей.

Оба автора, естественно, уделяют много внимания Григорию Распутину, не жалея для него черных красок и не допуская и мысли о том, что повторяют давно разоблаченную клевету, и что личность Распутина, хоть далеко и не безупречная, но является гораздо более сложной, чем выгодный для либерального сознания образ. Тревин посвящает убийству Распутина почти

целую страницу, хотя это вовсе не имеет отношения к Чарльзу Гиббсу. В тех же рамках Уэлч сообщает (не факт, а всего лишь слух), что Феликс Юсупов (убийца Распутина) хранил одну из пуль, которая будто бы по его заказу была вставлена в его перстень. Впрочем, Кристина Бенаг также повторяет клеветнические сведения о Распутине и, надо сказать, не сообщает того, что честно сообщают и Тревин, и Уэлч: Чарльз Сидней Гиббс относился к Распутину спокойно и совсем не считал его исчадием зла.

Интересно заметить различия между книгами Тревина и Уэлч. Первая написана еще с некоторой долей обстоятельности, еще с оглядкой на то, как в прежние времена писались биографические исследования. Вторая написана уже в постмодернистском стиле, т. е. с полной свободой самовыражения. Книга Тревина вообще написана более достойно. Уэлч просто приписывает своему герою то высокомерие, то честолюбие, то еще какой-нибудь скрытый человеческий порок, упоминая об этом мимоходом и, конечно, ничем свою оценку не подтверждая, лишь внедряя ее как мотивацию того или иного поступка. У Тревина этого нет.

Несомненно, ценность книги Френсис Уэлч, в сравнении с книгами Джона Тревина и Кристины Бенаг, заключается в том, что в ней содержится подробное писание последнего периода жизни Чарльза Гиббса, а точнее, уже архимандрита Николая. Этот период для православного читателя представляет, естественно, живой интерес. Каким священником был Гиббс? Отметим здесь два момента. Во-первых, Гиббс, несомненно, принял православную веру всем сердцем. По описаниям Уэлч это понять невозможно, настолько современная исследовательница безразлична к вере во Христа. С точки зрения Уэлч, переход Гиббса в Православие – прихоть, психологически объясняемая приверженностью к Царской Семье, к памяти о них. Но из книги Кристины Бенаг, а в особенности из тех документов, которыми составители настоящего сборника сопроводили данное издание, причины такой перемены во взглядах очевидны. Достаточно познакомиться с письмами Гиббса к его младшей сестре Уинни. Во-вторых, нельзя не заметить следующее. Священники – это живые люди, а не только носители благодати. Они не претендуют на то, чтобы быть образцами совершенства, более того, как члены Церкви Христовой, они предполагают, что их (неизбежные) немощи будут восприняты братьями и сестрами с любовным снисхождением и прощением. Для «внешних» понять это практически невозможно. И читателю ничего не остается, кроме как отнестись, по возможности, снисходительно к тому, как Уэлч, не без удовольствия, рассказывает о разных несурзацах и казусах в служении отца Николая.

Уэлч пишет, как однажды «отцу Николаю показалось, что от его икон будто бы стало исходить чудесное свечение. „Такого чуда не происходило со дня начала гонений Царской Семьи!“ – объявил отец Николай. Чудо, однако, состояло в том, что пожилая прихожанка протерла стекла на окладе икон слишком большим количеством чистящего средства». Поскольку, по своему обыкновению, автор не входит в подробности и обоснования своим словам не дает, можно предположить, что материалистическое объяснение свечения икон измышлено автором. Интересно, что сама же Уэлч пишет о подобном свечении совершенно иначе в конце своей книги. Позволим себе привести целиком завершающий книгу Уэлч отрывок, но перед этим необходимо заметить, что упоминаемый Битти – это один из друзей отца Николая. Можно порадоваться за исследовательницу, что в конце своей книги она вдруг преодолела собственное предубеждение и нашла удивительно светлое завершение своему труду, в полной мере подбающее герою этого повествования. Вот как она пишет:

«Несколько дней спустя после смерти отца Николая Битти и епископ Каллист, в то время еще известный как Тимоти Уэр, нанесли визит Георгию в доме на Роберт-стрит. Они хотели знать, как Георгий собирается распорядиться личными вещами отца Николая. Георгий провел молодых людей в спальню своего приемного отца. Он указал на висевшую над изголовьем кровати икону, которую отцу Николаю подарила Царская Семья. Георгий рассказал, что за три дня до смерти священника икона потускнела, а потом начала светиться.

«Икона действительно светилась... – вспоминает Битти с едва заметной улыбкой. – Больше ничего не скажу».

В ту минуту Дэвид Битти думал о том, что отец Николай, наконец, оказался там, куда так стремился. «Отец Николай с нетерпением ожидал того часа, когда, наконец, снова сможет увидеть Царскую Семью. И я понял, что этот миг настал».

Будем надеяться, что читатель, предупрежденный о том, к чему ему следует быть готовым, сумеет отделить «плевелы либерального взгляда» от пшеницы любви к бесстрашному британцу. Для нас главное – его верность Царской Семье, его – столь удивительный и достойный внимания – путь ко Христу.

Святые царственные мученики, молитесь Бога о нас!

А. А. Мановцев

Авторы-составители выражают благодарность:

Георгию Гиббсу – за предоставленную возможность использовать архив его деда Чарльза Сиднея Гиббса.

Гузели Ращитовне Галямовой – за помощь в доставке архива в Москву и разборке документов для издания, а также перевод писем Пьера Жильяра.

Татьяне Геннадьевне Курепиной, Павлу Дмитриевичу Александрову, Дениз Мари Тимал-Александровой и Александру Бруксу – за расшифровку и перевод рукописных текстов из архива Чарльза Сиднея Гиббса.

Доктору исторических наук Людмиле Анатольевне Лыковой, доктору исторических наук Зинаиде Ивановне Перегудовой, кандидату исторических наук Владимиру Михайловичу Хрусталеву, кандидату исторических наук Владимиру Дмитриевичу Лебедеву, Сергею Владимировичу Фомину, Андрею Анатольевичу Мановцеву – за помощь в работе над книгой.

Протоиерею Владимиру Вигилянскому, протоиерею Максиму Козлову, Дмитрию Корнхардту, Софье и Филиппу Гудман, Александре Николаевне Дулиной, Андрею Викторовичу Заякину и многим другим, кто поддерживал словом и делом.

Особую благодарность выражаем всем жертвователям за финансовую поддержку аудио-и электронной версии проекта и особенно Сергею Анатольевичу и Ольге Юрьевне Кузьминым, Борису Николаевичу Горбачеву, Александре Александровне Сергеевой, Виктории Александровне Федоровой.

За техническое создание аудио-версии книги и профессиональное озвучивание благодарим Павла Владимировича Константиновского, директора и тещу Студии «КНИГА» (г. Екатеринбург).

**Учитель Цесаревича:
подробное описание последних лет жизни
Царской семьи,
составленное на основе документов
Чарльза Сиднея Гиббса
Джон Тревин**

Прежде всего мы благодарим Джорджа Гиббса, владельца ранее не публиковавшихся фотографий и документов, послуживших основой для этой книги. Джордж Гиббс – приемный сын Чарльза Сиднея Гиббса, английского наставника Цесаревича Алексея. Чарльз Гиббс после событий в России, описанных в этой книге, и службы в Китайской морской таможне в Харбине (Маньчжурия) принял священнический сан Русской Православной Церкви, став иеромонахом Николаем, затем архимандритом. На протяжении многих лет он совершал богослужения в Оксфорде для местной православной общины. После смерти Чарльза Гиббса в 1963 году в возрасте 87 лет все документы, дневники, фотографии и многие другие памятные для Гиббса вещи, которые он бережно хранил, перешли по наследству к его приемному сыну. В свою очередь, Джордж Гиббс предоставил материалы для данного издания, рассортировав и упорядочив их, а также снабдил некоторые документы переводом. Таким образом, Джорджа Гиббса по праву можно считать моим соавтором.

Большую благодарность хотелось бы выразить также профессору Джорджу Каткову, Рут Гиббс и Венди Тревин; также Ричарду Гарнетту из издательства «Макмиллан», который с большим вниманием следил за тем, как готовилась к изданию данная книга.

Чтобы восстановить ход событий и более подробно осветить малоизвестные периоды жизни Гиббса, я обращался к следующим изданиям, которые впоследствии счел чрезвычайно полезными: «Тринадцать лет при Российском Дворе» Пьера Жильяра (Лондон, 1921), «Николай и Александра» Роберта К. Мэсси (Лондон, 1966), «Судебное следствие по делу об убийстве русской Императорской Семьи» Николая Соколова (Париж, 1924), «Последние дни Романовых» Роберта Уилтона, специального корреспондента газеты «Таймс» (1920). Ссылки на остальные работы даны в тексте.

За некоторым исключением, иллюстрации в этой книге напечатаны с фотографий из коллекции Гиббса. Большинство снимков сделаны самим Гиббсом, их негативы сохранились. Другие источники, в частности, Королевские архивы в Виндзоре, указаны в подписях к соответствующим фотографиям.

Д. К. Т.¹

¹ **Тревин, Джон Кортни** (1908—1990) – британский журналист и театральный критик, автор более пятидесяти книг о театре. Родился в Плимуте, графство Девоншир. В 1926 г. его приняли начинающим репортером в газету «Вестерн Индепендент». В 1932 г. Тревин переехал в Лондон и получил работу в газете «Морнинг пост», а затем перешел в газету «Обсервер». В этом издании он проработал литературным редактором до 1953 г., а затем стал писать театральные обзоры для многих других изданий. Автор многочисленных статей о новых спектаклях, проходивших на лондонской сцене. Будучи театральным историком, являлся членом Королевского литературного общества, читал лекции, посвященные творчеству У. Шекспира, а одно время даже был президентом Шекспировского клуба в Сратфорде-на-Эйвоне. В 1981 г. стал офицером Ордена Британской империи. Был женат (с 1938 г.) на Венди Монк (1915—2000). У супругов родилось двое сыновей: Марк Энтони и Ион.

Глава I

Царская погода

Всю ночь шел дождь, но следующее утро 9 июня 1908 года выдалось совершенно ясное. Среди людей, собравшихся в эстонском порту Ревеля² на берегу Финского залива и на городских высотах, ходили разговоры о «царской погоде». Яркий солнечный свет заливал улицы Ревеля, и весь город сиял, охваченный радостным волнением.

Императорские поезда после ночного переезда из Петергофа доставили венценосную чету, Вдовствующую Императрицу Марию Федоровну и высших придворных сановников. Император Николай II был человеком среднего роста, четырьмя годами старше Государыни, с рыжеватой бородой и мягким взглядом серо-голубых глаз. Императрица Александра Федоровна, одетая в голубое, изящная и стройная, выглядела в утреннем свете слегка утомленной. Августейших родителей сопровождали юные Великие княжны и маленький Цесаревич Алексей в матросском костюме. Императорская семья прибыла в Ревель на встречу с английским королем Эдуардом VII, которого Императрица называла «дядя Берти», и королевой Александрой, совершавших свой первый визит в Россию в качестве правящих британских монархов. Это событие стало значимым еще и потому, что Император и Императрица впервые появились перед народом за последние несколько лет.

На Ревельском железнодорожном вокзале августейшие гости пересели в узкоколейный поезд, который доставил их по косе прямо на набережную. Порт тщательно охранялся. Никого не пускали дальше входа на пристань без специального разрешения. Даже местным коммерсантам временно запретили отправлять большую партию провианта на одну из императорских яхт.

Когда Император и члены его семьи вышли из поезда, они увидели оставшийся позади порт с развевающимися флагами обоих государств. С противоположной стороны расстилался парк Екатерининского дворца, построенного при Петре Великом. Невдалеке, меж рассеянных по заливу островов, стояли императорские яхты «Штандарт», «Полярная звезда», а также королевская яхта «Виктория и Альберт» и военные корабли сопровождения. Под шум оружейных салютов и крики чаек состоялся обмен официальными визитами между Императором и Самодержцем Всероссийским Николаем II, облаченным в форму шотландских серых драгун и королем Эдуардом VII, выглядевшим статно в форме киевских драгун. В час дня все собрались на официальный завтрак, устроенный на «Полярной звезде». Яхта была украшена множеством цветов. Отсутствовала только Императрица Александра Федоровна, которую несколько утомил переезд.

Затем в течение двух дней, подчиненных жесткому протоколу, между яхтами происходил обмен визитами, которые российские газеты с готовностью провозгласили «праздником мира». Вечером ничто не нарушало покой вод Финского залива. Многочисленные военные корабли были торжественно освещены. С палубы гостям открывался вид на Ревель, порт и городскую стену с башнями. В отблесках маяков, ярко освещавших береговую полосу у Екатерининского дворца, вырисовывались очертания крыш и колоколен. В тот вечер западная часть неба была удивительно прекрасна на закате.

На второй день король Эдуард VII и королева Александра обедали на яхте «Штандарт», самой большой из Императорских яхт. Старший лейтенант Н. В. Саблин, прослуживший на яхте 10 лет вспоминал:

² После 1918 г. – Таллин. Даты даны по западному календарю. В России в то время использовался Юлианский календарь, или так называемый старый стиль, который отставал от нового стиля на тринадцать дней. – Прим. авт.

«Седловатость» судна, если так можно выразиться, совсем не по-морски, изгиб его палубы или «линия судна» – идеал, не достигнутый ни в одной, столь же крупной, яхте других монархов и государств. Именно эта линия, обозначенная на корпусе толстым золоченым канатом, – была безупречна. [...]

Яхта была выстроена из стали, с двойным дном, и разделена водонепроницаемыми переборками на семь отсеков. «Штандарт» имел три палубы – верхнюю, Царскую и жилую. Водоизмещение 6000 тонн – наибольшая яхта в мире, если не считать пассажирских пароходов, превращенных в яхты. [...]

Носовое и кормовое украшения яхты были великолепны. На носу – двухглавый орел, крылья которого обхватывали форштевень. На широкой груди орла – вензель «*Николай II*». На корме – Имперский морской орел [на красном с белым центром щите], распластанный во всю величину подзора, держащий в клювах и лапах четыре карты русских морей: Балтийского, Черного, Белого и Каспийского. Под орлом – надпись славянской вязью: «*Штандарт*». Украшения соединялись между собой двумя золочеными канатами по всему борту яхты, с обеих сторон. Нижний, более толстый, кабельной работы, верхний потоньше, обыкновенного канатного вида. Именно эти канаты, между которыми располагались судовые полупортики, освещавшие каюты царской палубы, образовывали ту идеальную линию яхты, ее изгиб, автором и творцом которой являлся корабельный инженер Долгоруков³. Золочение, как канатов, так и украшений, было предметом особых забот судового начальства: украшения, сделанные из дерева, покрывались шеллаком, на каковой прикладывались тончайшие листики сусального золота. Работа эта была очень деликатная, особенно на ветру, когда приходилось всю яхту окутывать подвесками, защищенными брезентами. Как-то раз золочение выполнили монашенки Новодевичьего монастыря в Петербурге, имевшие славу опытных позолотчиц. Золотые канаты очень эффектно и рельефно выделялись на черном лакированном борту «Штандарта» (**Саблин Н. В.** *Десять лет на Императорской яхте «Штандарт»*. СПб., 2008. С. 18—19; 34—35).

Обед в тот день состоялся на яхте «*Виктория и Альберт*». Император Николай II был провозглашен адмиралом Британского флота, а король Эдуард VII в ответ – адмиралом Российского флота. Учтивые и сердечные тосты, произносившиеся за обедом, ознаменовали «скрепление дружеских уз между двумя великими народами».

Это много значило для России. Всего три года назад русско-японская война завершилась гибелью Балтийского флота в Цусимском проливе. Был нанесен серьезный удар по национальной гордости. В это время дружба с Англией имела важное значение, поэтому после достижения русско-британских договоренностей по азиатским вопросам в 1907 году, встреча в Ревеле носила не только светский, но и дипломатический характер. После ее окончания высокие гости, пробыв некоторое время в городе, покинули Ревель. Утром третьего дня яхте «*Виктория и Альберт*» был дан королевский салют, после чего она отплыла в Балтийское море. Позже за ней последовали императорские яхты «Штандарт» с Государем и его семьей и «*Полярная звезда*» с Вдовствующей Императрицей Марией Федоровной и Великой княгиней Ольгой Александровной. С древнего кафедрального собора и городской ратуши спускали британские флаги, соседствовавшие в дни визита с российскими.

Одним из тех июньских дней «дядя Берти», гостивший на борту «Штандарта», мимоходом заметил в разговоре с Императрицей, что ни одна из старших Великих Княжон не говорит с хорошим английским произношением. Вероятно, это задело Александру Федоровну. Будучи внучкой королевы Виктории, она в совершенстве владела английским, и даже по-рус-

³ Долгоруков Николай Васильевич (1849—1918), генерал-лейтенант. Закончил Московское инженерное училище в 1872 г., Морскую академию – в 1873 г. С 1897 г. – старший судостроитель Петербургского порта, с 1901 г. – старший помощник главного инспектора кораблестроения. Вышел в отставку в 1910 г. в чине генерал-лейтенанта корпуса корабельных инженеров.

ски говорила с сильным английским акцентом. Стало ясно, что в Петербурге необходимо найти учителя для старших Великих Княжон – двенадцатилетней Ольги Николаевны, голубоглазой, застенчивой девочки с каштановыми волосами, и одиннадцатилетней Татьяны Николаевны, ростом выше сестры, также с каштановыми волосами, но с рыжеватым оттенком. Вероятно, пока рано было беспокоиться об очаровательной девятилетней Марии Николаевне или о семилетней озорной Анастасии Николаевне. Также рано было начинать занятия и с наследником престола Алексеем Николаевичем, милым мальчиком, у которого уже проявилась гемофилия, наследственная болезнь членов Гессенского дома. Этим тяжелым заболеванием, при котором возникают кровоизлияния в суставы, мышцы и внутренние органы, страдают только мужчины, женщины же выступают его носительницами. У Цесаревича, которому еще не исполнилось четырех лет, имелись собственные каюты на «Штандарте».

Н. В. Саблин вспоминал:

«Из гостиной, по левому борту, дверь вела в две каюты наследника Алексея Николаевича. Первая, обитая чинсом⁴ в очень крупных цветах – хризантемах, в младенческие годы использовалась как игральная комната, затем – как классная. Это была большая каюта, откуда вынесли всю лишнюю мебель, чтобы дать место игрушкам, а впоследствии учебным пособиям» (**Саблин Н. В. Десять лет на Императорской яхте «Штандарт».** Спб., 2008. С. 26).

Там же находились его любимые игрушки: синий с красным воздушный змей, ракетка с воланом, бильярд для игры на палубе и связка соломинок для выдувания мыльных пузырей.

«Вторая каюта служила спальней наследника, где стояла кровать берегового образца с вензелями, принадлежавшими Государыне Марии Федоровне, поскольку эти каюты предназначались для Вдовствующей Императрицы. Однако Государыня Мария Федоровна ни разу подолгу не плавала на „Штандарт“, предпочитая свою „Полярную Звезду“. Наследник же спал на походной кровати, сперва обыкновенной детской, с высокими никелированными сетками, а потом обыкновенной палаточной. Точно так же и Великие Княжны сперва спали на походных кроватях, пока не получили каждая по отдельной каюте. На большой кровати спала сначала няня М. И. Вишнякова, потом – боцман Деревенько⁵ (когда наследник бывал болен), а затем – воспитатель наследника, швейцарец господин Жильяр⁶. За спальней находилась уборная и ванная» (*Там же.* С. 26—27).

⁴ Чинс – глянцева хлопковая ткань. – Прим. ред.

⁵ **Деревенько Андрей Еремеевич** (1878—1921), из крестьянской семьи Волынской губернии, с. Горонай. В 1899 г. был призван на военную службу на флот. С 5 января 1900 г. определен в Гвардейский Экипаж. В ноябре 1905 г. произведен в квартирмейстеры, а в декабре зачислен на сверхсрочную службу. 12 ноября 1906 г. Императрица Александра Федоровна назначила его, состоявшего до этого (с 13 мая 1906 г.) при комнатах Наследника Цесаревича Алексея Николаевича, «дядькой» при Его Императорском Высочестве. Таким образом должность «дядьки» приобрела официальный характер. В 1909 г. награжден серебряной Великобританской и золотой Французской медалями, в 1910 г. – серебряной медалью и Гессенским серебряным крестом ордена Филиппа Великодушного. В апреле 1911 г. произведен в боцманы (яхта «Штандарт»). В 1912 г. получил золотую медаль для ношения на Владимирской ленте. В 1914 г. получил звание личного почетного гражданина. В мае 1916 г. назначен кондуктором флота. Его комната располагалась рядом со спальней Цесаревича во всех императорских резиденциях (он учил ходить маленького наследника). Цесаревич называл его Диней. Имел троих сыновей: Алексея (1906—?), Сергея (1907—1990), Александра (1912—?), которые были крестниками Императрицы и Цесаревича. «... На велосипеде матрос возил Алексея по парку в Царском Селе. Часто приходили играть с Наследником и дети Деревенько, и вся одежда Наследника переходила к ним. Когда Наследник бывал болен и плакал по ночам, Деревенько сидел у его кровати. У бедного ребенка никогда не было аппетита, но Деревенько умел уговорить его. Когда Наследнику исполнилось шесть или семь лет, его воспитание поручили учителю, а Деревенько остался при нем как слуга» (**Танеева (Вырубова) А. А. Страницы моей жизни.** Берлин, 1923. С. 39). 1 июля 1917 г. «с соизволения бывшего Императора» был назначен камердинером «при бывшем Наследнике Алексее Николаевиче». Однако в августе он не был включен в список лиц, сопровождающих Царскую Семью в Тобольск, и отправился с семьей в отпуск в Олонецкую губернию. При этом продолжал поддерживать регулярную связь как с чинами бывшей Канцелярии Императрицы Александры Федоровны, так и с Тобольском. Был заменен К. Г. Нагорным. Умер от тифа в Петрограде.

⁶ **Жильяр, Пьер** – «Петр Андреевич», «Жилик» (домашнее прозвище) – (1879—1962), швейцарский подданный, родился в Женеве. До 1904 г. учился в университете в Лозанне на отделении классической словесности. Затем, прервав обучение, в 1905 г. принцем Георгием Максимилиановичем Лейхтенбергским, князем Романовским (1852—1912) был приглашен в Петербург преподавать французский язык его детям: Сергею (1890—1974) и Елене (1892—1971). Через год его супруга

Осенью того же года, когда «Штандарт» вернулся из круиза по финским фьордам, побережью и островам, Александра Федоровна спешно начала искать учителя. Ей сообщили об англичанине по имени Чарльз Сидней Гиббс⁷, работавшем в то время в Санкт-Петербурге, талантливом преподавателе недавно созданной Гильдии учителей английского языка. Через несколько недель он получил неожиданное приглашение от Императора.

Великая Княгиня Анастасия Николаевна (Стана) рекомендовала Жильяра Государыне Императрице Александре Федоровне. Он начал обучать французскому языку Великих Княжон Ольгу Николаевну и Татьяну Николаевну, а затем и младших Марию и Анастасию. С 1913 г. становится преподавателем и воспитателем девятилетнего Цесаревича Алексея Николаевича. После февральской революции с марта 1917 г. добровольно остался с Царской Семьей под арестом в Александровском дворце и отправился с ней в тобольскую ссылку. При переводе царских детей из Тобольска в Екатеринбург в мае 1918 г. был отделен от Романовых и отправлен в Тюмень. Привлекался в качестве свидетеля белогвардейским следователем Н. А. Соколовым по делу об убийстве Царской Семьи. После разгрома Белой армии вернулся через Дальний Восток в Швейцарию. 1 октября 1922 г. в Грандсоне, в нескольких километрах от фамильного поместья в Фиезе, женился на бывшей няне царских детей А. А. Теглевой, а 3 октября этого же года они обвенчались в храме Преображения (18, Rue de Beaumont) в Женеве. Затем переехали в Лозанну, где жили в последующее время. Жильяр вернулся в университет, чтобы в возрасте сорока лет завершить учебу, прерванную им в 1904 г. 27 июля 1925 г. Жильяр со своей супругой прибыли в Берлин для встречи с якобы спасшейся Великой Княжной Анастасией. В 1929 г. в Париже вышла его книга, написанная совместно с Константином Савичем: «*La Fausse Anastasie*». Впоследствии Жильяр выступал на судах как свидетель по делу лже-Анастасии, которое, в общей сложности, продолжалось около 60 лет. (Более подробно см.: **Курт П. Загадка Великой Княжны**. М., 2005.) После смены различных мест работы в Италии и в Школе экономики стал преподавать с 1926 г. на курсах современного французского языка при филологическом факультете в университете Лозанны. Там же в 1937 г. стал профессором, а потом директором, оставаясь на этой должности до 1949 г. В 1958 г., вскоре после возвращения из Гамбурга, где он выступал на суде как свидетель, в Лозанне Жильяр попал в автомобильную катастрофу и получил значительные травмы, после которых он до конца не смог оправиться. Скончался в Лозанне 30 мая 1962 г. Автор ряда воспоминаний и книг: *Император Николай II и его семья. Петергоф, сентябрь 1915 – Екатеринбург, май 1918 г.* Вена, 1921; *Трагическая судьба русской императорской фамилии*. Ревель, 1921; *Тринадцать лет при Русском Дворе*. Париж, 1978; *Воспоминания о Царской Семье*. Лозанна, 1949.

⁷ Во время учебы в Кембридже он сам решил изменить написание своей фамилии с «Gibbs» на «Gibbes», так как считал, что оно больше соответствовало старинной семейной традиции. Однако в период его близости к Царской Семье официально использовался вариант «Gibbs», соответствовавший написанию в свидетельстве о рождении. Мы здесь сохраняем вариант, который он предпочитал. — **Прим. авт.**

Глава II

Императорская классная комната

Чарльз Сидней Гиббс был высоким мужчиной тридцати двух лет со светло-каштановыми волосами над высоким лбом. Вежливый и учтивый, он легко вступал в разговор и обладал четкой дикцией. Он был наделен хорошими организаторскими способностями и всегда скрупулезно соблюдал правила общества, в котором жил. Чарльз Сидней Гиббс родился 19 января 1876 года в городе Ротерхэме⁸, графство Йоркшир, в семье управляющего банком. Он стал девятым ребенком Джона Гиббса,⁹ уроженца Таучестера, графство Нортгемптоншир. Мать Чарльза Гиббса Мэри Энн Элизабет¹⁰ происходила из графства Суррей и была дочерью часового мастера по фамилии Фишер. Кроме дома на улице Хай-стрит в Ротерхэме, у семьи был загородный дом в Нормантоне-на-Тренте¹¹.

⁸ **Ротерхэм** – город в графстве Йоркшир, практически в центре Англии, расположенный на берегах реки Дон, в 10 км от Шеффилда.

⁹ **Гиббс, Джон** (1841—1917), управляющий Ротерхэмским отделением Шеффилдского и Ротерхэмского банка. Родился в Таучестере, графство Нортгемптоншир, Англия. Сын стекольщика и глазуровщика Джона Гиббса (1818—1881) и Элизабет Уилдон (1821—?). Начал работу клерком в филиале банка Шеффилд и Ротэрхэм 24 марта 1856 г. Назначен на должность менеджера с правом проживания в доме банка 15 декабря 1869 г. Казначей банка Ротерхэм Юнион и Сберегательного банка, а также приходского совета в Уистоне. Первым браком (7.10.1865 г. в Ротерхэме) был женат на Мери Энн Элизабет Фишер (1841—1906). От этого брака имел одиннадцать детей: Джон Фишер (1867—?), Элизабет и Джесси (сестры-близнецы скончались в младенчестве в 1868 г.), Уильям Артур (1869—1948), Герберт Вальтер (1870—1892), Перси (1871-?), Эдит (р. и ум. в 1872 г.), Эрнест (р. и ум. в 1874 г.), Чарльз Сидней (1876—1963), Джесси (р. и ум. в 1876 г.), Уинифред Аделин (1880-?). Вторым браком (26.09.1916 г. в Ноттингхэме) на Харриет Каролин Инскип Фишер (1857-?). Будучи родной сестрой его первой супруги, долгое время ухаживала за Джоном Гиббсом после ее смерти. Скончался в их семейном доме в Нормантоне в апреле 1917 г.

¹⁰ **Фишер, Мэри Энн Элизабет** (1841—1906), родилась в Валворте, графство Суррей. Дочь печатника Уолтера Фишера и Мери Инглиш. Вышла замуж за Джона Гиббса (1841—1917). Венчание состоялось в приходской церкви в Ротерхэме 7 октября 1865 г. От этого брака имела одиннадцать детей, из которых выжили шесть, остальные скончались в младенчестве. Проживала с мужем на Хай-стрит в доме, где располагался банк и где работал ее супруг. Заболела пневмонией и скончалась 22 февраля 1906 г. в возрасте 64 лет.

¹¹ **Нормантон-на-Тренте** – городок в графстве Ноттингемшир (Англия), в 9 милях к юго-востоку от города Ретфорда.

Чарльз Сидней Гиббс и Великая Княжна Анастасия Николаевна. *Александровский дворец. Царское Село, 1914 г.*

У супругов родилось одиннадцать детей, но выжило шестеро, трое из которых – Джон, Уильям Артур и Перси – пошли по стопам отца, став управляющими банками. Старший, Джон¹², жил в Аргентине, Артур¹³ отправился в Индию, Перси¹⁴ же поселился в Глостере. Младшая из дочерей, Уинифред Аделин, вышла замуж за священника из деревни Ли Марстон, расположенной неподалеку от Бирмингема. Чарльз Сидней, самый младший из сыновей, посещал школы в Бродстерсе¹⁵, на юге, а также в городе Хорнси¹⁶ на побережье Ист Райдинг. Директор школы в Хорнси считал Чарльза Сиднея «усердным и добросовестным», «благонадежным и чрезвычайно воспитанным молодым человеком». С осени 1894 года по лето 1895 года юный Гиббс учился в Университетском колледже города Аберистиут, Уэльс. Отец желал, чтобы он стал священником, поэтому Чарльз Сидней продолжил обучение в Колледже Св. Иоанна в Кембриджском университете. В 1899 году, после четырех лет безмятежной учебы, Гиббс с отличием окончил университет, получив степень бакалавра гуманитарных наук по этике и психологии. (Говоря о Чарльзе Гиббсе, один из преподавателей Кембриджа отмечал, что он «человек высоких моральных качеств, здравомыслящий, с приятными манерами». Другой преподаватель добавлял, что Гиббс «очень приятен в личном общении; а о его прилежании и упорстве в преодолении трудностей можно говорить в самых лучших выражениях»).

Несмотря на то, что Гиббс продолжил изучение богословских дисциплин в Кембридже и Солсбери, он в скором времени понял, что это не его призвание. Он решил сменить профессию. Совершенно естественно, это задело и расстроило его отца. Чарльза Сиднея интересовал целый ряд других занятий – от танцев до театра. Будучи очень любознательным человеком, он посещал всевозможные спектакли и методично собирал программки (он будет коллекционировать их в течение всей жизни). Представления были самыми разнообразными, в духе театральных веяний того времени: от гастрольного «Гамлета» Форбс-Робенсона и новой комической оперы «Персидская роза» Бэзила Худа и Артура Салливена в исполнении труппы театра Лицей в Шеффилде до постановки миссис Лангтри по произведению Сиднея Гранди «Дегенераты» (позже она возобновила постановку этой пьесы). Пьеса шла в театре Хеймаркет в Лондоне с Чарльзом Хотри и самой миссис Лангтри в главных ролях, однако в наше время об этом

¹² Гиббс, Джон Фишер Гиббс (1867—?), родился в Ротерхэме, графство Йоркшир, Англия. Начал работать в банке с отцом 28 ноября 1883 г. В 1888 г. покинул банк, чтобы поступить на службу к Мэссер Мартин и Ко. (банкиры в Лондоне) в их филиал в Ситинбурге. Жил в Бразилии (1895), в Буэнос-Айресе, Аргентина (1896—1897). Был женат на Элизе Матильде Уильямс (1861—?). От этого брака имелось четверо детей: Уильям Эверсли Фишер (1895—?), Дуглас Эрнст Фишер (1898—1990), братья-близнецы Реджинальд Фишер (1899—?) и Сидней Фишер (1899—1994). Покинул жену, оставив сыновей ей на воспитание. Вернувшись в Англию, работал служащим на Судостроительной верфи в Милфорд Хэвенс, графство Пемброкшир, Уэльс.

¹³ Гиббс, Уильям Артур (1869—1948), управляющий банком в Бомбее, Британская Индия. Родился в Ротерхэме. В октябре 1896 г. женился на Эсми Эделтам Флорак Фишер (1882—1969), дочери Уильяма Фишера и Эмми Флорак. Венчание происходило в соборе св. Фомы в Бомбее. От этого брака имелось пятеро детей: Гвендолин Мэри (1908—2002), Рэйчел Элинорд (р. 1910), которая с 1991 г. проживает в инвалидном доме; близнецы Маргарет (р. 1912) и Филипп (1912—1988). Маргарет была замужем за Джеймсом Уэлдингом Уолкером, осталась вдовой в 1991 г. Детей у них не было. Филипп проживал в Канаде; женат не был. Выйдя в отставку, Уильям вернулся в Англию. Проживал с семьей в Корнуолле. Супруга Уильяма Эсми училась в консерватории в Бонне и осталась жить в Дрездене. Она была талантливой пианисткой, как и Уильям Артур. Все дети хорошо играли на пианино. Но Гвендолин была единственной бросившей музыку ради искусства. Уильям Гиббс скончался в больнице св. Антония, в Корнуолле. Похоронен там же.

¹⁴ Гиббс, Перси (1871—?), служащий банка главного офиса в Ротерхэме. Начал работать в банке с 1888 г. Вначале был принят на временную работу. В июле 1890 г. его отец просил дирекцию банка назначить Перси обычную зарплату, на что получил согласие банка. В 1897 г. переехал в город Глостер, где получил работу управляющего банком. Кавалер ордена Креста. В июне 1899 г. женился на Жанет Неил («Нетти») (1873—?).

¹⁵ Бродстерс – прибрежный город на острове Танет в Восточном Кенте (Англия), в 122 км к востоку от Лондона.

¹⁶ Хорнси – маленький приморский курортный городок в восточном округе графства Йоркшир в Англии.

факте помнят лишь специалисты-театроведы. Макс Бирбом¹⁷, также посетивший спектакль, счел его довольно заурядным. Правда, в тот вечер писатель был не в лучшем расположении духа.

Гиббс хорошо знал иностранные языки. Возможно, именно это, а также его врожденная любовь к театру склонили его к романтическому решению поехать преподавать в Россию. Это встревожило его бывшего преподавателя из Колледжа Св. Иоанна, который считал это растратой таланта и сказал: «В России, мистер Гиббс, Вы будете лишь гувернером...» Действительно, в первый год своего пребывания в России Гиббс вряд ли мог рассчитывать на нечто большее. Он состоял гувернером в семье помещика и постепенно привыкал к жизни в чужой стране. Через некоторое время он вывез своего ученика в Англию, познакомил мальчика с некоторыми особенностями английской жизни и своевременно привез обратно. Но вскоре появилась другая работа, уже в Санкт-Петербурге, где его рекомендовали в качестве домашнего учителя в различные аристократические семьи. В то время он становится преподавателем в Императорском училище правоведения, где учились только юноши из семей потомственных дворян. Он испытывал неприязнь к распространенному там кляузничеству, когда с молчаливого поощрения преподавателя один студент был готов в любую минуту донести на другого. Гиббс неизменно наказывал любого, кто приходил к нему с доносом, что шло вразрез с общепринятой практикой и, возможно, очень удивляло студентов.

Через несколько лет он стал членом, а впоследствии и вице-президентом комитета Санкт-Петербургской Гильдии учителей английского языка. Гильдия была образована в 1907 году, для «поощрения взаимных консультаций» и «улучшения жизни гувернеров и преподавателей средствами общественных сборов». Патронировали организацию в том числе британский и американский послы, сэр Артур Николсон¹⁸ (отец Гарольда Николсона¹⁹; позднее лорда Карно) и Джон В. Риддл²⁰. Чарльз Сидней Гиббс, «бакалавр гуманитарных наук Кембриджского университета», активно участвовал в его деятельности. На втором ежегодном драматическом представлении и балу в Театре Комедии в феврале 1909 года он сыграл роль романтического vicar в постановке Кебл Говарда: «*The course of true love*» («Путь истинной любви» – *англ.*) по двум небольшим пьесам: «*Compromising Martha*» («Компрометируя Марту» – *англ.*) и «*Martha plays the fairy*» («Марта в роли феи» – *англ.*). Она значилась в программе вместе с короткой пьеской «*Барбарой*» Джером К. Джерома.

Эти повседневные дела занимали молодого учителя гораздо больше, чем нестабильная политическая ситуация в России. После войны с Японией Император Николай II, воспитанный

¹⁷ **Бирбом, Генри Максимилиан** (1872—1956), английский писатель, художник-карикатурист, книжный иллюстратор.

¹⁸ **Николсон, Артур** (1849—1928), 1-й барон Карнока, 11-й баронет. В 1890—1916 гг. – британский политический деятель и дипломат. Посол в Испании в 1904—1905 гг., посол в России в 1905—1910 гг., заместитель министра иностранных дел в 1910—1916 гг.

¹⁹ **Николсон, Гарольд Джордж** (1886—1968), британский дипломат, политический деятель, писатель. Младший сын дипломата Артура Николсона (1849—1928). В 1909 г. поступил на королевскую дипломатическую службу. Служил атташе в Мадриде (февраль—сентябрь 1911 г.), затем третьим секретарем в Константинополе (январь 1912 г. – октябрь 1914 г.). Во время Первой мировой войны работал в Министерстве иностранных дел в Лондоне. В 1920 г. был назначен личным секретарем к сэру Эрику Драммонду, генеральному секретарю Лиги Наций. Ушел с дипломатической службы в сентябре 1929 г. Стал парламентским секретарем в Министерстве информации во Временном национальном правительстве Черчилля (1941). Автор трехтомной книги «*Дневники и письма*». В 1953 г. стал Рыцарем-Командором Королевского Викторианского ордена (КСВО) в качестве награды за написание официальной биографии короля Георга V, изданной в 1952 г. Был женат с 1913 г. на писательнице Вите Сэквилл-Уэст (1892—1962). Их неординарные семейные отношения были описаны в книге их сына Найджела Николсона «*Портрет брака*» («*Portrait of a Marriage*», 1973).

²⁰ **Риддл, Джон Уоллес** (1864—1941), американский дипломат. Первое назначение получил в качестве генерального консула в Египет (1904—1905). Недолгое время работал посланником в Румынии и Сербии в 1905 г. в качестве чрезвычайного посланника и полномочного представителя (с пребыванием в Бухаресте). Затем президент Теодор Рузвельт назначил его послом в России (1907—1909). В 1921—1925 гг. при президентах Уоррене Гардинге и Кэлвине Кулидже состоял послом в Аргентине. Был женат с 1916 г. на известном американском архитекторе Теодэйте Поуп Риддл (1867—1946), первой жене, получившей лицензию архитектора на деятельность в Нью-Йорке и Коннектикуте.

как абсолютный самодержец – роль, не подходящая ему, что было известно более решительной Императрице, – был вынужден согласиться на переход к полуконституционной монархии с законодательным органом – Думой. Во всей огромной империи, превратившейся в нечто аморфное, рушились вековые традиции, в то время как Россия шла навстречу невиданной катастрофе. Царствующий Император Николай II по своей натуре был добрым помещиком, человеком, который, несмотря на все свое обаяние, оказался чересчур мягким для правителя государства. Все эти вопросы не интересовали Чарльза Сиднея Гиббса, пока однажды утром он вдруг не получил приглашение прибыть в Царское Село. Однако его первая встреча с Императрицей Александрой Федоровной состоялась лишь год спустя, а до тех пор он работал в окружении придворных Императора.

Царское Село расположено в пятнадцати милях²¹ к югу от Санкт-Петербурга. За охраняемой казаками высокой оградой Императорского парка простирался скрытый от посторонних глаз великолепный мир благоухающих лилиями садов и огромных стриженных газонов. Мир озер, террас, скульптур, гротов и триумфальных арок. На территории Царского Села находилось два дворца: огромный бело-голубой Екатерининский, построенный Екатериной Великой, и удаленный от него более чем на четверть мили Александровский, вполнину меньше первого, построенный позднее по заказу внука Екатерины II Александра I. Императорская семья жила в одном крыле Александровского дворца. Здесь находился почти легендарный сиреневый будуар Императрицы²², на стенах которого висело множество икон и фотографий. Над будуаром располагались гостиные, столовые, спальни и ванны комнаты императорских детей, с которыми будуар соединялся персональными лестницами.

В один прекрасный день осенью 1908 года Гиббс облачился во фрак, обычный в то время для появления при дворе, и государственный советник Петр Васильевич Петров²³ отвез его

²¹ Английская миля равна 1609 метрам. – Прим. пер.

²² Сиреневый будуар получил свое название из-за шелковой ткани опалового цвета, которой были оклеены стены. Они были изготовлены Домом Шарля Берже в Париже (Maison Charles Berger). Это предприятие все еще существует в столице Франции. Ткань называлась «Lampas Violet Reseda» и была очень дорогой. Александра Федоровна очень любила сиреневый цвет и сама выбирала оттенок. В салон нельзя было попасть из коридора, а только из Палисандрового салона или из спальни через занавешенные тяжелыми шторами и украшенные скульптурным орнаментом двойные двери.

²³ **Петров Петр Васильевич** (1858—1918), тайный советник, подполковник, чиновник особых поручений IV класса Главного управления военно-учебными заведениями. С 1903 г. обучал Великих Княжон Ольгу Николаевну, Татьяну Николаевну, Марию Николаевну и Анастасию Николаевну, а потом состоял при Цесаревиче Алексее Николаевиче в качестве преподавателя отечественного языка и литературы. В 1909 г. награжден орденом св. Станислава 2-й степени. Числился старшим учителем, а официально воспитателя назначено не было (П. Жильяр по документам считался лишь состоящим при воспитателе), можно понять, как высоко ставилось его мнение в этих вопросах. Сам Петр Васильевич, помимо множества статей, публиковал и книги по разным темам, в том числе по педагогике. В фонде П. В. Петрова в ГА РФ сохранились методические разработки новых курсов по родноведению. Однако важнее всего для него были непосредственные занятия с Цесаревичем. Расписание уроков Наследника в 1916/17 учебном году было таким: с 9 утра начинаются занятия, после первого урока следует прогулка, затем еще два урока. С 13 до 16 часов – ланч и отдых. Потом снова два урока. У Цесаревича было по пять уроков в день, причем он учился и в субботу. Основными уроками были Закон Божий, история, география, арифметика и языки – русский, английский, французский. Кроме этого, Наследник занимался балетом и музыкой. Во время перемен учителя проводили подвижные игры. Между Цесаревичем и его учителем сложились искренние дружеские отношения, которые сохранились у них на всю жизнь. Об этом говорит их переписка. В письме из Ливадии 19 августа 1913 г. Алексей Николаевич пишет: «Дорогой Петр Васильевич! Мне очень жалко, что Вас нету, приезжайте поскорее». Или в письме из Могилева три года спустя, 7 сентября 1916 г.: «Дорогой мой П. В. П.! Скучно без Вас». В дневнике Наследника, например, за июль 1916 г. о Петрове упоминается 14 раз – больше, чем о ком-либо другом. Петр Васильевич тяжело заболел. Из его письма Цесаревичу: «Милый дорогой мой Алексей. Я лежу пластом. Худ и слаб я, как тросточка! Желаю Вам не болеть!», «...приболел и я. Лицо мое выпрямилось, но губы по-прежнему остались перекошенными. Ходить пешком... я много не могу, да и запрещено». К слову сказать, состояние учителя так и не улучшилось. Тем не менее он продолжает общение с теперь уже бывшим Цесаревичем. «Как мне ни тяжело еще писать, дорогой мой ненаглядный Алексей Николаевич, но желание сказать Вам слово приветствия превозмогает мою слабость! Почерк мой не изменился, но пишу я втрое медленней» (письмо от 21 июня 1917 г.). Несмотря на болезнь, как только Петр Васильевич получил разрешение посылать письма в Александровский дворец, он немедленно передает своему ученику задания по русскому языку. «Вы пишете и излагаете почти без ошибок, и это не может не радовать мое учительское сердце». В другом письме: «Жду, когда кончится дело о моей отставке, к которой побудила меня и болезнь, и упразднение моей должности, которую я занимал». Из-за болезни не смог поехать в Тобольск в ссылку вместе с Царской Семьей. До конца своих дней проживал в Петрограде и Царском Селе. Умер от рака почек.

в Александровский дворец в Царском Селе. Здесь строгая фрейлина при Великих Княжнах София Тютчева²⁴ представила его ученицам: Ольге Николаевне, которой недавно исполнилось тринадцать, Татьяне Николаевне и Марии Николаевне; позднее они также присоединятся к сестре. Анастасия Николаевна в свои семь лет была пока неспособна к серьезным занятиям. Она начала учиться годом позже. Цесаревича Гиббсу доводилось видеть, когда он вновь и вновь входил в комнату, чтобы с серьезным видом пожать руки гостям.

Ольга Николаевна больше всего напоминала отца. Более уверенную в себе Татьяну Николаевну, привязанную к матери, младшие дети называли «гувернанткой». Мария Николаевна была жизнерадостной, но с ленцой, а Анастасия Николаевна очень озорной и всегда всех смешила. В течение последующих пяти лет Гиббс не занимался с Цесаревичем Алексеем Николаевичем.

Три старшие сестры были просты во вкусах и сообразительны, когда знали, что нужно сконцентрироваться. В целом, отношения с ними складывались легко. Английским языком они раньше занимались с учителем-шотландцем²⁵, и именно этот акцент Гиббсу предстояло исправить. Дисциплина в присутствии фрейлины должна была строго соблюдаться, говорить следовало осторожно. С первой серьезной проблемой Гиббс столкнулся, когда начались занятия с Анастасией Николаевной. Все еще худощавая (вскоре она начала расти очень быстро), стремительная в движениях, с глазами, в которых светился ум, она обладала прекрасной выдержкой и полностью владела своей мимикой. Такого он не встречал ни в одном ребенке. Гиббс помнил курс детской психологии, прослушанный в Кембридже, и старался использовать как можно больше описанных в нем новаторских методов, но они не спасали от неукротимых и зачастую внезапных проявлений ее нрава. Однажды после сорванного урока он отказался ставить ей пятерку. На минуту он с интересом задумался, что же может произойти. Затем Анастасия Николаевна решительно вышла из комнаты. Через несколько минут она вернулась с одним из тех искусно составленных букетов, которые всегда стояли в приемной. «Мистер Гиббс, – с торжествующим видом произнесла она, – Вы измените оценку?»

Секунду подумав, англичанин отрицательно покачал головой. Гиббс описал этот случай много лет спустя в письме от 1928 года Великому князю Александру Михайловичу, зятю Императора, жившему тогда в Париже²⁶.

Одно утро особенно запомнилось Гиббсу. Накануне вечером в Царском Селе давали детский костюмированный бал. Гиббс, во фраке и с белым галстуком, ждал за письменным столом прихода Анастасии Николаевны. Когда она вошла в комнату, ее лицо было черным, как у трубочиста. С собой она принесла маленькую золотую лестницу, которую положила рядом в ожидании начала урока. Гиббс, решивший не обращать на это внимания, собирался начать говорить, когда внезапно услышал смех за большой двойной дверью в конце комнаты. Дверь распахнулась, и вошли три старшие Великие Княжны со своей матерью. Императрица, казалось, была в ужасе. «Анастасия! – повысила голос Александра Федоровна. – Иди и приведи себя в порядок!» Трубочист кротко исчез. Когда она вернулась, с лицом, красным, как рак,

²⁴ **Тютчева Софья Ивановна** (1870—1957), родилась в Смоленске, внучка известного поэта Ф. И. Тютчева, фрейлина Высочайшего Двора, во время Русско-японской войны работала на складе Великой Княгини Елизаветы Федоровны. По ее рекомендации появилась при Дворе. В дневниках Николая II от 12 августа 1905 г. есть такая запись: «...новая дежурная фрейлина Тютчева...» (*Дневники Императора Николая II*. М., 1991. С. 274). В 1907—1911 гг. состояла при Августейших дочерях Их Императорских Величеств. Проявила чрезмерный подход к детям, настаивая, чтобы воспитание детей приняло более серьезный характер, чем на это смотрели сами Августейшие родители, вторглась в ту сферу влияния матери на детей, в которой Ее Величество хотела быть вполне самостоятельной. Интриговала против Г. Е. Распутина, разносила беспочвенные сплетни и слухи. В 1912 г. получила отпуск, а затем и вовсе была уволена от Двора. Позднее – член Елизаветинского Благотворительного общества и Московского Комитета Общества Красного Креста. Автор воспоминаний. Двоюродная сестра епископа Владимира (Путятина) – после революции известного раскольника, изверженного из сана и расстриганного. Скончалась в Муранове, родовом имении Тютчевых. Погребена в с. Рахманово (Московская область).

²⁵ Имеется в виду учитель английского языка М. Конрад (1891—1961), родом из Шотландии. – **Прим. ред.**

²⁶ См. об этом главу XX.

от оттирания, золотая лестница все еще лежала рядом с ее партой, но все предпочли сделать вид, что ничего не заметили, и урок продолжился в присутствии Императрицы. Через много лет у Гиббса появится повод вспомнить это утро.

Вскоре он узнал индивидуальные черты характера каждого члена семьи и придворных. Императора Гиббс видел редко. Когда он встречал Императрицу, она казалась ему красивой, величественной. Александра Федоровна держалась настолько скромно, насколько это было возможно в ее положении. Несмотря на великолепие Царского Села, казаков конвоя, этикет, многочисленную прислугу, атмосфера Александровского дворца чем-то напоминала атмосферу английского загородного дома, и такая обстановка удивительным образом подходила Императорской семье. (Хотя готовили плохо, это никого не беспокоило, и меньше всего Императрицу.) Для учителя английского языка месяцы пролетали быстро. В рабочие дни Гиббс либо отправлялся в Царское Село, где давал, по меньшей мере, два урока, либо оставался в Санкт-Петербурге и уделял время другим профессиональными обязанностями. Гиббс жил все той же упорядоченной жизнью, вел подробные счета (внося в них каждую копейку) и общался с соотечественниками. Заниматься с царскими детьми становилось все легче по мере того, как они узнавали и принимали Гиббса. Его овдовевший и вышедший на пенсию отец был рад узнать, что Чарльз занимает такое ответственное положение при дворе.

В 1913 году Императрица попросила Гиббса начать занятия английским языком с девятилетним Цесаревичем, который до того времени не желал произносить на этом языке ни единого слова. Незадолго до того Пьера Жильяра, швейцарца, который с 1906 года преподавал Великим Княжнам французский язык, также попросили приступить к занятиям с Алексеем Николаевичем²⁷.

Этот мальчик с золотисто-каштановыми волосами (официально – Великий Князь Алексей Николаевич, наследник престола) со временем должен был унаследовать обязанности своего отца. С того дня, как Император стал преемником Александра III, он пережил ряд серьезных политических кризисов в качестве главы дома Романовых или, по словам Мориса Баринга²⁸, «...последнего монарха из династии, родившейся под несчастливой звездой, Помазанного Императора, по праву помазанника Божия, от ледяных просторов Арктики до Аральского моря, от Варшавы до стен Татарии».

Это были студенческие беспорядки 1899 года, серия крестьянских бунтов, трагедия войны с Японией, восстание 1905 года с последующей всеобщей забастовкой и мятежом на флоте, душевные терзания при учреждении Думы и много всего другого. Но именно здоровье Цесаревича было постоянной, не затихавшей болью (это оставалось тайной, которую следовало хранить как можно дольше, не допуская, чтобы о ней узнали). Когда Цесаревичу было всего шесть недель, в семье узнали, что ребенок болен гемофилией. После любой раны или малейшего ушиба кровь не свертывалась, как это происходит обычно. Внутренние кровотечения причиняли страшную боль, и Алексей Николаевич, на время становившийся инвалидом, был прикован к постели. За ним, любящим приключения, надо было постоянно следить. Императрица, склонная к уединению и малообщительная, отдалась от светской жизни

²⁷ Пьер Жильяр вспоминал: «В начале сентября 1912 года Царское семейство отправилось в Беловежскую Пушу, где провело 15 дней, после чего отправилось в Спалу (в Польше) на более продолжительный промежуток времени. Там в конце сентября я и г. Петров присоединились к Царскому семейству. Вскоре после моего приезда Императрица сообщила мне, что она желала бы, чтобы я начал заниматься с Алексеем Николаевичем. Я дал ему первый урок 2 октября в присутствии его матери. Ребенок, который в то время был восьми с половиною лет, не знал ни одного слова по-французски, и я встретил при первоначальных моих с ним занятиях значительные затруднения. Мое преподавание вскоре было прервано, потому что Алексей Николаевич, который с самого начала показался мне больным, действительно должен был вскоре лечь в постель» (*Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и Царской Семьи / Петергоф, сентябрь 1905 г. – Екатеринбург, май 1918 г.* М., 1992. С. 9—10).

²⁸ **Баринг, Морис** (1874—1945), английский писатель-драматург, поэт, романист, переводчик, эссеист, автор книг о путешествиях и военный корреспондент. После неудачного начала дипломатической карьеры много путешествовал, в том числе по России. Автор перевода на английский язык воспоминаний графа Бенкендорфа, вышедших в Лондоне в 1927 г.

еще больше. Именно из-за Цесаревича она всецело доверилась Православной Церкви, из-за него она искала духовного наставника и всем сердцем приняла дар целительства сибирского крестьянина Григория Ефимовича, прозванного с юности Распутиным²⁹. Самоуверенный, неопрятный и полуграмотный, он был известен как «человек Божий», мог с помощью молитв облегчать страдания Цесаревича. Этого человека с чарующими серыми или, скорее, светло-голубыми глазами (однажды их назвали «блестящими, стальными») стали считать злым духом, стоящим позади Российского трона и правительства. Чем большим нападкам он подвергался, тем преданнее поддерживали своего друга Николай II и Императрица, которые считали его спасителем Царевича, а через него, по иронии судьбы, – всего народа. Чарльз Сидней Гиббс рассказал историку Георгию Каткову³⁰, что однажды во время войны он наблюдал, как Николай II вскрывал Императорскую почту в Ставке в Могилеве. Бросая письмо в корзину для бумаг, Николай Александрович воскликнул: «Еще один донос на Григория. Я получаю их почти каждый день и выбрасываю, не читая».

С течением времени образ Григория Распутина неизбежно упрощался, приобретая мелодраматические черты. Он не мог иметь всего того тайного политического влияния, которое ему приписывалось. Но число врагов Распутина, убежденных в его неискренности и алчности, угрожающе увеличивалось. Распутин не занимал никакой официальной должности, было достаточно того, что он пользовался расположением Императора, и его принимали при дворе в течение одиннадцати лет³¹. Из них пять последних лет его возвышения, которым он, прежде всего, был обязан своей способности облегчать боль больного Цесаревича, совпали со временем роковой гибели Российской Империи.

²⁹ Автор книги Джон Тревин ошибается. Видимо, он взял эту информацию из статьи «К смерти Григория Распутина», которая была опубликована в газете «Новое время» от 21 декабря 1916 г. В этой газете без зазрения совести сообщалось, что убитый «очевидно особой чистотой не отличался, так как с детства получил прозвище Распутина. Прозвище это по сибирскому обычаю попало в паспорт» (Фомин С. В. *Григорий Распутин. Расследование*. «А кругом широкая Россия...». М., 2008. С. 21). «Оставшийся верным Царской Семье и в лихие годы корнет С. В. Марков, по его словам, воспитывавшийся в семье, «определенно враждебно настроенной» к Г. Е. Распутину, писал в книге, увидевшей свет в Вене в 1928 г.: «Я должен удостоверить, что общесложившееся убеждение, что фамилия Распутин является прозвищем его со стороны его односельчан за его якобы распутную жизнь, не имеет под собою никакой почвы, так как я сам на месте его родины мог убедиться, что и предки Распутина, сибирские переселенцы чуть ли не со времен Екатерины, носили эту фамилию, так как обосновались на перекрестке, то есть на распутье двух больших трактов. В равной мере и приписываемое Распутину конокрадство является вымыслом. Семья Распутиных была всегда и давно зажиточной». И действительно, в описи вотчин Тобольского архиепископа 1765 г. предки Г. Е. Распутина были перечислены среди «лутчих людей» слободы Покровской... Точное и не подлежащее никаким сомнениям объяснение причин, заставивших просить о прибавке к фамилии, содержится в «Прошении крестьянина Тобольской губернии Тюменского уезда села Покровского Григория Ефимовича Распутина» на Высочайшее Имя от 15 декабря 1906 г... «Ваше Императорское Величество. Проживая в селе Покровском, я ношу фамилию Распутина, в то время, как и многие односельчане носят ту же фамилию, отчего могут возникнуть всевозможные недоразумения. Припадаю к стопам Вашего Императорского Величества и прошу, дабы повелено было мне и моему потомству именоваться по фамилии «Распутин Новый». Вашего Императорского Величества верноподданный. Григорий». Препровождая прошение министру внутренних дел П. А. Столыпину, обер-гофмаршал гр. П. К. Бенкендорф уведомлял: «Передавая мне это письменное прошение Распутина, Его Величество изволил выразить особенное желание эту просьбу уважить». Решение последовало 22 декабря 1906 г.» (Там же. С. 19—21, 23).

³⁰ Катков Георгий Михайлович (1903—1985), историк, философ. В 1921 г. эмигрировал из Киева в Прагу, где учился одновременно в Русском и Немецком университетах, изучал санскрит, занимался индологией и философией. В 1939 г. переехал в Оксфорд, преподавал. Профессор.

³¹ В дневнике Государя от 1 ноября 1905 г. сохранилась запись: «В 4 часа поехали в Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой. Познакомились с человеком Божиим – Григорием из Тобольской губ.» (Дневники Императора Николая II. М., 1991. С. 287).

Глава III

Наследник престола

Чарльза Сиднея Гиббса просили добиться успеха в том, в чем даже Императрица потерпела поражение, и теперь перед англичанином стояла сложнейшая задача. Занятия с маленьким Цесаревичем проходили в Александровском дворце в личных покоях Императорской Семьи. Поначалу мальчик относился к своему наставнику с недоверием и некоторым подозрением.

Прошло немало времени, прежде чем уроки стали проходить так, как этого желал Гиббс, поскольку в то время Цесаревич страдал от самого тяжелого приступа гемофилии за всю свою короткую жизнь. В течение всего 1913 года Цесаревич медленно восстанавливался после страшной травмы. Этот год был отмечен празднествами в честь 300-летия Дома Романовых, с того дня, как Михаил Федорович, основатель царской династии, взшел на престол в 1613 году. Несчастье произошло во время пребывания семьи на отдыхе в Восточной Польше осенью 1912 года. Еще в Беловеже, прыгая в лодку, мальчик ударился внутренней стороной левого бедра об уключину. Боль, казалось, ослабла, но через две недели, когда Царская Семья уже находилась в Спале, она возобновилась с ужасной силой. В области паха и бедра возникло угрожающее кровоизлияние. В течение многих дней Цесаревич находился в мучительном бреду. Его обезумевшие от горя родители пытались, и, в целом, небезуспешно, сохранить его болезнь в тайне. Выходили медицинские бюллетени, в которых не говорилось ничего определенного. В одну из октябрьских ночей конец был близок³². Тогда Императрица в ужасе отправила телеграмму Распутину, находившемуся дома в Сибири, умоляя его помолиться за Цесаревича. Он немедленно телеграфировал: *«Бог увидел Твои слезы и услышал Твои молитвы. Твой сын будет жить. Болезнь не опасна, как это кажется. Пусть доктора Его не мучают»*³³. Через день кровотечение прекратилось. Этому так и не было дано рационального объяснения. Императрица никогда не считала, что сообщение Распутина было случайным совпадением: для Александры Федоровны он был орудием Божиим. Алексей Николаевич действительно выздо-

³² 6 октября. Этот самый тревожный период в ходе развития болезни описан только в письме Николая II к Императрице-матери: «Дни с 6 по 10 октября были самые тяжелые. Несчастный Маленький страдал ужасно, боли схватывали Его спазмами и повторялись почти каждые четверть часа. От высокой температуры он бредил и днем и ночью, садился в постели, а от движения тотчас же начиналась боль. Спать он почти не мог, плакать тоже, только стонал и говорил „Господи помилуй“. Эти боли были связаны с тем, что кровь заполнила все внутренние полости в суставных сумках и непрерывно давила на нервные окончания» (Онищенко Г. Г. *Медицина и Императорская власть в России*. М., 2008. С. 262).

³³ Текст этой спасительной телеграммы приводится в различных источниках и интерпретируется самыми разными авторами. По версии Илиодора: «Надеюсь, здоровье улучшится. Благодать Божия выше болезни. Будь богобоязненна во всем». Р. Масси приводит без ссылки на источник другой текст: «Бог узрел Твои молитвы. Не горюй. Маленький не умрет. Не разрешай докторам слишком Его беспокоить» (Онищенко Г. Г. *Медицина и Императорская власть в России*. М., 2008. С. 264). Ян Воррес писал, основываясь на рассказах Великой Княгини Ольги Александровны: «Великая Княгиня находилась в это время в Дании вместе с Императрицей Марией Федоровной. От профессора Федорова она узнала, что это была самая тяжелая травма в жизни мальчика. Тогда его мать послала телеграмму в Покровское, моля о помощи. Распутин ответил: «Бог воззрил на Твои слезы. Не печалься. Твой Сын будет жить». – Час спустя Ребенок был вне опасности, рассказывала Великая Княгиня» (*Мемуары Великой Княгини Ольги Александровны* / Запись Я. Ворреса. М., 2003. С. 153—154). Наиболее ценными являются свидетельства А. А. Вырубовой, которая в тот момент находилась в Спале вместе с Царской Семьей: «Как-то вечером после обеда, когда мы поднялись наверх в гостиную Государыни, неожиданно в дверях появилась принцесса Ирина Прусская, приехавшая помочь и утешить сестру. Бледная и взволнованная, она просила нас разойтись, так как состояние Алексея Николаевича было безнадежно. Я вернулась обратно во Дворец в 11 часов вечера; вошли Их Величества в полном отчаянии. Государыня повторяла, что ей не верится, чтобы Господь их оставил. Они приказали мне послать телеграмму Распутину. Он ответил: «Болезнь не опасна, как это кажется. Пусть доктора Его не мучают» (Танеева А. А. (Вырубова). *Страницы моей жизни*. М., 2000. С. 78—79).

ровел, хотя еще почти год не мог ходить³⁴, и в Москве в разгар празднования 300-летия Дома Романовых его на руках нес в Кремль казак охраны³⁵.

Цесаревич Алексей Николаевич и его наставник Чарльз Гиббс на прогулке. *Александровский дворец, Царское Село, весна 1914 г. (фото из архива Ч. Гиббса)*

Все церемонии, начиная с открывающего торжества благодарственного молебна в сопровождении хора кафедрального собора в Санкт-Петербурге, были блистательны. Поистине, это было последним блистанием славы Дома Романовых. Празднества отвлекли общественное сознание от текущих проблем и способствовали укреплению верности трону как раз тогда, когда это было необходимо. Но для Императрицы торжества оказались настоящим испытанием. Александре Федоровне вместе с Императорской Семьей пришлось переехать из Царского Села в огромный Зимний дворец – переезд, который никого особенно не радовал. Уставшая после тяжелого испытания в Спале, Императрица с трудом переносила длительные церемонии, каждый раз ее усталость замечалась и вызывала недовольство.

Когда Цесаревич оправился после болезни, он не был так энергичен, как раньше. Однако его английскому наставнику не показалось, что мальчик опечален этим или же опасается, что подобный случай может повториться в будущем. Цесаревич обладал врожденным умом и отзывчивостью, которая неизменно проявлялась, когда он преодолевал свою застенчивость.

Кроме занятий с ним и Великими Княжнами, у Гиббса было множество других дел. Императорское назначение укрепило его престиж, он был теперь директором Высших курсов иностранных языков. У него было много учеников, он приобрел квартиру на Невском про-

³⁴ П. Жильяр писал, что болезнь «вызвала временное омертвение нервов левой ноги, которая отчасти утратила свою чувствительность и оставалась согнутой – ребенок не мог ее вытянуть». [...] По сведениям Е. С. Боткина, с ноября 1912 г. по март 1913 г. к Цесаревичу в качестве консультантов приглашались: профессор С. П. Федоров – 27 раз; профессор Р. Р. Вреден – 15 раз; доктор С. Ф. Дмитриев – 124 раза. [...] В марте 1913 г. Император Вильгельм радовался тому, что Цесаревич смог присутствовать на февральских торжествах. Эти торжества были связаны с празднованием 300-летия династии Романовых. Из политических соображений народу надо было обязательно показать Наследника, продолжателя многовековой династии. И его показали народу. Но при этом почти девятилетнего мальчика постоянно носил на руках огромный казак. Бледный и болезненный вид Цесаревича произвел на всех, видевших Его, угнетающее впечатление. [...] Борьба с последствиями болезни заняла почти год. Еще в сентябре 1913 г. «Его заставляли принимать очень горячие грязевые ванны, сильно его ослаблявшие и предписанные докторами, дабы уничтожить последние остатки Его заболевания». Именно тогда лечащий врач Наследника, хирург В. Н. Деревенко сообщил воспитателю Цесаревича Жильяру точный диагноз его заболевания и объяснил ему клинические особенности болезни» (Онищенко Г. Г. *Медицина и Императорская власть в России*. М., 2008. С. 266).

³⁵ Имеется в виду Светличный – подхорунжий, урядник Собственного Его Императорского Величества Конвоя, кавалер четырех Георгиевских крестов. Казак высокого роста. Носил Цесаревича на руках, когда он не мог ходить после перенесенной болезни в 1913 г.

спекте. Было приятно, несмотря на мрачные предзнаменования, жить среди особняков и палладианских колоннад этого идеально пропорционального северного города, построенного на кислой болотистой почве. На берегах протекающей через весь город Невы возвышались дворцы. Над ними виднелись золотая игла Петропавловской крепости, длинный шпиль Адмиралтейства и золотой купол Казанского собора. Сидней Гиббс был очень привязан к этому городу, с серебристо-стальными ледяными зимами и необычными белыми ночами в разгар лета. Он одинаково полюбил парк в Царском Селе и хорошо знакомые ему комнаты Александровского дворца. Так, в комнате Цесаревича было множество механических игрушек. Однако Алексей Николаевич, как всякий ребенок, отдавал предпочтение простым вещам. Об этом говорят краткие записи из дневника Гиббса, который англичанин периодически вел с 1914 года. Дневник под названием «Уроки с Алексеем Николаевичем» начинается так:

«1914

8 января (среда) [по старому стилю]

За столом. По ошибке священник начал раньше, мне же пришлось вести урок с 12.30 до 12.50. Я дал читать Цесаревичу историю «Three blind Mice» («Три слепые мыши» – англ.) из книги «Mother Goose Book» («Сказки Матушки Гусыни» – англ.), которые он повторил со мной, не пытаясь добавить ничего своего. Рассматривал мою одежду и внимательно следил за моими действиями. В конце – чтение стихов. Затем пролистал мою книгу «Brave Men» («Смелые люди» – англ.).

11 января (суббота)

За столом показывал ему картинки в книге «Brave Men», еще раз рассказал ему кое-что об этих картинках. Говорил без особых усилий – то есть бегло. Начал раскрашивать книгу о солдатах [имеется в виду книга «Brave Men»].

15 января (среда)

Нет урока. Вместо урока посещение богослужения в Домовой церкви.

18 января (суббота)

За столом повторял снова «Brave Men». Он раскрасил большую часть картинок красным и синим карандашом. Глядя на книгу «Mother Goose Book», сказал несколько слов механически.

22 января (среда)

За столом. Он смотрел «Golliwog's Circus Book» (книга «Цирк Голливога» – англ.)³⁶. Писал письмо цветными мелками для Анастасии Николаевны, после этого мы сделали бумажную шляпу, и здесь он проявил интерес и сказал несколько слов.

25 января (суббота)

На диване с поджатыми ногами. Разговаривали о собаке, и потом я показал ему новые книги с картинками. Затем каждый из нас сделал бумажные шляпы, которые вывернулись плохо. После стали делать бумажные коробочки. Я показал ему одну полностью законченную. Делая коробочку, он больше говорил по-английски.

³⁶ «Цирк Голливога» – книга британской писательницы Флоренс Кейт Аптон (1873—1922). Первое издание этой книги вышло в 1903 г.

29 января (среда)

По вынесенному распоряжению, урок в среду не может быть дан, поскольку он нарушает правило расписания прогулок: гулять регулярно после каждого двух уроков. Впоследствии урок с А. Н. [Алексеем Николаевичем] был перенесен на субботы и понедельники с 5.30 до 6 вечера, за которым следовал урок с М. Н. [Марией Николаевной].

1 февраля (суббота)

А. Н. на этом уроке неожиданно начал расхаживать туда и обратно и стал менее застенчив, свободно высказывался по-английски. В целом, это было намного лучше.

3 февраля (понедельник)

Мы рисовали на классной доске с закрытыми глазами. Рисовали хвостики к пороссятам, и как всегда из-за своей застенчивости он терялся.

8 февраля (суббота)

На этом уроке мы играли на полу, и я сделал для него флаги из бумаги, рисуя и раскрашивая их. Он раскрасил один, потом другой. Флагшток также был скручен из бумаги и обвязан проволокой.

10 февраля (понедельник); **17** февраля (понедельник); **24** февраля (понедельник)

На этих трех уроках мы играли на полу. Никакого успеха в обучении не было. Слишком много праздников. Масленица. Первая неделя Великого поста.

1 марта (суббота)

Сидели за столом. Повторяли детские стихи. Некоторые он проговаривал, но, как обычно, с большой застенчивостью.

3 марта (понедельник)

Он прогуливался во время занятий, но, в конце концов, сел за письменный стол. Начали читать рассказ «The Fisherman of York» («Рыбак из Йорка» – англ.). Он мало что понимал. А. Н. пришел с музыки и объяснялся по-русски.

6—7 вечера. На урок к М. Н. в 6.40 пришла Ее Величество и сидела примерно до 7 часов. После разговора о диктанте М. Н., успехах в учении, необходимости чтения вслух, о написании сочинений, особенно писем, она сказала, что уже попросила мистера Эппса³⁷ прекратить заниматься грамматикой и уделять больше внимания орфографии. Предложив Ее Величеству стул, сел сам. В следующий момент я почувствовал себя неуверенно из-за нарушения этикета. Я встал, а книга для диктантов оставалась лежать на столе. Ее Величество заметила, что считает это неосторожным. Я уверил Ее Величество, что М. Н. никогда не подсматривает, а уж если она сделает это, то немедленно признается. И все же Ее Величество повторила, что это большой соблазн (конечно, когда я сидел, я обычно держал книгу в руках). Я спросил, заметила ли Ее Величество некоторые успехи М. Н. в языке. Она сказала, что М. Н. сообщила ей об этом. Но из кратких замечаний Ее Величества я понял, что она так не думает. М. Н. так

³⁷ Эппс, Джон Билли Мерикен (1848—1935), родился в Оспринге, графство Кент в Англии. Сын химика Джона Билли Мерикена Эппса (1828—?) и Сары Натт (1820—1906). Приехал в Россию в 1880 г. Преподавал английский язык царским детям в 1905—1908 гг. Затем вернулся в Англию и перед Первой мировой войной уехал в Австралию. Умер в Сиднее. После себя оставил документы: письма, рисунки и фотографии Царской Семьи, которые хранились в Лондоне более 70 лет. Впервые были представлены в 2004 г. на международной книжной выставке в Сиднее. Среди них была новогодняя открытка-письмо, написанная в 1910 г. Великой Княжной Ольгой Николаевной г-ну Эппсу с ее стихами: «God speed you as the seasons wax and wane; God keep you till a New Year dawns again». Сейчас эта коллекция документов возвращена родственникам семьи Эппса. У царских детей был еще один учитель-шотландец – М. Конрад (1891—1961).

сказала, потому что быстро писала. Затем разговор зашел об уроках с А. Н., и Ее Величество спросила меня, какие успехи он делает. Я сказал, что работа идет медленно и трудно. Порой он говорит крайне мало. Я объяснил, что на первых занятиях он вообще ничего не говорил, и поначалу казалось, что он только смотрит на меня и изучает детали моей одежды. Похоже, это позабавило Ее Величество. Она сказала, что он очень застенчив и еще привыкает ко мне. Я ответил: «Да, к несчастью, у нас было очень мало времени. И уроки проходят всего лишь два раза в неделю по 30, а, то и по 20 минут». «Да, – сказала Императрица. – Маловероятно, что от этого может быть толк». Я показал ей три книги, которые я использовал: «Mother Goose Book», «First Steps to Lit. [Literature]» («*Первые шаги в литературе*» – англ.), «How to tell stories to Children» («*Как рассказывать сказки детям*» – англ.). Мне показалось, что она проявила к ним интерес. Она заметила, что, возможно, ему бы понравились книжки с картинками, а я объяснил, что я уже показывал ему некоторые. Тогда Ее Величество предложила брать книги внизу [в библиотеке].

8 марта (суббота)

Намного лучше. Прежде всего, он взял проволоку, и мы отрезали два конца, из которых он сделал телеграфную и телефонную линии. И мы телеграфировали друг другу, держа провод рядом с ухом и между зубами. Он был очень удивлен, что слушает с помощью зубов. Потом я продолжил читать сказку о рыбе и кольце. Затем повторил снова, и тогда мне показалось, что он запомнил ее. Безусловно, он отвечал лучше, когда я задавал вопросы. Мы продолжили обсуждение сказки, но не закончили. В середине урока он попросил разрешения вызвать звонком Деревенько и попросил у него что-нибудь сладкое. Матрос-слуга принес в стакане шоколадную конфету, который мальчик с удовольствием съел. Это вошло в привычку, и теперь необходимо положить этому конец. Бессовестно так есть, когда ты в компании.

10 марта (понедельник)

Урок длился только 15 минут (5.45 – 6 вечера). Он постоянно делал плетки, и я помогал ему. Он немного говорил по-английски и под конец урока, наконец, сосредоточился, был не так застенчив. У него милое маленькое лицо и очень обаятельная улыбка.

14 марта (пятница)

О. Н. [Ольга Николаевна] сдала свой последний экзамен. Во-первых, 7 марта она написала диктант по сказке Оскара Уайльда «Selfish Giant» («*Великан-эгоист*» – англ.), а сегодня сдала изложение по книге «Called Back» («*Призванный обратно*» – англ.)³⁸. Диктант был написан Великой Княжной совершенно самостоятельно, чего я не могу сказать о последнем [о сочинении]. Мы все очень веселились по этому поводу. Я с сожалением думал, что наши уроки уже заканчиваются, потому что, несмотря на небольшие исключения, они были очень приятны.

15 ноября (суббота)

А. Н. сидел за письменным столом, когда мы начали заниматься, и я продолжил читать ему сказку «The Fish & the Ring» («*Рыба и кольцо*» – англ.), которая еще не была закончена мной. Очень скоро он пошел, сел на диван и сказал: «Идите и сядьте здесь». Так мы сидели, а затем он лег на диван. Он был очень тихий и чувствовал себя далеко не лучшим образом. Сказку он слушал очень внимательно и, когда я закончил, он лаконично сказал: «Другую». Я задал ему несколько вопросов и по его кратким ответам догадался, что он понял содержание.

³⁸ «Призванный обратно» – мистический любовный роман, написанный англичанином Фредериком Джоном Фаргусом (1847—1885) под псевдонимом Хьюг Конвэй. Книга стала широко известна сразу после написания в 1883 г.

Затем я рассказал ему сказку «Car of Rushes» («Шанка из камыша» – англ.)³⁹, которая заняла у меня оставшиеся полчаса.

17 марта (понедельник)

В ожидании, кода Петров закончит урок и выйдет из комнаты, я открыл дверь в 5.40. Но я не мог сразу приступить к занятиям, так как еще не завершились предыдущие. Это был урок правописания: нужно было отвечать на вопросы в письменном виде. Ребенок устал. После того, как ушел П. В. [Петр Васильевич], у меня оставалось всего четверть часа. Мне не повезло. Сначала он принялся резать ножницами хлеб и затем бросать его птицам, для чего пришлось открывать и закрывать оконные створки – работа оказалась довольно нервной. Затем он обмотал проволоку вокруг зубов и хотел проделать то же самое со мной. Ну, естественно я побоялся. И что самое худшее, он снова взял ножницы и настоял на том, чтобы резать все, или притворился, что режет все. И чем настойчивее я пытался предотвратить это, тем в больший восторг он приходил. Тогда он не выглядел красивым: у него было странное выражение лица. Затем он захотел подстричь мои волосы, а потом свои. Когда я попытался ему помешать, он спрятался за портьеру и обмотал ее вокруг себя. После того, как я извлек его из портьеры, он успел отрезать себе прядь волос, и очень расстроился, когда я сообщил ему, что у него на этом месте образовалась проплешина. Дальше он попытался отрезать ножницами кусочек обоев и портьеры. Закончилось это тем, что он начал извлекать из портьер свинцовые гири. Под конец, он пригласил меня пойти с ним в игровую комнату, но я сказал ему, что уже 6 часов. Тогда он спустился вниз, крича о том, что вынул из портьеры свинец. Безусловно, он уже больше понимает по-английски. Но этот урок был скорее возмутительным, чем приятным».

Гиббс, все еще не знавший о том, что Цесаревич болен гемофилией, не представлял себе, насколько неприятными могли быть последствия любого происшествия с ножницами.

Здесь Гиббс ненадолго перестает вести дневник. Когда он вновь внес туда нескольких кратких записей, за пределами Царского Села уже было неспокойно. В то знойное беспокойное лето Гиббс взял отпуск и отправился в Англию, где в Нормантоне жил его отец, вышедший на пенсию. Пока он гостил дома, президент Франции Раймон Пуанкаре⁴⁰ пересек Финский залив и прибыл в Россию с государственным визитом. Новый посол Франции Морис Палеолог вспоминал драгоценности, в которых появились дамы на банкете в Петергофе: «фантастический водопад бриллиантов, жемчугов, рубинов, сапфиров, изумрудов, топазов, бериллов – блеск огня и пламени». Приблизительно в то же время пламя намного страшнее этого охватывало Европу. Оно начало разгораться в июне после убийства в Сараево эрцгерцога Франца Фердинанда, наследника Австрийского престола. Австрия предъявила яростный ультиматум Сербии. Россия, традиционно оказывавшая покровительство славянам, посоветовала Сербии пойти на уступки, но ничто не могло удержать Австрию от войны. Император, пребывавший в нерешительности, уступил Генеральному штабу и объявил мобилизацию армии. 1 августа [1914] Германия объявила войну России⁴¹. На следующий день в полдень, выдавшийся

³⁹ Эта английская сказка, пересказанная Рахини Чотхэри, очень сильно напоминает «Золушку». Она была включена Джеозефом Якобсоном в его сборник английских сказок, опубликованной в 1890 г. Хотя в этой истории нет происходит никакого волшебства, в ней случаются странные и необычные вещи. Шекспир использовал подобный сюжет в трагедии «Король Лир». Дочь Лира Корделия сравнивается с девочкой Кэп оф Русес в этой сказке. – **Прим. ред.**

⁴⁰ **Пуанкаре, Раймон** (1860—1934), президент Франции (Третья республика, 1913—1920). Два раза посещал Россию с официальным визитом в 1912 и 1914 гг., для заключения русско-французского союза.

⁴¹ Интересно отметить, что существует телеграмма, которую Император Николай II получил от немецкого Императора в 2 часа ночи 2 августа, ровно через семь часов после того, как объявление войны Германией было вручено графом Пурталесом министру иностранных дел С. Д. Сазонову. Казалось, она игнорировала тот факт, что Германия объявила войну, и была составлена так, как будто переговоры все еще возможны. Текст этой телеграммы приводится в книге Каутского «Die Deutschen Dokumente etc», 1919, под №600. Телеграмма эта говорит о том, что Император Вильгельм II не хотел войны с Россией. «Германский Император Вильгельм в последней своей телеграмме на имя Императора Николая II предлагал остановить в России мобилизацию, и тогда он не обнажит своего меча против России. По получению этой телеграммы Государь,

чрезвычайно жарким, Император в присутствии Императрицы ответил из Зимнего дворца официальным объявлением войны. Толпы людей встретили его с огромным патриотическим восторгом⁴². Франция была в состоянии войны с Германией. 4 августа присоединилась Великобритания.

Через две недели Гиббс получил телеграмму о том, что Императорская Семья останется в Царском Селе. У Гиббса также спрашивали, приедет ли он в Россию. Гиббс тотчас вернулся в Санкт-Петербург, совершив рискованное и изнуряющее путешествие через Норвегию, Швецию и Финляндию. По случайному стечению обстоятельств, в том же поезде ехал Великий Князь Михаил Александрович («Миша»), младший брат Императора, которому в то время было тридцать шесть лет. До рождения Алексея Николаевича он являлся предполагаемым наследником престола. Когда Император отказал брату в разрешении на брак с разведенной женщиной недворянского происхождения, он уехал с ней из России. Осенью 1912 года Михаил Александрович женился на своей возлюбленной, г-же Наталье Шереметьевской, которая к тому времени уже родила ему сына⁴³. Телеграмма Великого Князя, посланная из Баварии с этим сообщением⁴⁴, застала Императора в Спале, как раз после болезни Цесаревича. Оказалось, что Великий Князь Михаил Александрович, второй в очереди на престол, читал бюллетени, содержавшие намек на то, что болезнь наследника может иметь смертельный исход. Этим объясняется его решение заключить морганатический брак, прежде чем вернуться на родину. Запретив брату и его супруге возвращаться в Россию, Император, однако, был вынужден впоследствии признать этот брак и даровать г-же Наталье Шереметьевской титул графини Брасо-

решительно не желая войны, единолично пошел на уступки, приказав военному министру Сухомлинову немедленно остановить мобилизацию. Какие-то маги оказались и в России, убедившие Сухомлинова, этого рокового человека, не исполнить воли Государя, и не было дано знать германскому послу о воле Государя. Если бы воля Государя была исполнена, то войны Германии с Россией, несомненно, не было бы. Если бы война и была впоследствии, то только между Германией, Францией и Англией, а не с Россией. Из этого, кажется, более чем ясно, что войны Император Николай II не только не желал, но и давал решительный приказ, который предотвратил бы войну, но его приказ был не исполнен. Вся ответственность за войну лежит на том, кто воли Государя не исполнил, и тех, кто заставил этого безвольного человека не исполнить воли Государя (об этом во всей полноте было выяснено при суде над Сухомлиновым в революционном трибунале)» (**Игумен Серафим (Кузнецов)**. *Православный Царь-Мученик*. М., 2000. С. 124).

⁴² Из воспоминаний баронессы С. К. Буксгевден: «На следующий день, 2 августа, Император и Императрица с дочерьми – маленький Цесаревич был болен – отправились в Санкт-Петербург на торжественную литургию в Зимнем дворце. Это был старый обычай, который был соблюден и в начале русско-японской войны. Толпы народа заполнили Зимний дворец, все были полны патриотизма. Дамы бросались к Императору, целуя его руки. Нельзя вспомнить подобного подъема, который запомнил 1812 год. В первые дни японской войны состоялось несколько уличных демонстраций студентов, но теперь поднялась вся страна. Кульминацией стал момент, когда Император, обращаясь к присутствующим офицерам, повторил обещание Александра I, данное в 1812 году: не заключать мира, пока хоть один враг будет оставаться на Русской земле. Сэр Джордж Бьюкенен в своей книге *„Моя миссия в Россию“* привел эти слова: „Я торжественно клянусь не заключать мира, пока будет хоть один враг на Русской земле“. Толпы людей на улицах приветствовали это громкими возгласами, а когда Император и Императрица появились в окнах дворца, вся толпа, заполнявшая огромную площадь, вдруг опустилась на колени и запела Национальный Гимн. Дума на памятном заседании выразила свои верноподданнические чувства в словах, исполненных пламенного патриотизма, так что Император почувствовал, что его поддерживает вся страна» (**Баронесса Софья Буксгевден**. *Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России*. М., 2012. С. 199).

⁴³ **Брасов Георгий Михайлович** (1910—1931), граф, сын Великого Князя Михаила Александровича. Император Николай II даровал сыну своего младшего брата дворянское достоинство и фамилию Брасов (по названию имени) своим указом от 13 ноября 1910 г. Существовало наиболее распространенное мнение, что он получил титул графа в 1915 г., но этого указа никто не видел. После революции вместе с матерью графиней Натальей Сергеевной проживал в Великобритании и Франции. Погиб в возрасте 20 лет в автомобильной аварии в Лондоне 22 июля 1931 г. Его автомобиль врезался в дерево. Похоронен в Париже на кладбище Пасси.

⁴⁴ Автор книги Д. Тревин ошибается. Об этой новости Император узнал из письма Великого Князя, посланного Его Величеству 1/14 ноября 1912 г. из отеля Du Parc в Каннах: «Мне тем более тяжело огорчить тебя теперь, когда ты и без того так озабочен болезнью Алексея, но именно это последнее обстоятельство и мысль, что меня могут разлучить с Наталией Сергеевной Брасовой, заставили меня обвенчаться с ней. Прошло уже пять лет, что я ее люблю, и теперь уже не могут сказать, что с моей стороны это было простое увлечение. Наоборот, с каждым годом я привязываюсь к ней все сильнее, и мысль, что я могу лишиться ее и нашего ребенка, мне слишком невыносима» (**Хрусталева В. М.** *Великий Князь Михаил Александрович*. М., 2008. С. 194). Великий Князь опасался того, что болезнь Алексея Николаевича заставит Императора для обеспечения престолонаследия усилить натиск на брата относительно его «незаконной связи».

вой. Когда началась война, Великому Князю и его супруге было позволено вернуться. Великий Князь был послан на фронт командовать конной дивизией. Отношение же к графине Брасовой оставалось неизменным: Император и Императрица были непреклонны и игнорировали ее.

Рабочая сила в России и, как позднее окажется, ее военные потери, были настолько же значительными, насколько приготовления к войне – неадекватными. Тем не менее продвижение в начале войны через леса и болота Восточной Пруссии по двум направлениям: одной армии – к северу от Мазурских озер, второй – к югу от них, было удивительно успешным. Но это продолжалось недолго. Через месяц с небольшим немецкие генералы Гинденбург и Людендорф отразили непродуманную наступательную операцию, нанеся два сокрушительных поражения, первое из которых – в битве при Танненберге. Таким было положение дел, когда в сентябре [1914] Сидней Гиббс покинул столицу, по царскому указу сменившую немецкое название Санкт-Петербург на русское Петроград. Англичанин отправился в Царское Село, чтобы возобновить занятия с Цесаревичем.

После возвращения к Алексею Николаевичу Гиббс сделал лишь несколько разрозненных комментариев:

«9 сентября

Возобновились уроки с А. Н. Могу сказать, что он добился успехов. Значительно продвинулся во всех отношениях. И, кажется, он стал намного более сообразительным, и проворнее выполняет задания. Большую часть времени мы проговорили. Я рассказал ему о своей поездке, а затем попросил его описать картинки из занимательной азбуки.

10 сентября

Комментировал упражнения по методу G [...] ⁴⁵. Кажется, что он вполне в это вник. Читали «Three Bears» («Три медведя» – англ.) ⁴⁶.

11 сентября

Продолжаем работать по методу, открытому G [...] (1). открываю книгу и читаю (2), открываю дверь. Описывали картинки без слов из книги Л. Мартина.

13 сентября

Метод G [...]. № А и 3, 5. Описание картинок №2, 3 и 4. Читали «The Duke of York» («Герцог Йоркский» – англ.). Не так уж хорошо. У меня легкая простуда».

В это время Цесаревич был слишком счастлив, чтобы отвлекаться. К концу недели Гиббс в качестве своеобразного образовательного приема показал ему, как делать другие бумажные шляпы, но из-за этого пострадало качество занятий.

«16 сентября

Метод G [...]. 6 (шляпа) 5 и М. Я сделал бумажную шляпу. По этому поводу было много восторга, и он сделал несколько других шляп для себя и своих маленьких друзей».

⁴⁵ В рукописи фамилия написана неразборчиво.

⁴⁶ «The Story of the Three Bears», или «Goldilocks and the Three Bears» – популярная английская народная детская сказка. На русском языке широкое распространение получила в пересказе Л. Толстого. В английском варианте девочку, попавшую в жилище медведей, зовут Золотые кудри (Goldilocks). Сказка впервые опубликована Робертом Саути в 1837 г., однако в его варианте героиней является не девочка, а маленькая старушка. Однако в 1894 г. Джозеф Джекобс выяснил, что существует другой вариант этой сказки, в котором в жилище медведей попадает лиса по имени Scrapefoot. Через двенадцать лет после Саути измененный вариант его сказки в своем сборнике «Treasury of Pleasure Books for Young Children» публикует Джозеф Кандалл, в котором старушка заменена маленькой девочкой. – Прим. ред.

Глава IV Рядовой

Это стало началом больших перемен. В воздухе повеяло холодом. На Императора навалились служебные обязанности в таком количестве, что у него не оставалось свободного времени. Он мог позволить себе лишь прогулки в парке, но даже они зачастую сокращались. У всех вдруг стало намного больше дел.

Обсуждая предвоенный период, Г. Дж. Брюс, глава канцелярии Британского посольства, супруг балерины Карсавиной, говорил: «Насколько мы знаем, Император никогда не приезжал в Петербург, кроме как на Крещение Господне, чтобы присутствовать на освящении воды. Императрицу я никогда лично не встречал. Нам довелось увидеть Императора вблизи один единственный раз. Это произошло на Новый год, когда члены дипломатического корпуса направлялись в Царское Село. Как человек Николай Александрович производил очаровательное впечатление. Ему было суждено единолично править страной в очень трудное время. Кроме того, из-за своего добросердечия он не замечал, какое дурное и пагубное влияния оказывают на него приближенные, а из-за своего слабоволия не принимал против этого должных мер. Все это явилось [...] главной трагедией его жизни» (**Брюс Г. Д.** *Непринужденные беседы*. Лондон, 1946).

Вступление России в войну положило конец уединенной жизни Императорской Семьи. С началом военных действий Император большую часть времени проводил в штабе. Императрица отдала себя работе в Красном Кресте⁴⁷. Александра Федоровна, Ольга Николаевна

⁴⁷ Царскосельский Комитет Красного Креста был основан в 1899 г. под председательством княгини С. С. Путятиной. Тогда сестры милосердия арендовали помещение на Гоголевской улице в Софии. В 1905 г. Государыня Императрица Александра Федоровна взяла под свой особый контроль деятельность и обустройство местной общины Красного Креста. Была образована специальная комиссия по постройке зданий, связанных с медициной. В строительный комитет входили секретарь Ее Величества граф Я. Н. Ростовцев, генерал-майор, начальник Царскосельского Дворцового Управления Ф. Н. Пешков, дворцовый комендант князь П. Н. Енгальчев и архитектор С. А. Данини. В 1907 г. был построен деревянный дом в два этажа, в котором помещалась местная община Красного Креста, состоящая под покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны. Здание имело каменный фундамент, а также фахтвертовские стены, прорезанные прямоугольными окнами. Крыша была многоскатная с угловой шатровой башенкой и шпилем. Жилые помещения были расположены по внешнему периметру главного фасада, что обеспечивало максимальный доступ воздуха и света. Планировочная структура, несмотря на многие изменения, и сегодня сохраняет свой первоначальный вид, хотя интерьеры здания в основном не сохранились. При общине имелась бесплатная амбулатория на восемь коек и приемный покой с операционной, расположенной на втором этаже, а отдельные палатные комнаты для выздоравливающих – на первом. В 1910 г., в честь 200-летия основания Царского Села, община Красного Креста предполагала расширить свое помещение и построить новые здания. Работы были поручены архитектору С. А. Данини, который возвел каменное здание, предназначенное для больницы и богадельни. Туда была встроена и церковь, которую освятили в 1914 г. в присутствии Царской Семьи. Домовая церковь во имя иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радость» при Царскосельском отделении Красного Креста, состоявшего под покровительством Государыни Императрицы Александры Федоровны, созидалась ее усердием и на ее средства. Она была построена в стиле средневекового новгородского зодчества XIV—XV вв. Внутренняя роспись в древнем стиле XVI в. создана художником Г. П. Пашковым по эскизам В. М. Васнецова. По воле Ее Величества освящение было совершено иерейским служением, и чин освящения совершал настоятель общины отец Николай Андреев с митрофорным протоиереем Афанасием Беляевым и священником царскосельского госпиталя о. Иаковом Червяковским. В храме находилась икона Божией Матери XVI в. «Нерушимая стена». (Сейчас в притворе храма и алтаре располагается торговый зал. Росписи окрашены масляной краской. Сохранилась только чугунная винтовая лестница, ведущая на хоры с правой стороны.) С 18 августа 1914 г. по 1917 г. в здании был расположен лазарет, при котором действовали курсы сестер милосердия, которые лично прошла Государыня с двумя старшими Великими Княжнами. Из отчета РОКК за 1914 г.: «...15 августа открыты курсы для подготовки сестер военного времени. Августейшая покровительница общины Императрица Александра Федоровна изволила изъявить желание подвергнуться испытанию на получение звания сестры милосердия военного времени и по выдержании сего испытания милостиво удостоила общину высокой чести вступить в состав сестер общины. 1-й выпуск состоялся 6 ноября. В этот день в церкви общины было отслужено о. Николаем Андреевым благодарственное молебствие – на коем изволила присутствовать Августейшая Сестра Милосердия общины и все выпускные ее сестры. По окончании молебствия Попечительница общины имела счастье поднести Ея Императорскому Величеству и Их Императорским Высочествам дипломы о получении звания сестер милосердия военного времени, и окончившие курсы сестры удостоились получения дипломов из Собственных рук Августейшей покровительницы общины...

и Татьяна Николаевна получили квалификацию сестер милосердия⁴⁸. Они носили форму медицинских сестер и принимали участие в зачастую мучительной работе военных госпиталей. Цесаревич больше не ходил в матросской форме, теперь он был одет как рядовой солдат и носил миниатюрное ружье, подходящее ему по размеру. Только Великие Княжны Мария и Анастасия одевались в обычную и простую одежду. По мнению Гиббса этого было достаточно, чтобы им также уделяли должное внимание. Тем более, что они, как и старшие сестры, неустанно трудились в лазарете⁴⁹. Уроки проводились в свободное время, когда это было возможно. Цесаревич, к удовольствию Гиббса, мог заниматься более интенсивно. И так продолжалось вплоть до наступления совершенно неожиданных перемен.

Несмотря на то что Император доверил командование армией Великому князю Николаю Николаевичу, самому доблестному и опытному военному исполинского роста, сам он постоянно находился в штабе верховного главнокомандующего – Ставке. Ставка была расположена между фронтами, в лесу, неподалеку от железнодорожного узла Барановичи. В течение 1915 года российские войска, разгромившие австрийцев, столкнулись с мощной атакой немцев и были отброшены назад, понеся огромные потери⁵⁰. По всей стране ненависть ко всему немецкому стала прогрессировать⁵¹. Всеобщий патриотизм прошлого лета сменился гневом и разо-

Число сестер 1-го выпуска – 42» (*Августейшие сестры милосердия* / Сост. Н. К. Зверева. М., 2006. С. 426—427).

⁴⁸ Вот что об этом пишет близкая подруга Государыни Анна Александровна Вырубова: «Чтобы лучше руководить деятельностью лазаретов, Императрица решила лично пройти курс сестер милосердия военного времени с двумя старшими Великими Княжнами и мной. Преподавательницей Государыня выбрала княжну Гедройц, женщину-хирурга, заведовавшую Дворцовым госпиталем. Два часа в день занимались с Ней. Для практики они поступили рядовыми хирургическими сестрами в первый оборудованный лазарет при Дворцовом госпитале, дабы не думали, что занятие это было игрой, и тотчас приступили к работе – перевязкам часто тяжелораненых; Государыня и Великие Княжны присутствовали при всех операциях. Стоя за хирургом, Государыня, как каждая операционная сестра, подавала стерилизованные инструменты, вату и бинты, уносила ампутированные ноги и руки, перевязывала гангренозные раны, не гнушаясь ничем и стойко вынося запахи и ужасные картины военного госпиталя во время войны. Объясняя себе тем, что Она была врожденной сестрой милосердия. Великих Княжон оберегали от самых тяжелых перевязок, хотя Татьяна Николаевна отличалась удивительной ловкостью и умением. [...] Выдержав экзамен, Императрица и дети, наряду с другими сестрами, окончившими курс, получили Красные Кресты (4 июня 1915 г. они все трое были награждены грамотами и значками отличия Красного Креста II степени) и аттестаты на звание сестер милосердия военного времени» (**Танеева (Вырубова) А. А.** *Страницы моей жизни*. М., 2000. С. 88—89; 175). Из воспоминаний графа В. Э. Шуленбурга: «...Ее Величество и две старшие Великие Княжны проходили ускоренный курс сестер милосердия и, когда почувствовали себя вполне готовыми, просили сделать им экзамен. Первой экзаменовалась Ее Величество (курсы проходились под руководством врача – княжны Гедройц). Когда Ее Величество сдала экзамен, она просила разрешить ей задавать вопросы экзаменуемым Великим Княжнам. „Меня, к сожалению, может быть, не экзаменовали так, как я того хотела бы, но зато дочерям я задавала самые трудные вопросы. Я-то ведь знала, в чем они были слабее“, – рассказывала мне потом Ее Величество. [...] Аттестаты им были выданы Начальницей Царскосельской общины княгиней Путятиной. Ее Величество была очень взволнована, когда княгиня Путятина (от нее я это и знаю) накальвала Ей нагрудный знак Красного Креста. Так строго относилась Ее Величество к званию сестры милосердия» (**Шуленбург В. Э.** *Воспоминания об Императрице Александре Федоровне*. Париж, 1928. С. 34). Это единственный пример в нашей истории.

⁴⁹ «Во время великой войны при Федоровском Государеве соборе был создан лазарет №17 имени Великих Княжон Марии Николаевны и Анастасии Николаевны. Ктитор собора, полковник Д. Н. Ломан (1868—1918), был начальником лазарета. Он устраивал концерты для больных и раненых в Царскосельских лазаретах. В числе санитаров лазарета №17 был Сергей Есенин, призванный на воинскую службу 25 марта 1915 года. В день Тезоименитства Императрицы-Матери Марии Федоровны и ее внучки Великой Княжны Марии Николаевны, 21 июля 1916 года, в лазарете №17 состоялся концерт. Есенин, уже известный к тому времени поэт, прочитал приветствие Великим Княжнам, а вслед за тем – стихотворение, озаглавленное „Царевнам“. Его оригинал был обнаружен в архиве Александровского дворца бывшим сотрудником детскосельских дворцов-музеев Иконниковым» (**Кузнецов В. В.** *Русская Голгофа*. СПб., 2003. С. 205). «Есенин был награжден золотыми часами с гербом и золотой цепочкой [...] В октябре или ноябре в лазарете состоялся еще один концерт. На этот раз в нем участвовали: балерина Агриппина Яковлевна Ваганова, исполнительница русских народных песен Наталья Васильевна Плевицкая и исполнительница цыганских романсов Наталья Ивановна Тамара. Как всегда, Есенин напевно читал „Русь“, а гусли под управлением Г. Н. Голосова исполняли плясовые наигрыши» (**Ломан Ю. Д.** *Воспоминания крестника Императрицы*. СПб., 1994. С. 64, 66).

⁵⁰ «Император, по свидетельству А. А. Вырубовой, становился все более и более недовольным действиями на фронте Великого Князя Николая Николаевича. Государь сетовал, что армию гонят вперед, не закрепляя позиций и не имея достаточного количества боеприпасов. Результатом безответственной политики Великого Князя явилось отступление русских войск. К концу июня 1915 года ими была оставлена почти вся Галиция. На севере немцы углубились в Курляндию. 22 июля была оставлена Варшава. Ковно был взят немцами штурмом. Чересчур поспешно, не эвакуировав крупных интендантских запасов, были взорваны форты Бреста» (**Кузнецов В. В.** *Русская Голгофа*. СПб., 2003. С. 174).

⁵¹ Анна Александровна Вырубова писала: «Все, кто носил в это время немецкие фамилии, подозревались в шпионаже

чарованием. Императрица подвергалась нападкам за свое немецкое происхождение, равно как и за доверие Распутину (ему приписывалось все самое скверное), который считался сторонником мира с Германией. В период наиболее тяжелых испытаний для русской армии Николай II в конце лета 1915 года говорил:

«Возложенное на Меня свыше бремя Царского служения Родине повелевает Мне ныне, когда враг углубился в пределы Империи, принять на Себя Верховное Командование действующими войсками и разделить боевую страду Моей армии и вместе с нею отстоять от покушений врага Русскую Землю.

Пути Промысла Божьего неисповедимы, но Мой долг и желание Мое укрепляют Меня в этом решении из соображений пользы Государственной».

Государь издал:

«Приказ Армии и Флоту 23-го августа 1915 года

Сего числа Я принял на СЕБЯ предводительствование всеми сухопутными и морскими силами, находившимися на театре военных действий.

С твердою верою в милость Божию и с непоколебимой уверенностью в конечной победе будем исполнять наш святой долг защиты Родины до конца и не посрамим земли Русской. НИКОЛАЙ».

Осенью 1915 года, когда в ожесточившемся обществе уже произошел раскол, Николай II, выполняя то, что он считал «священным долгом Российского Царя», решил принять на себя верховное командование. Это решение привело в смятение правительство, но обрадовало Императрицу, которой не нравилось, что Великий Князь пользуется слишком большим влиянием, также оно обрадовало и Распутину, который открыто ненавидел Великого Князя⁵².

Вскоре Император, чувствующий себя одиноко вдали от семьи, с которой он до этого редко разлучался, взял в Ставку Цесаревича. Позже он решил, что Цесаревичу следует постоянно находиться при нем. И хотя Императрица очень беспокоилась, она вынуждена была согласиться, поскольку, как она сказала Гиббсу, «Император отказался возвращаться в Ставку без Алексея». Кроме того, Император полагал, что пребывание наследника исключительно среди мужчин будет очень полезно для него как для будущего правителя России. Кроме того, и это было, безусловно, справедливо, присутствие наследника должно было укрепить боевой дух верной и преданной армии. Ставка к тому моменту была перенесена в провинциальный центр Могилев⁵³, находившийся приблизительно в 500 милях от Петрограда. Здесь, в бывшем доме

(эту тактику у него заимствуют революционеры в феврале 1917 года). Так, граф Фредерикс (министр Императорского Двора) и Б. В. Штюрмер (премьер), не говорившие по-немецки, выставлялись первыми шпионами; но больше всего страдали балтийские бароны; многих из них без причин отправляли в Сибирь по приказанию Великого Князя Николая Николаевича, в то время как сыновья их и братья сражались в русской армии. В тяжелую минуту Государь мог бы скорее опереться на них, чем на русское дворянство, которое почти все оказалось не на высоте своего долга. Может быть, шпионами были скорее те, кто больше всего кричал об измене и чернил имя русской Государыни!» (Кузнецов В. В. *Русская Голгофа*. СПб., 2003. С.176).

⁵² Как пишет Арон Симанович, секретарь Г. Е. Распутина, «действительным „кровавым Николаем“ был верховный главнокомандующий, Великий Князь Николай Николаевич. За сотни тысяч казненных и убитых в Галиции евреев он один перед Богом несет полную ответственность» (Кузнецов В. В. *Русская Голгофа*. СПб., 2003. С.176).

⁵³ Этот областной город стал последней столицей Российской империи – именно здесь с 1915 г. находилась Ставка Верховного главнокомандующего войсками России Николая II. До 1917 г. в Могилеве решались важнейшие вопросы управления войсками и государством. Могилевские улицы и парки помнят Царскую Семью. Именно в это время небольшие улочки заполнили автомобили, а в гостиницах города «Бристоль» и «Метрополь» не было свободных номеров. Во время приезда в Ставку Царская Семья отдыхала, катаясь по Днепру на катере. Император совершал автомобильные прогулки за город, старожилы утверждают, что ему понравились места неподалеку от Шклова. Великие Княжны предпочитали делать покупки в галантерейном магазине Бернштейна на углу Большой Садовой и Дворянской. Сейчас это магазин «Перекресток» на углу улиц Ленинской и Комсомольской. В отреставрированном в 1950 г. здании бывшей Ставки на улице Советская (ранее – Губернаторская)

губернатора, Алексей Николаевич спал по ночам в спальне Его Величества, каждый день занимался с Пьером Жильяром, встречал всех, кто посещал Императора и играл в бесчисленные игры с тем, кто в тот момент составлял ему компанию. Однажды Император взял Цесаревича, одетого в форму рядового солдата, в долгую поездку по всей линии боевого фронта. Даже если часть Польши, принадлежавшая России, и нижние балтийские земли были бы потеряны, линия фронта не изменилась бы до конца войны.

Иногда Императрица сама приезжала в Ставку вместе с Великими Княжнами и своей подругой Анной Александровной Вырубовой⁵⁴ и жила по нескольку дней в императорском

сейчас располагается краеведческий музей.

⁵⁴ **Вырубова (Танеева) Анна Александровна** (1884—1964), фрейлина Императрицы Александры Федоровны (в 1903—1907 гг.). Из старинного дворянского рода Танеевых. Старшая дочь главноуправляющего Собственной Е. И. В. канцелярией обер-гофмейстера А. С. Танеева (1850—1918). Родилась в С.-Петербурге. Получила хорошее домашнее воспитание, знала английский и французский языки, играла на фортепьяно. В январе 1903 г. пожалована во фрейлины. Вскоре началось ее сближение с Царской Семьей. В 1905 и 1906 гг. она в числе немногих сопровождала семью Императора в летних поездках на яхте «Штандарт» по финляндским шхерам. В январе 1907 г. при деятельном участии Императрицы Александры Федоровны Анна Танеева была помолвлена с лейтенантом флота А. В. Вырубовым (1880—1919). Прожила с мужем год, после чего весной 1908 г. произошло расторжение брака. Поселившись в небольшом одноэтажном доме в Царском Селе рядом с Александровским дворцом, стала одним из самых близких друзей Августейшей Семьи. Хотя после своего замужества не занимала более никакого официального положения при Дворе, она всюду сопровождала Царскую Семью. Императрица Александра Федоровна и Анна Александровна были единомышленниками, в том числе их сближало одинаковое отношение к Григорию Распутину, которого они обе глубоко почитали, видя в нем божьего человека, способного наставить на праведный путь. Именно в доме Вырубовой в Царском Селе происходили встречи Императорской Семьи с Распутиным. Удивительное расположение Царской Семьи к простой столичной барышне не могло не вызвать интерес в свете, неизбежно породило различные слухи и сплетни. Вокруг ее имени возникло множество вымыслов и фантастических историй, позже переродившихся в откровенную ненависть и угрозы. Родилась целая мифология, полностью искажающая ее образ. 2 января 1915 г. пострадала в железнодорожной катастрофе, после чего навсегда осталась инвалидом. В дни февральской революции тяжело болела корью, как и царские дети; находилась в Александровском дворце. 21 марта 1917 г. по доносу была арестована Временным правительством и заключена в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Ее обвиняли во всех смертных грехах, вплоть до шпионажа в пользу Германии. Демократические власти России причисляли ее к «темным силам» старого режима, в связи с чем она претерпела много несправедливых оскорблений, издевательств и унижений. В печати была развернута целая пропагандистская кампания, порочащая династию Романовых и их ближайшее окружение. Многие из этих пасквилей издавались по заказу в Женеве и Берлине. В конце июля 1917 г. была освобождена постановлением ЧСК за отсутствием состава преступления. Однако 24 августа по приказу Керенского как контрреволюционерка подлежала высылке из России, но на границе была арестована Гельсингфорским Советом и попала в Свеаборгскую крепость. Только через месяц по ходатайству родственников перед Л. Д. Троцким была освобождена из заключения и доставлена в Петроград в Смольный. Вместе со своим слугой Н. Берчином скрывалась в мансарде на Петроградской стороне. Тайком пробиралась на Кронверский проспект к М. Горькому, который несколько раз беседовал с ней, советуя написать воспоминания, попытаться восстановить мир между Царем и народом. Находясь на свободе, сумела установить нелегальную связь с Царской Семьей и оказывала ей посильную помощь в тобольской ссылке. В октябре 1918 г. по доносу была арестована ЧК, однако вскоре бежала из-под стражи при переезде из одной тюрьмы в другую, скрывалась в Петрограде. В конце сентября 1919 г. снова была арестована ЧК и помещена в тюрьму на Гороховой. 7 октября ее повели на расстрел. Чудесным образом избежала от смерти молитвенным заступничеством о. Иоанна Кронштадтского. Жила на нелегальном положении, без денег, без документов, без обуви; скрываясь, вынуждена была сменить множество адресов. В декабре 1920 г. получила письмо от своей сестры Александры, которая уже находилась в Финляндии. В 1920 г. мать с Анной нелегально перебрались в Финляндию и поселились в Выборге. Написала книгу воспоминаний «Страницы моей жизни», первое издание которой вышло в Париже в 1922 г. Затем книга была переведена на английский, финский и шведский языки и опубликована в 1923 г. На доходы от продажи книги Анна и ее мать могли жить сравнительно обеспеченной жизнью, снимая квартиру в доме М. П. Акутиной-Шуваловой. Здесь познакомилась с епископом Выборгским Александром, иеросхимонахом Ефремом, о. Георгием (Григорий Иванович Хробостов; 1871—1947) и игуменом Ново-Валаамского монастыря Иоанном. Еще в Петрограде она дала обещание, что если она с матерью доберется до Финляндии, то станет монахиней. Так как у Анны были проблемы со здоровьем и она не могла заниматься физическим трудом, то принять ее в Линтульский женский монастырь в Кивенеебе не оказалось возможным. Каждое лето она посещала Валаамский монастырь и навещала о. Ефрема в Смоленском скиту. Здесь в 1923 г. она была тайно пострижена в монашество с именем Мария игуменом Валаамского монастыря Павлином. Это стало причиной ее замкнутой жизни с 1930-х гг. После смерти матери 13 марта 1937 г. осталась жить с близкой подругой Верой Запееваловой. В 1930-е гг. начала писать свои новые воспоминания. Она заключила договор с финским издательством и получила вознаграждение за переданные фотографии и текст. Осенью 1939 г., когда началась финская война, Анна и Вера переехали в Швецию и жили в маленьком пансионате под Стокгольмом. Шведский королевский двор отвечал за их содержание. Анна была другом королевы Луизы (1889—1965) — дочери принца Луиса и Виктории Баттенберг, которая была замужем (с 1923 г.) за Густавом Адольфом Шведским. Королева Луиза, узнав о бедственном положении Анны, выплачивала ей небольшую пенсию и после войны. Осенью 1940 г. Анна и Вера вернулись в Финляндию, жили некоторое время в Хаминанлаксе недалеко от Куорио. Оттуда они прибыли в Хельсинки, где им удалось найти двухкомнатную квартиру на улице Топелиус, которая стала Анне домом на все оставшиеся годы, а Вера прожила там до 1980 г. После смерти

поезде, где у нее была большая спальня и лилово-серая гостиная. Тем не менее она, как правило, оставалась дома в Царском Селе, читая регулярно поступающие от Императора письма, в которых он сообщал ей, как обстоят дела у Алексея Николаевича. Вести приходили разные. Любое, даже небольшое, повреждение могло оказаться чрезвычайно болезненным. Зимой 1915 года после серьезного катара и приступов чихания у Алексея Николаевича началось сильное кровотечение из носа, и его необходимо было срочно отвезти обратно в Царское Село. Император поехал с ним. Дважды в течение поездки на поезде он падал в обморок и по приезде в Царское Село был очень слаб. Никаким способом невозможно было остановить кровотечение, пока докторам не удалось прижечь рубец на месте разрыва небольшого кровеносного сосуда. Императрица же считала, что ей следует благодарить за это Распутина. Он осенил крестным знаменем кровать, пристально посмотрел на находившегося без сознания ребенка и воскликнул: «Не тревожьтесь, ничего не случится» – и уехал⁵⁵. Цесаревич выздоровел, но должен был оставаться в Царском Селе до начала лета. После его возвращения в Могилев Император присвоил ему звание ефрейтора.

иеросхимонаха Ефрема духовным отцом Анны стал настоятель православного собора в Хельсинки о. Михаил Касанко. Новый Валаам находился далеко от Хельсинки, и у Анны уже не было сил на такие долгие и утомительные поездки. Когда в 1947 г. умер иеросхимонах Ефрем, она стала переписываться со схиигуменом Иоанном. Жила скромно, зарабатывала, давая уроки английского и французского языка. Летом 1964 г., находясь на даче в Трэсценде, где у них был маленький домик и где они с Верой проводили лето, Анна Александровна заболела и попала в больницу в Хельсинки. Там она исповедалась и попросилась со своими ближайшими друзьями. Умерла 20 июля 1964 г., через четыре дня после своего 80-летия. Погребена на православном кладбище г. Хельсинки.

⁵⁵ Этот случай описан в воспоминаниях графа В. Э. фон Шуленбурга: «Дядька Наследника Нагорный, – пишет гр. В. Э. фон Шуленбург, – положив под голову Наследника вытянутую руку, держит всю ночь голову больного на известной высоте. Рядом с ним Жильяр, чтобы помочь, если понадобится. Телеграммы Ее Величеству следуют по-прежнему каждые два часа: «положение без перемен». Наконец, за несколько станций до Царского Села кровь останавливается. Жильяр смотрит на часы: было 6 часов 20 минут утра. Дать знать Ее Величеству уже было невозможно, так как поезд не имел более остановок. В восьмом часу утра поезд тихо подошел к платформе Императорского Павильона и Жильяр издали увидел Ее Величество. Чем ближе подходил поезд, тем яснее было заметно страдальческое выражение лица Государыни, на нем отражались то ужас, то надежда... Наконец, поезд остановился. Государь Император выходит из вагона, Ее Величество делает несколько шагов (каждая секунда кажется вечностью) и не решается задать вопроса... но Государь говорит, что, слава Богу, кровь остановилась... Ее Величество спрашивает Жильяра, не заметил ли он, в котором часу остановилась кровь. «В шесть часов двадцать минут», – доложил Жильяр. «*Je le savais*» («Я это знала» – фр.), – сказала Государыня и показала телеграмму Распутина: «Бог поможет, будет здоров». Телеграмма отправлена в 6 часов 20 минут! Случайность? Да, конечно! Совпадение? Да! Но таких случаев было немало». Кровотечение у Наследника началось 3 декабря 1915 г. и прекратилось, согласно дневнику Государя, «к утру следующего дня» (т. е. ровно за год до убийства Г. Е. Распутина). Воспоминания П. Жильяра впервые появились во французском журнале «L'Illustration» (Париж. Декабрь 1920 – январь 1921) и почти сразу же были переведены на русский язык. Полный перевод этого издания, с разрешения автора, был помещен в альманахе «Русская летопись» (Вып. I. Париж. 1921). Однако переданный гр. В. Э. фон Шуленбургом эпизод в нем отсутствует. Появился он лишь в отдельном венском русском издании воспоминаний П. Жильяра, но без указания на время остановки кровотечения у Наследника и многих других подробностей. Из чего можно заключить, что публикуемый нами рассказ гр. В. Э. фон Шуленбурга передан им со слов самого П. Жильяра, с которым мемуарист, как известно, встречался. Окончательная поправка произошла 6 декабря, в день Ангела Государя. «После обеда, – читаем в Царском дневнике, – приехал Григорий; посидели вместе у кровати Алексея». «Мальчик потерял много крови, – вспоминала А. А. Вырубова, – и к концу пути был желто-бледным. Его внесли во Дворец на носилках, и профессор Федоров не знал уже, что делать, если кровотечение не прекратится. Тогда-то пришел Распутин и остановил кровь крестным знаменем». «Царица, – вспоминал ген. А. И. Спиридович, – приказала вызвать Григория Ефимовича. Он приехал. Его привели к Больному. Распутин подошел к кровати. Пристально уставился на Больного и медленно перекрестил Его. Затем сказал Родителям, что серьезного ничего нет. Им нечего беспокоиться. И, как будто усталый, он вышел из комнаты. Кровотечение прекратилось. Большой мало-помалу поправился». Таким образом, Г. Е. Распутин приехал в Царское Село на следующий день после прибытия туда поезда с больным Наследником. Это обстоятельство породило нелепые измышления. [...] «...Факт остается фактом, – констатировал Вел. Кн. Кирилл Владимирович, – что, когда Распутина привозили к постели моего больного Племянника, он сумел остановить внутреннее кровотечение и избавил Ребенка от ужасных болей». «В Крыму, оказывается, после нашего отъезда, – записала Вел. Кн. Ксения Александровна в дневник 10 марта 1912 г., – у Алексея было кровотечение в почках (ужас!) и послали за Григорием. Все прекратилось с его приездом!» «Свидетели удостоверили, – писал следователь ЧСК А. Ф. Романов, – что Распутин весьма благотворно влиял на здоровье Наследника». То же подтверждал и другой служащий ЧСК, полковник Р. Р. фон Раупах: «...Был вызван Распутин, славившийся своей способностью особенно горячо и сильно молиться. Многочисленными и вполне достоверными показаниями установлено, что Распутин умел влиять на Наследника так, что не только нестерпимые боли Его прекращались, но и останавливалось кровотечение» (Фомин С. В. *Григорий Распутин: Расследование. «Боже! Храни своих!»*. М., 2009. С. 297–299, 307).

Глава V

Ставка

До следующей поездки в Ставку Гиббс занимался с императорскими детьми приблизительно по 18 часов в неделю. Он выполнял обязанности учителя Цесаревича через день, разделяя этот пост с Жильяром. По мере выздоровления Цесаревича его интерес к играм возобновился, и он упрашивал обоих воспитателей играть с ним. Тот, кто в этот день выполнял обязанности воспитателя, был в его команде, а другой возглавлял команду соперников. В свои одиннадцать лет Алексей Николаевич быстро вырос. Он уже усвоил понятия добра и зла, а в своем подсознательном стремлении реализовать предоставляющиеся возможности был очень похож на мать. Жизнь во дворце, регулируемая традиционными правилами, о которых знал небольшой круг людей, возбуждала любопытство Цесаревича.

Однажды, когда Гиббс с Алексеем Николаевичем прогуливались по дворцу, в одной отдаленной комнате они обнаружили двух слуг, разбивавших молотками фаянсовую посуду. Оказалось, что если в том или ином предмете сервиза обнаруживали изъян, его сразу же уничтожали, поскольку никто, кроме членов Императорской Семьи, не имел права пользоваться этой посудой. В обязанности этих двух слуг входило разбивать все, что не соответствует стандарту.

В то время как Алексей Николаевич был в Могилеве, Гиббс продолжал давать уроки Великим Княжнам. Императрица предложила ему апартаменты в Царском Селе в Екатерининском дворце. И хотя Гиббс был вынужден отказаться от некоторых уроков в Петрограде, он все же предусмотрительно сохранял за собой квартиру в городе. С 1914 года Гиббс начал проявлять интерес к модной тогда Английской школе новых языков Притчарда, которую купил в 1916 году⁵⁶. Но сейчас его вызвали в Ставку. Незадолго до этого Гиббс с воодушевлением начал вести дневник, а скорее – «тетрадь для заметок», в которую периодически заносил записи:

«29 июля 1916 г.

Я решил начать вести дневник – не такой, который пишешь каждый день скорее из чувства долга, чем по желанию, а просто когда будет к этому расположение. Мне кажется, это обычно называется тетрадью для заметок, а не дневником, но, в любом случае, именно этим я намереваюсь попробовать заняться.

Я провожу лето в деревне, если вы можете назвать Царское Село деревней, – некоторые называют, хотя многие, возможно, большинство – нет. Было бы правильнее называть его «городом сельского типа» или «урбанизированной глушью» в зависимости от того, как вы на это посмотрите. В Царском Селе огромное количество домов и казарм, так как это еще и крупный военный центр; а также множество очаровательных дворцов, окруженных искусственными парками и водоемами, тоже искусственными. Теперь, по прошествии времени, все приобрело естественный вид, как будто было создано природой, а не человеком. Но хотя таково само Царское Село, окружающая местность до сих пор сохранилась в своей нетронутой дикости бесплодных болот. Итак, здесь я провел лето, то есть, скорее ночи, чем дни, поскольку близость Петрограда ставит крест на отдыхе и покое тела, как ни пленительны они для ума. Итак, я часто туда езжу, неудачно распорядившись «сезоном». Тем не менее, для меня уже очень много значит проводить ночи в покое, страдая только лишь от разбойника-кота, который по ночам посещает мое обиталище, запрыгивая внутрь через окно, и оставляет свою визитную карточку (на самом

⁵⁶ Речь идет об Английской школе новых языков – Школе Притчарда, которая находилась на Невском проспекте, д. 96. Она имела еще одно отделение, размещенное в доме №22 на Большом проспекте Васильевского острова.

деле, несколько) в виде множества четко различимых отпечатков лап на скатерти. Хотя, справедливости ради, добавлю, что это бывает только в дождливую погоду, и у меня нет половика перед окном. Котик наслаждается моим гостеприимством и демонстрирует свою высокую оценку мастерству придворного повара, доедая все оставшееся, за исключением салата, соли и горчицы, которые, строго говоря, не были приготовлены, и потому не кажутся ему соблазнительными.

27 июля

Прошлой ночью я не мог заснуть, и многие сказали бы, что они провели ужасную ночь. Чаще всего действительно неприятно лежать в кровати, не смыкая глаз. Но хотя прошлой ночью со мной было именно так, это не было неприятно. Я долго лежал с открытыми глазами – не помню, насколько долго, потому что не смотрел на часы, но когда стало уже довольно светло, должно быть, не раньше четырех, я задремал. Мысли, казалось, стали более бессвязными, а затем я вдруг проснулся и почувствовал, что сознание совершенно прояснилось. В ушах у меня звучали слова, которые только что произнес В.К. [Великий Князь] Алексей Николаевич: «Вы будете чиновником министерства Двора не позднее чем через неделю». Это было очень любопытно и странно. Затем я снова заснул, и больше ничего не происходило.

4/17 августа 1916 г.

Господин Жильяр только что приехал на императорском поезде из [императорской] Ставки. Он позвонил мне и сказал, что мне следует прийти в Александровский дворец. Г-н Жильяр добавил, что Императрица хотела бы, чтобы я поехал в Ставку для продолжения занятий английским языком с А [лексеем]. Н [иколаевичем]. Я почувствовал, что что-то должно случиться. Когда он позвонил, я только начинал обедать, и какое-то время мне было довольно трудно есть. Получается, что то, о чем говорил Дядя Миша, произойдет, и даже в указанное время. Это напомнило мне, что я не переписал в свой дневник того, что некогда себе пометил. Он сказал следующее: однако прежде чем я начну делать эти заметки, хочу сказать, что некоторые мои знакомые, например г-жа Грир и г-жа Малони, раньше уже были у него, и все, что он сказал им, было удивительно верно. Он жил на отдаленной улице Конная, дом 19, квартира 2. Оба раза до и после меня было много людей. Первый раз я ходил со знакомым, второй – один; во второй раз мы разговаривали намного дольше, и он сказал намного больше. Первый раз я был у него в понедельник, 13 июня, второй – в среду, 6 июля, таким образом, между визитами прошло порядка нескольких недель, и он меня действительно не узнал и не вспомнил, что я уже приходил раньше. Вот что он говорил в обоих случаях, так как за исключением одного малозначительного факта, он сказал одно и то же: «Вы человек, который рассуждает, руководствуясь чувствами. Вы можете быть ученым, священником, врачом, педагогом, художником, музыкантом или юристом. Никогда не занимайтесь коммерцией, здесь вас ждет неудача. Вы никогда не выиграете на скачках или в лотерею. Вы принадлежите к тому роду людей, которые, как правило, никогда не женятся. Но если вы все же решитесь на этот шаг, пусть это будет интеллектуальный союз. Не стоит заключать брак ради обретения богатства и знатности, так как в этом случае он наверняка будет несчастлив. Сейчас ваше положение неопределенно, но оно будет постепенно улучшаться. Вам ничто не угрожает, Первая половина 1916 г. неблагоприятна, вторая будет лучше, как и первая половина 1917 г. Скоро вы отправитесь в поездку, но она будет исключительно делового характера; это хорошо, не отказывайтесь от предложения. Это произойдет во второй половине июля или в первые дни августа – и будет связано только с рабочими делами. (N. В. Вначале он сказал мне, что это произойдет в июле). Вы никогда не разбогатеете вдруг, ваши дела будут улучшаться постепенно, но деньги никогда не будут доставаться вам легко, и вы никогда не будете получать или выплачивать крупные суммы».

Через несколько недель Гиббс действительно отправился в Могилев, где находилась Ставка. Дом, в котором жил Император, располагался на вершине холма. Внизу вдоль песчаных берегов протекал Днепр. Вокруг стояли березовые и сосновые леса. Жизнь превратилась в бесконечное ожидание очередного события, но напряженная атмосфера не особенно беспокоила Гиббса. В то же время это было приятное место, и Цесаревич, ставший необычайно общительным, говорил ему, что он здесь намного более счастлив, чем в Царском Селе. Ужинали воспитатели вместе с Цесаревичем, а обедали всегда с Императором и его свитой. За столом никогда не бывало меньше двадцати четырех человек, а иногда собиралось около шестидесяти, а может быть, даже больше. Классная комната в губернаторском доме могла бы служить приемной: почти все Великие Князья, в том числе Великий Князь Михаил, и «бесконечная вереница» российских и иностранных генералов, государственных деятелей и послов заглядывали поздороваться с Алексеем Николаевичем. Иногда Государь приглашал Цесаревича и его воспитателя посидеть в его кабинете, пока он работал. Здесь Николай Александрович случайно услышал, как Алексей говорит Гиббсу, что когда они будут уезжать домой, он возьмет с собой граненый стеклянный плафон с электрического канделябра. «Алексей! – крикнул обычно мягкий Император. – Это не наше».

Когда кто-нибудь приходил к Государю, ученик с воспитателем должны были быстро уйти через внутреннюю дверь. Она вела в общую спальню отца и сына, где оба спали на никелированных кроватях. В Царском Селе каждый вечер, когда Цесаревич был уже в постели, Императрица читала с ним вечерние молитвы. В Могилеве Его Величество продолжал этот обычай. Несмотря на то, что его осаждали посетители, он на время пренебрегал своими обязанностями и ускользал из кабинета.

Гиббс с Алексеем Николаевичем читали, разговаривали или играли с кошкой, оказавшейся очень воспитанной. Каждое утро Его Величество проводил в здании штаба с генералом М. В. Алексеевым. Мало у кого были иллюзии относительно того, какую роль играл в Ставке Николай Александрович. Он никогда не претендовал на то, чтобы быть стратегом. В Ставке были важны его авторитет и великодушие. Он обладал удивительной памятью, даже его дети не могли с ним в этом сравниться. Часто бывало, что офицер, прибывший с докладом в Ставку Верховного главнокомандующего и приглашенный на обед, стоял в смущении и волнении, не зная, что сказать. Гости выстраивались в линию, и Государь приветствовал каждого. Подходя к новоприбывшему, он обращался к нему по имени: не просто по фамилии, но, например, Николай Николаевич, Иван Степанович; расспрашивал о его полке и упоминал пару деталей так, будто это было вчера, а не несколько месяцев или лет тому назад.

У Гиббса появилась привычка записывать ежедневные события от лица Цесаревича. Эти записи, содержащие неизбежные повторы, дают, однако, представление о повседневной жизни в Ставке, а затем в Царском Селе. Начинаются они 6 октября (по старому стилю)⁵⁷ и ведутся в течение последующих пяти месяцев, навсегда изменивших облик Императорской России. Вот эти записи:

Суббота, 8/21 октября 1916:

Уроки, как обычно. Поездка на моторе к поезду в 11 часов, а затем после ланча поездка на моторе в лес по Оршанскому шоссе, где играли в «Разбойников». По возвращению Царская Семья пошла к Великому Князю Павлу на чай. После обеда был один урок, а затем поехал к поезду. Лег рано.

Вторник, 11/24 октября 1916:

⁵⁷ Джон Тревин ошибается. Записи Гиббса начинаются с 8 октября.

Утро прошло, как обычно, включая посещение поезда. После ланча поехали на моторе в лес и играли, как обычно. После обеда пошли в кинематограф, а позже направились в Царский поезд. Лег спать в обычное время.

Четверг, 13/26 октября 1916:

Утром уроки и прогулка на моторе, как обычно. Писал Императрице. После ланча уехал в старую Ставку и играл в «Разбойников» в лесу. Вернулся домой, чувствуя себя не очень хорошо; по настоянию доктора лег в 6.30. Из-за расстройства желудка чувствовал себя очень плохо. Ч. С. Г. [Чарльз Сидней Гиббс] читал, но мне было трудно сосредоточиться.

Суббота, 15/28 октября 1916:

Оставался в постели до ланча. Писал Императрице. Был на ланче в столовой со всеми. После обеда играл в саду с доктором Деревенко⁵⁸ и Ч. С. Г., затем играл с солдатами и П. В. П. [Петр Васильевич Петров]. Читал до обеда. После обеда опять читал и играл в игры. Лег рано.

Вторник, 18/31 октября 1916:

Уроков нет, так как [Императорский] поезд [Царь отправляется в поездку] уехал в половине первого. Доктор Исаакянс пришел обработать нос и получил в подарок золотые часы и цепочку. В поезде после ланча играли в «*Nain jaune*» («Желтого гнома» – фр.) с Императором, ген. [В. Н.] Воейковым⁵⁹, П. Ж. [Пьер Жильяр] и Ч. С. Г. После обеда собирали геометрическую головоломку, и Ч. С. Г. читал. Пошел спать, как обычно.

⁵⁸ **Деревенко Владимир Николаевич** (прозвище – Синий; 1879—1936), доктор медицины, с 1913 г. – почетный лейб-хирург Императорского Двора, врач Цесаревича Алексея Николаевича в 1912—1918 гг. Родился в дворянской семье Белецкого уезда Бессарабской губ. Окончил 1-ю Кишиневскую гимназию в 1899 г., а затем Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге в 1904 г. с отличием и степенью лекаря. Был удостоен премии имени академика И. Ф. Буша и занесен на мраморную доску академии. В мае того же года был призван на действительную военную службу и назначен младшим врачом при Керченской крепостной артиллерии. Затем его причислили младшим врачом к 55-му Подольскому полку, в составе которого В. Н. Деревенко был отправлен на Дальний Восток и принял участие в Русско-японской войне, работая на передовом перевязочном пункте, когда шли бои под Сандяну и Мукденом. С мая 1905 г. состоял ординатором при хирургической госпитальной клинике Военно-медицинской академии. Работая ассистентом в клинике с профессором С. П. Федоровым, в течение трех лет готовился к получению профессорского звания, которое успешно защитил в 1908 г. Получил звание приват-доцента по кафедре клинической хирургии в 1911 г. В октябре 1912 г. был командирован в Спалу для лечения больного гемофилией наследника Цесаревича. Оставался при Алексее Николаевиче безотлучно до конца его жизни. Во время Первой мировой войны так же, как и его брат врач-терапевт Леонид Николаевич Деревенко, работал в лазаретах Царского Села. В царско-сельском заточении Владимир Николаевич разделил с Августейшими узниками все тяготы быта, работал и в парке. Летом 1917 г. доктор Деревенко, сделав запрос о вакансии в недавно открывшееся Пермское отделение Петербургского университета, получил благожелательный отклик. С июля 1917 г. по 1920 г. – профессор Пермского университета. Добровольно отправился в Тобольск и лечил Наследника. 7/20 мая 1918 г. вместе с Царской Семьей выехал на пароходе «Русь» в Тюмень и уже оттуда в Екатеринбург. Как личный врач очень часто под конвоем посещал больного Цесаревича. Доктор В. Н. Деревенко был единственным человеком, которому разрешалось посещать Царскую Семью в доме Ипатьева. Через него проходила ее связь с внешним миром. Вместе с доктором Е. С. Боткиным он поставил вопрос о питании перед комендантом Дома особого назначения Юровским. В начале августа 1918 г., после взятия Екатеринбурга белочехами, доктор В. Н. Деревенко ездил, также вместе с группой офицеров-слушателей Военной академии, в Коптяки, на осмотр места, где были обнаружены останки большевистских жертв. Он помогал следователю по важнейшим делам А. П. Наметкину, предшественнику Н. А. Соколова, в опознании, он же узнал многие из вещей, которые были найдены в кострищах возле шахт. В июле 1919 г. он оказался в Перми, откуда вместе с частью преподавателей, сотрудников и студентов Пермского университета был эвакуирован в Томск. С января по август 1920 г. работал в качестве приват-доцента по кафедре факультетской хирургической клиники. Читал студентам медицинского факультета курс лекций по урологии. Допрашивался следователем Н. А. Соколовым в Томске в сентябре 1919 г. В августе 1920 г. снова переведен в Пермь. Руководил медицинской клиникой при Пермском университете. С 1923 г. работал в Днепропетровском медицинском институте, где до 1930 г. заведовал кафедрой хирургических болезней. Неоднократно арестовывался. Был приговорен к пяти годам лишения свободы. Затем работал в медицинско-санитарном управлении Днепростроя (1933) – последнее известное место работы. В начале 1930-х гг. допрашивался в связи с ведением следствия ГПУ НКВД по поводу исчезнувших драгоценностей Императорской Семьи.

⁵⁹ **Воейков Владимир Николаевич** (прозвище – Голый; 1868—1947), из древнего дворянского рода. Младший сын генерала от кавалерии, генерал-адъютанта, обер-камергера Николая Васильевича Воейкова (1832—1898) от брака с Варварой Владимировной, ур. княжной Долгоруковой (1840—1909). Родился в Царском Селе. Окончил Пажеский Е. В. корпус. С 1887 г. – корнет Кавалергардского Е. В. полка. Заведовал полковой школой солдатских детей, в 1896 г. назначен ктитором

Четверг, 3/16 ноября 1916:

Оставался в постели весь день из-за опухоли на правой ноге. Писал Императрице. П. Ж. и Ч. С. Г. читали. Перед ужином был урок русского языка. Собирал геометрическую головоломку».

Цесаревич повредил вену в верхней части правой ноги. На следующий день Государь написал Императрице:

«Нога Бэби от времени до времени побаливает, и первую часть ночи он не может спать. Когда я ложусь, он старается больше не стонать и засыпает скорее»⁶⁰.

Дневник Гиббса от лица Цесаревича:

«Суббота, 5/18 ноября 1916:

полковой церкви, в 1900—1905 гг. командовал Лейб-эскадром. В 1905 г. произведен в полковники. В сентябре 1906 г. в чине полковника пожалован во флигель-адъютанты к Е. И. В. С августа 1907 г. по декабрь 1913 г. командовал лейб-гвардии Гусарским Е. В. полком. В 1911 г. произведен в генерал-майоры с зачислением в Свиту Е. И. В. Занимался вопросами физического воспитания войск, в 1910 г. составил «Наставление для обучения войск гимнастике», которое было введено в русской армии. В 1912 г. возглавил русский Олимпийский комитет и руководил делегацией России на международных Олимпийских играх 1912 г. в Стокгольме. 24 декабря 1913 г. был назначен дворцовым комендантом и занимал эту должность до февральского переворота 1917 г. Имел небольшую служебную квартиру в Петрограде на Мойке и дачу в Царском Селе. Основал акционерное общество «Кувака» (общество занималось производством и распространением минеральной воды, источники которой находились в его имении в Пензенской губернии) и являлся председателем его правления. Присутствовал при отречении Императора Николая II в Ставке 2 марта 1917 г. Был арестован по решению Временного правительства в Вязьме и доставлен в Петроград в Министерский павильон Таврического дворца, а позже переведен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Допрашивался чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Комиссия постановила разрешить перевести Воейкова из Трубецкого бастиона в больницу. 17.09.1917 г. по хлопотам жены переведен в частную лечебницу для душевно- и нервных больных доктора А. Г. Коносевиича. Днем находился дома, на даче на Каменном острове. В дни октябрьского переворота 1917 г. скрывался от революционных властей. Так продолжалось до лета 1918 г. Именно в этот период он с женой получал письма от Царской Семьи, находившейся под арестом в Тобольске. «Мы с женой получили возможность сноситься с Царской Семьей и, к нашему громадному счастью, даже посылать в Тобольск посылки, содержание которых обыкновенно долго обсуждалось на нашем семейном совете: с одной стороны, хотелось послать то, что могло бы доставить удовольствие, а с другой, объем посылок должен был быть очень невелик. Раз я послал Государю Его любимые турецкие папиросы, конечно, не такого качества, как получавшиеся Им в подарок от турецкого султана; а иногда удавалось посылать вещи. Писем писать я не решался, не имея твердой уверенности в том, что они не будут перехвачены. Жена была смелее и изредка писала Императрице. В уцелевших у нас бумагах сохранилось письмо Императрицы [Приложение IV] к моей жене от 2 марта 1918 г. . . .» (Воейков В. Н. *С Царем и без Царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II*. М., 1994. С. 207—208). В начале августа 1918 г. покинул дачу и, скрываясь от властей, отправился в Унечи на границе с Украиной. Перешел границу и дальше через Клинцы приехал в Гомель и затем в Киев, где жил до декабря 1918 г., далее отправился через Харьков в Севастополь. Не получив визы в Париж от командующего французскими силами в Севастополе, предпринял попытку получить разрешение на въезд в Румынию. Получив визу от румынского консула, прибыл в Галац, а затем в Бухарест. В конечном итоге получил паспорт на свободное проживание по всей Румынии в течение пяти лет. В Бухаресте снова пытался получить французскую визу, однако ему отказали. Тогда, поставив визу для проезда в Сербию, с помощью знакомого курьера Американской миссии в Бухаресте добился места на санитарном немецком поезде, шедшем в Данциг через Белград и Вену. Прибыл во Франкфурт-на-Одере, затем в Берлин. Спустя некоторое время ему удалось получить датскую визу через секретаря датской миссии в Берлине. По прибытии в Копенгаген в начале октября 1919 г. просил соизволения представиться Императрице Марии Федоровне, так как 20 лет прослужил в рядах полка, шефом которого она являлась, но получил категорический отказ в связи с распространявшимися тогда в эмиграции слухами, будто бы он добровольно покинул Государя тотчас после его отречения. Воейкову удалось получить визу в Финляндию только в конце февраля 1920 г. 7 марта прибыл в Гельсингфорс, где установил контакт со своей семьей. Узнал, что его жена арестована и отправлена в один из московских концентрационных лагерей. Предпринимал усилия по ее освобождению через члена Комиссии датского Красного Креста д-ра Мартини, но безуспешно. Переехал в Брюссель, но постоянно посещал Финляндию для поддержания связи с семьей жены. В Париже и его окрестностях в конце 1925 г. был образован полковой союз взаимопомощи офицерам Лейб-Гвардии Гусарского Его Величества полка. И бывший Верховный главнокомандующий Великий Князь Николай Николаевич, утвердив устав, потребовал, чтобы Воейкову не было предложено вступить в него. В начале 1933 г. был в Ницце, где получил от лейб-гусар адрес, поднесенный по случаю исполнившегося 25-летия со дня назначения его командиром Лейб-гусарского полка. Был женат с 1895 г. на дочери графа В. Б. Фредерикса графине Евгении Владимировне Фредерикс («Нини»; 1867—1950). В мае 1939 г. супруги находились в Териоках, затем перебрались в Швецию. Скончался в Дандериде (Швеция).

⁶⁰ Ц. ставка. 4 ноября 1916 г. фрагмент приведен по книге: Платонов О. А. *Терновый венец России. Николай II в секретной переписке*. М., 1996. С. 608.

Чувствую себя лучше, но все еще в постели. П. В. П. [Петр Васильевич Петров], П. Ж., Ч. С. Г. со мной все время. Написал Императрице после ланча, а затем играл в «*Nain jaune*» с генералом В. [Воейковым] и Ч. С. Г.

Воскресенье, **6/19** ноября **1916**:

Плохо провел ночь. Написал Императрице раньше обыкновенного. После ланча играл в «*Nain jaune*» с ген. Воейковым и Ч. С. Г. Обедали все вместе, как обычно. После обеда собирал геометрическую головоломку и играл с кошкой.

Вторник, **8/21** ноября **1916**:

Чувствую себя намного лучше. Спал хорошо и сейчас в хорошем настроении, но мне не позволяют вставать до завтра. Читал Ч. С. Г., а также П. В. П. Вечером урок с П. Ж. Во второй половине дня играл в «*Nain jaune*» с ген. Воейковым и Ч. С. Г. После обеда меня перенесли в кабинет Императора, вместе с кроватью и всем остальным, пока комнату проветривали. Там меня навестили Великий Князь Николай [Николай Николаевич младший] и Великий Князь Петр».

Четверг, **10/23** ноября **1916**:

Пил кофе в столовой. Написал Императрице и Макарову⁶¹. Немного покатался на моторе перед ланчем. Уроки, как обычно. Пил кофе в столовой. Написал Императрице и Макарову и перед ланчем немного покатался на моторе. Уроки, как обычно. После обеда пошел в кино посмотреть картины, затем в постель.

Суббота, **12/25** ноября **1916**:

Утром занятия, а затем катались на моторе по Быховскому шоссе. Днем катались на моторе по Оршанскому шоссе, но мне разрешили только слегка размяться, был хороший обед. Пошел спать рано».

Императрица прибыла с кратким визитом:

«Вторник **15/28** ноября **1916**:

Утром уроки, как обычно. Поехал на моторе к поезду. После ланча проехал на моторе по Оршанскому шоссе около восьми верст; повозка и пара пони были посланы вперед. Катался с Императрицей и играл. Обед в 5.30, кинематограф – в 6 часов. Два новых эпизода из «Таинственной руки» Нью-Йорка⁶². Поехали в поезд. Вернулись в 9.15 и затем в постель.

Четверг, **17/30** ноября **1916**:

Уроки и поездка на моторе к станции, как обычно. Дневная прогулка на моторе по Оршанскому шоссе, где демонстрировался полет семью аэропланами. Затем играл в «Разбойников» в лесу с П. Ж. и Ч. С. Г. Английский – с 5 до 6, Императрица зашла в этот момент. Обед в 6 часов. Урок русского языка, после этого писал в дневнике. Поехали к поезду в 8 часов и вернулись назад в 9 часов. Затем через четверть часа в постель. Очень возбужден, но в хорошем расположении духа.

Суббота, **19** ноября/**2** декабря **1916**:

⁶¹ Евгений Макаров – воспитанник Орловского-Бахтина кадетского корпуса, часто играл с Цесаревичем Алексеем в 1916 г. в Ставке, в Могилеве. В переписке и дневнике Цесаревича упоминается как «кулик». Его брат Леля также играл с Цесаревичем.

⁶² Компания «Пате» подарила Алексею Николаевичу проектор и бобины с фильмом «Таинственная рука». Это тридцатиминутный вестерн режиссера Франциса Форда был впервые показан в Нью-Йорке 14 октября 1914 г. – **Прим. автора.**

Уроки и прогулка на моторе утром, как обычно. После ланча катался на моторе по Оршанскому шоссе и играл в лесу. Урок с 5 до 6, а после обеда писал в дневнике. Затем поехал к поезду. Вернулся домой на четверть часа раньше обычного, принял ванну и лег спать.

Суббота, 20 ноября/3 декабря 1916:

Ходил в церковь и после этого встретился дома с Императрицей. После ланча катался на моторе по Быховскому шоссе и играл в «Разбойников» в лесу. Обед, как обычно, с профессором Федоровым⁶³ и генералом Воейковым. Поехали к поезду в 8 часов и вернулись назад в 9. Лег спать в обычное время.

Вторник, 22 ноября / 5 декабря 1916:

Уроки и поездка на моторе, как обычно. После ланча опять катался на моторе и играл в лесу в течение получаса. Обед в четверть шестого. Кинематограф – в шесть. Видел два новых эпизода из «Таинственной руки». Поехал к поезду в 8 часов и вернулся назад к 9 часам. Лег спать в обычное время».

Затем они вернулись в Царское Село:

«Покинул Могилев **25 ноября 1916:**

А. Н. [Алексей Николаевич] и П. Ж. на Литерном [поезде] в 12:30 (прибыли в Ц. С. 26 ноября). П. В. П. и я на поезде Его Величества в 7 часов (прибыли в Ц. С. [Царское Село] в 5 часов пополудни 26 ноября 1916).

Вторник, 29 ноября/12 декабря 1916:

Встал рано. Уроки утром, как обычно: Ариф. – с 9 до 10 часов; Ист. – с 11 до 12 часов; Английский – с 12 до 1 часа. Поездка в парк – с 10 до 11 часов; холодно, никого вокруг.

После ланча – отдых, затем играл в парке с 3 до 5 часов.

С 5 до 6 часов урок английского чтения. Ужин в 6 часов. Затем, так как было довольно холодно, играл с кирпичами вместо поездки. Находился на нижнем этаже с 8 до 9 часов; в постель – в 9 часов.

Четверг, 1 декабря/14 декабря 1916:

Уроки и утренняя поездка на моторе, как обычно. Арифметика с 9 до 10 часов; История с 11 до 12 часов; русский язык с 12 до 1 часа. После ланча отдыхал и затем играл в парке около Белой башни и катался там на моторе. Обед в 6 часов. После обеда выехал на моторе и посетил П. В. П. на полчаса. На нижнем этаже с 8 до 9 часов; в постель – в 9 часов.

Суббота, 3/16 декабря 1916:

Встал рано. Урок русского языка с 9 до 10 часов, а потом ездил в Екатерининский парк, вернулся в четверть одиннадцатого. Сопровождал Императрицу, чтобы посмотреть две операции в госпитале. После ланча отдыхал и затем играл около Белой башни и катался там

⁶³ **Федоров Сергей Петрович** (1869—1936), тайный советник, профессор. В 1891 г. окончил медицинский факультет Московского университета, затем работал в клинике А. А. Боброва. В 1895 г. защитил докторскую диссертацию. Был назначен ассистентом при факультетской хирургической клинике в Москве. В 1903—1936 гг. возглавлял кафедру госпитальной хирургической клиники Военно-медицинской академии. В начале своей научной деятельности занимался вопросами бактериологии и иммунологии. В 1892 г. впервые в России приготовил и применил для лечения больных холерный антитоксин. С 1913 г. получил звание почетного лейб-хирурга. Во время Первой мировой войны сопровождал Императора Николая II и Цесаревича Алексея в их поездках. С осени 1915 г. состоял при Ставке. Высказанное им 1 марта 1917 г. Императору мнение о неизлечимости болезни наследника стало решающей причиной отречения Государя Николая II за себя и за сына и передачи престола Великому Князю Михаилу Александровичу. В 1929—1936 гг. – директор Института хирургической невропатологии (ныне – Нейрохирургический институт). Похоронен в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге.

на моторе до 5 часов. Урок английского языка с 5 до 6 часов. После обеда посетил доктора Деревенко и играл с Колей⁶⁴ до 8 часов. На нижнем этаже с 8 до 9 часов, а затем в постель».

Назад в Могилев (поездка заняла 25 часов):

«Покинули Ц. С. и отправились в Могилев 4-го декабря. А. Н. [Алексей Николаевич] и П. Ж. в Собственном [поезде] в 3.30 пополудни. П. В. П. и я в Свитском [поезде] в 2.30 по полудни. Прибыли 5 декабря 1916. Мы в 4 часа пополудни, они в 5 часов пополудни.

Далее записи от лица Цесаревича:

Вторник, 6/19 декабря 1916:

Поздравление Императору перед завтраком. Ходил в церковь в 10 часов, после писал Императрице. Был на ланче со всеми, приглашено 75 персон. После ланча катался на моторе по Оршанскому шоссе и затем играл в лесу, пони и сани были посланы заранее. Обед в 5.20 пополудни. Кинематограф – в 6 часов. Два новых эпизода из «Таинственной руки»: герой обнаружен, разоблачен и вскоре исчезает, оставив таинственное кольцо. Писал в дневнике и играл до 8.30, затем в постель.

Четверг, 8/21 декабря 1916:

Уроки и прогулка на моторе, как обычно. Получил Французскую военную медаль от генерала⁶⁵. Сделали фото вместе с П. В. П., П. Ж. и Ч. С. Г. и во второй раз с теми же людьми и генералом Воейковым для «Военного журнала» генерала Дубенского⁶⁶ [он был официальным историографом].

⁶⁴ **Деревенко Николай Владимирович** (1906—2004), сын лейб-хирурга Двора Владимира Николаевича Деревенко, воспитанник Царскосельской Николаевской гимназии, один из немногих друзей Цесаревича. «В Царском Селе его постоянно приглашали во Дворец играть с Наследником, который также и сам бывал у своего друга» (**Алферьев Е. Е.** *Император Николай II как человек сильной воли.* Джорданвилль, 2004. С. 140). Вот что об этом вспоминал Пьер Жильяр: «Дети познакомились и вскоре подружились; не проходило воскресенья, праздника или дня отпуска, чтобы они не соединились. Наконец, они стали видаться ежедневно, и Цесаревич получил даже разрешение посещать доктора Деревенко, жившего на маленькой даче недалеко от дворца. Он часто проводил там всю вторую половину дня в играх со своим другом и его товарищами в скромной обстановке этой семьи среднего достатка. Это нововведение подвергалось большой критике, но Их Величества не обращали внимания; они сами были так просты в своей частной жизни, что могли только поощрять такие же вкусы своих детей» (**Жильяр П.** *Трагическая судьба Николая II и Царской Семьи.* М., 1992. С. 70). Добровольно последовал вместе с отцом из Царского Села в Тобольск и Екатеринбург. «В Тобольске, в течение всего периода пребывания там Царственных мучеников в 1917—1918 гг., он был единственным посетителем со стороны, который допускался по воскресеньям и праздникам в губернаторский дом, где неразлучно оставался на целый день с Цесаревичем Алексеем Николаевичем» (**Алферьев Е. Е.** *Император Николай II как человек сильной воли.* Джорданвилль, 2004. С. 140). Покинул уже советскую Россию в 1928 г. Работал инженером в Праге. После Второй мировой войны некоторое время находился в Австрии, затем в Южной Америке. По сведениям историка и писателя Е. Е. Алферьева, Н. В. Деревенко являлся единственным оставшимся до недавнего времени в живых свидетелем жизни Царской Семьи в заточении: «...проживал он в отдаленной стране, в глубоком уединении, решительно отказываясь от каких-либо выступлений, касающихся Царской Семьи. Время от времени он навещал своего школьного товарища по Царскосельской Императорской Николаевской гимназии, который каждый раз, в ходе их дружественных бесед, настойчиво старался убедить его написать свои воспоминания о Наследнике, которые представляли бы исключительную ценность для истории и для составления правдивого жития святого мученика убиенного Цесаревича Алексея» (*Там же.* С. 140).

⁶⁵ Имеется в виду маркиз Пьер де Лагиш (1859—1940) – генерал, военный атташе при французском посольстве в Санкт-Петербурге. Во время войны состоял при Ставке Верховного главнокомандующего до мая 1916 г., когда был заменен генералом Жаненом.

⁶⁶ **Дубенский Дмитрий Николаевич** (1858—1923), генерал-лейтенант, воспитанник Александровского военного и Михайловского артиллерийского училища. Был произведен в офицеры в 1880 г. в 3-ю гренадерскую артиллерийскую бригаду. В 1884 г. поступил в Академию генерального штаба, курса не окончил и в 1885 г. перешел в главный штаб, где прослужил до 1904 г., когда был назначен штаб-офицером для поручений при начальнике главного штаба. В главном штабе занимался военно-конной повинностью и производством военно-конных переписей (с 1888 по 1904 г.). Ему было поручено обследование коневодства Кавказа, киргизских и калмыцких степей, Сибири, Юга и Центра России и губерний Царства Польского. В 1909 г. вышел в отставку с производением в генерал-майоры. С 1900 г. издавал народную газету «Русское Чтение», которая была широко распространена среди крестьян и войск. Во время Русско-японской войны издавал еженедельный роскошно иллюстрированный журнал «Летопись войны с Японией». Им было издано также много популярных военно-народных книг и картин. Из них особенно известны «История России в картинах», «История русского солдата», «Царствование Дома Романовых» и др. С 1 января 1912 г. вновь определен на службу генералом для особых поручений при главном управлении государствен-

После ланча поехал на моторе на Быховское шоссе и играл в лесу с пони и санками, как до этого. Урок русского языка в 5 часов, а английского – после обеда. Собирал новую геометрическую головоломку. Лег рано.

Суббота, 10/23 декабря 1916:

Уроки и поездка на моторе утром, как обычно. Во второй половине дня поехал на моторе на Оршанское шоссе и играл в лесу. Пони и сани были отправлены заранее, как обычно. Урок русского языка в 5 часов. Обед в 6 часов и затем писал в дневнике. Лег рано.

Воскресенье, 11/24 декабря 1916:

Встал поздно. Пошел в церковь в 10 часов и потом ездил по городу на моторе в течение получаса. Играл в саду и написал Императрице перед ланчем. Во второй половине дня поехал на Оршанское шоссе, играл в лесу с пони и санками, как обычно. После обеда писал в дневнике и собирал головоломку. Лег рано.

Вторник, 13/26 декабря 1916:

Чувствую себя лучше. Занятия и поездка на моторе, как обычно. После полудня поехал на Оршанское шоссе и там играл в лесу. Генерал Воейков составил мне компанию.

Обед в 5 часов пополудни, в 6 часов пошел в кино смотреть картины. Лег рано.

Четверг, 15/28 декабря 1916:

Уроки и поездка на моторе, как обычно. После полудня поехал на моторе на Быховское шоссе и играл в лесу. Сделал убежище, сваливая в кучу снег вокруг свесившихся веток ели. Обед в 6 часов. Князь Игорь⁶⁷ и генерал Воейков присоединились. После обеда играл в прятки в Белой гостиной с выключенным светом. Английский чай, а потом в постель в 8.30.

Суббота, 17/30 декабря 1916:

Занятия и поездка на моторе, как обычно.

Во второй половине дня поехал на Оршанское шоссе и играл в лесу. После этого ездил в город в магазины, чтобы купить подарки и посетил гостиницу «Франция». Потом урок русского языка и обед в 6 часов. Играл в Белой гостиной перед уроком английского языка. Лег рано».

ного коннозаводства. С 15 июня 1915 г. – член совета Главного управления государственных коннозаводов. Во время Первой мировой войны – издатель-редактор иллюстрированного журнала «Летопись войны 1914—1917 гг.». В 1915 г. получил задание описать деяния Императора Николая II во время Великой войны. Состоя в Свите в качестве историографа, сопровождал Государя. Оставил 4 тома описаний царских путешествий «Его Императорское Величество Государь Император Николай Александрович в действующей армии за 1914 – февраль 1916 г.». Во время Гражданской войны служил в Харьковском коннозаводстве Вооруженных сил Юга России (1919). Скончался в Висбадене (Германия). Автор воспоминаний: *Как произведен переворот в России // Русская летопись*. Кн. 3. Париж, 1922.

⁶⁷ **Игорь Константинович** (1894—1918), князь императорской крови, сын Великого Князя Константина Константиновича (1858—1915) и Великой Княгини Елизаветы Маврикиевны (1865—1927), правнук Императора Николая I. Окончил Пажеский корпус, служил штабс-ротмистром Лейб-Гвардии Гусарского полка. В начале Первой мировой войны вместе с братьями ушел на фронт, откуда в октябре 1915 г. был отправлен для лечения воспаления легких в Петроград. В связи с невозможностью по болезни продолжать службу на фронте отчислен в свиту Императора в чине флигель-адъютанта. После революции по декрету большевиков был арестован и выслан из Петрограда сначала в Вятку, а потом на Урал. В Екатеринбурге один из доброжелателей предложил князю свой паспорт, чтобы тот смог скрыться. «Игорь Константинович говорил, что он не сделал ничего худого перед Родиной и не считает возможным поэтому прибегать к подобным мерам» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи**. Ф/М., 1987. С. 328). Содержался в Алапаевске. В ночь на 18 июля 1918 г. был зверски убит вместе с рядом других представителей рода Романовых, включая своих братьев Иоанна и Константина, и сброшен в шахту. В 1919 г. останки князя были захоронены в Алапаевском соборе, а позже перевезены в Пекин в склеп при храме Преподобного Серафима Саровского. Канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей в сонме Новомучеников Российских 1 ноября 1981 г.

В период между этой и следующей записью Государь с Наследником вернулись в Царское Село. Цесаревич вновь был болен, но Гиббс все еще не знал, чем именно. Алексей больше не ездил в Могилев. Его Величество ждала тревожная новость. Григорий Распутин, «Таинственная рука» этой эпохи, подвергавшийся жесткому осуждению в Думе со стороны монархиста Пуришкевича («темный мужик больше не будет править Россией»), был убит во дворце князя Феликса Юсупова. Может показаться, что у Распутина было какое-то предчувствие; он оставил странное письмо. В нем он писал, что умрет до 1 января, и предсказывал, что за этим последует роковой конец. В назначенный день, в полночь, он ехал по заснеженному Петрограду на условленную встречу в дом Юсупова. Его ждали пятеро заговорщиков⁶⁸, среди которых были Пуришкевич и молодой Великий Князь Дмитрий Павлович, двоюродный брат Царя. Во дворце на Мойке в превосходно обставленной комнате цокольного этажа все уже было готово. Распутин съел несколько пирожных с цианистым калием и выпил предложенную ему отравленную мадеру (более верное произношение – мадейра – **Прим. пер.**). Однако в течение двух с небольшим часов у него не проявлялось никаких признаков отравления. Напротив, он настоял на том, чтобы Юсупов спел под гитару. В это время остальные находились наверху, в беспокойстве ожидая развязки. В конце концов, отчаявшись, князь выстрелил ему в спину. Бывший в числе заговорщиков врач объявил его мертвым, но Распутин вскочил на ноги, подскочил к Юсупову, побежал вслед за ним по лестнице, а затем выбежал через двор. Пуришкевич четыре раза выстрелил в него из револьвера, дважды попав в цель. Упавшего Распутина избили, связали, а затем сбросили в прорубь в замерзшей Неве. Когда через три дня нашли тело, вскрытие показало, что последним усилием Распутин смог освободить одну руку от веревки⁶⁹. Известие о смерти ее «друга» привело Государыню в ужас. Даже будучи Императри-

⁶⁸ Убийство Распутина было подготовлено и осуществлено группой лиц по заранее спланированному плану. В группу входили: князь Юсупов Феликс Феликсович, депутат Государственной думы монархист Владимир Митрофанович Пуришкевич, Великий князь Дмитрий Павлович, старший врач Красного креста С. С. Лазаверт и поручик Преображенского полка С. М. Сухотин. Личность еще одного участника убийства была установлена совсем недавно после выхода в Лондоне книги Джеймса Кука «Как убить Распутина» в 2006 г. Это был офицер британской разведки Освальд Рейнер, который сделал контрольный выстрел в голову раненого Распутина, тем самым, поставив точку в этом зверском убийстве.

⁶⁹ «Все совпадения в изложениях Юсупова (Юсупов Ф. Ф. *Конец Распутина*. Париж, 1927), Пуришкевича (Пуришкевич В. М. *Дневник Владимира Пуришкевича. Смерть Распутина*. Киев, 1918) и Лазаверта („The Assassination on Rasputin“, Source Records of the Great War, Stanislaus Lazavert, Vol. V, ed. Charles F. Horne (National Alumni, 1923) напоминают классический прием участников преступления. После того, как дело сделано, надо позаботиться об общей версии событий. Вроде бы основные моменты выглядят одинаково, но когда речь заходит о мелких деталях, во всей картине появляются маленькие трещинки, потому что обо всем просто невозможно договориться заранее, а согласованная общая версия сразу начинает расползаться по швам. Все три рассмотренных свидетельства одинаково лживы, одинаково служат личным интересам и амбициям авторов и одинаково расходятся с показаниями свидетелей и материалами вскрытия. [...] Нет оснований сомневаться в том, что после полуночи Юсупов заехал за Распутиным домой и кто-то, может быть, и Лазаверт, отвез их обоих в Юсуповский дворец. Машина с брезентовым верхом, которую называли то серой, то цвета хаки, скорее всего, принадлежала Пуришкевичу. Что касается дальнейших событий, то о них притянутые за уши свидетельства Юсупова и его служителей говорят столь же мало правды, сколь и воспоминания Пуришкевича. Можно поверить, что Распутину предложили отравленные пирожные и вино, однако профессор Косоротов, производивший вскрытие, не обнаружил „никаких следов отравления“. [...] Неправдоподобно, что два смертельных выстрела сразили Распутина среди ночи. Согласно протоколу вскрытия, „жертва должна была быстро ослабеть от большой потери крови при ранении в печень (выстрел №1) и ранении в почку (выстрел №2). Смерть неминуемо должна была наступить в течение десяти—двадцати минут“. Новые выстрелы раздались несколько часов спустя, и их слышал весь полицейский участок, примерно через час после смены в шесть часов утра. [...] Как бы то ни было, но протокол вскрытия отмечает жестокие раны от массивного физического воздействия: „На левом боку зияющая резаная рана, нанесенная острым предметом или шпорой. Правый глаз выпал из орбиты и вытек на лицо. В углу правого глаза порвана кожа. Правое ухо частично оторвано. На лице и на теле жертвы имеются признаки побоев некоторым гибким, но твердым предметом. Гениталии расплющены тем же предметом“. В 1993 году медицинская бригада под руководством ведущего российского судебно-медицинского эксперта, доктора наук Владимира Жарова проводила анализ материалов вскрытия. В своем заключении (которое никогда не было предано гласности, но оказалось в распоряжении автора этих строк) эксперты пришли к общему заключению: „Механические повреждения (кроме пулевых ранений) в области головы нанесены тяжелыми тупыми предметами. Такие травмы не могут явиться следствием удара тела об опору моста, когда оно было сброшено в воду“. Более того, комиссия Жарова выявила ранения, не упоминавшиеся в протоколе вскрытия. Такие, как расплющенный и деформированный нос и различные „резаные раны неправильной формы“. Одна из таких резаных ран в форме русской буквы „Г“, четвертой буквы кириллицы, нанесенная предположительно саблей или ножом, осталась на правой челюсти жертвы. Объяс-

цей, она всегда слепо следовала его советам. Императора это событие, вероятно, встревожило меньше. По словам Пьера Жильяра, он терпел Распутина в основном потому, что не решался подрывать веру, которая поддерживала Императрицу. Тело было похоронено в углу Александровского парка в Царском Селе, на месте, где строилась церковь⁷⁰. Императрица регулярно

нить это можно, скорее всего, тем, что до того, как Распутин был застрелен, он подвергся зверскому избиению группой лиц, одно из которых было вооружено резиновой гантелей. Жаров и его коллеги определили, что „проникающее ранение“ в левом боку могло быть нанесено тесаком или кинжалом. [...] Согласно протоколу вскрытия, два выстрела были сделаны с расстояния двадцать сантиметров, а третий – из пистолета, приставленного прямо ко лбу жертвы. [...] Протокол вскрытия определяет, что утренние выстрелы с „короткими интервалами“ сделаны из различного оружия. Это заключение подтверждается выводами доктора Захарова от 1993 года. В своем интервью обзорной программе „Би-Би-Си“ в 2004 году Захаров рассказал, что исследование входных пулевых отверстий под микроскопом выявило различия в диаметрах. По протоколу выходит, что выстрел в грудь произведен, скорее всего, из 6,35-мм „Браунинга“, которым пользовались Юсупов и Дмитрий Павлович. Рана в правом боку несколько больше. Возможно, это работа 7,65-мм „Соважа“ Пуришкевича. Как следует из протокола, эти две раны нанесены с расстояния 20 см, когда жертва стояла на ногах. Одна пуля „вошла в левую часть груди, прошла сквозь желудок и поразила печень“, а вторая „вошла в правый бок и пронзила почки“. Если бы эти выстрелы были сделаны почти одновременно, то стрелявшие могли через тело Распутина задеть друг друга. [...] Протокол вскрытия утверждает, что третий выстрел, вызвавший немедленную смерть, был произведен в упор по лежавшей жертве. Наиболее вероятным мне кажется сценарий, согласно которому заговорщики, дважды поразив Распутина, завернули его в кусок материи и понесли к ожидавшей машине. Это предположение подтверждается полицейскими фотографиями, запечатлевшими кровавую дорожку от подъезда через двор. Если бы Распутин, как утверждали Юсупов и Пуришкевич, сам бежал вдоль забора, сплошной кровавой линии не получилось бы. Когда убийцы приблизились к калитке, судорожное движение или стон агонизировавшей жертвы заставил их остановиться. Они опустили свою ношу, и кто-то, достав пистолет иного калибра, чем оба предыдущих, поставил последнюю точку в повести жизни Распутина. Именно третий выстрел наиболее важен в идентификации убийцы. Профессор Деррик Паундер, комментируя баллистическую экспертизу, отметил: „Входное пулевое отверстие по центру лба представляет собой рваную рану с расходящимися трещинами в местах разрывов. Наличие рваных краев позволяет предположить, что пуля в момент входа увеличилась в диаметре. [...] Собственно входное отверстие равно шести миллиметрам в диаметре, а рваная рана вокруг – от двенадцати до пятнадцати. Такую рану может оставить только большая безоболочная пуля“. В начале Первой мировой войны во всех воюющих армиях, в том числе и в русской, использовались только пули с твердой оболочкой, которая предохраняла свинец от расплющивания при попадании. Использование безоболочных пуль строго ограничивалось Гаагской конференцией 1899 года и строжайше запрещалось конвенцией 1907 года. Тем не менее, исключительно в британской армии на вооружении офицерского корпуса состояли 0,455-дюймовые (11,56 мм) револьверы системы „Вэблей“ под патрон с безоболочной пулей на том основании, что поражающий эффект данного оружия конвенции не противоречит. Анализируя, какое оружие могло использоваться для убийства Распутина, и основываясь на баллистической экспертизе, профессор Паундер заключил: „Наиболее вероятно использование револьвера „Вэблей“... стрелявшего безоболочными пулями, тогда как другое оружие заговорщиков (Дмитрия Павловича, Пуришкевича и Юсупова) было рассчитано на пули с оболочкой. Только „Вэблей“ с его безоболочными пулями мог оставить рваную рану вокруг входного отверстия“. В 1993 году доктор Жаров поддержал мнение профессора Косоротова, что третья пуля прошла голову насквозь и вышла сзади... [...] Команда доктора Жарова также согласилась с мнением Косоротова, что **Распутин умер еще во дворе, а не захлебнулся водой, брошенный в реку. „Утопление не являлось причиной смерти... вздутия легких не наблюдалось, и не было воды в дыхательных органах“**. Несмотря на то, что в легких было обнаружено некоторое количество воды, профессор Деррик Паундер также признал: „Диагноз утопления исключается всеми имеющимися свидетельствами. Очевидно, что он не утонул, а умер от ранее нанесенных ран. Жидкость, обнаруженная в легких, в данном случае не является свидетельством утопления“. [...] Независимо от того, где стреляли в Распутина, в помещении или во дворе, и в какое время, материалами вскрытия безусловно доказано: первый и второй выстрелы были сделаны с небольшим промежутком, с близкой дистанции и из пистолетов разных калибров. Третий выстрел в голову, в упор, стал причиной смерти Распутина. [...] Освальд Райнер [британский офицер], безусловно, присутствовал в Юсуповском дворце в ту ночь. Он входил в ближайший доверенный круг князя. Скрытный по натуре, он все-таки признался своей племяннице Розе Джоунс, что был у Феликса в ночь убийства. Как и Джон Скейл, он был посвящен во все детали заговора. [...] Скейл отправился на румынский фронт 11 ноября (24 ноября по новому стилю) и не мог присутствовать на двух последних встречах у Феликса и в ночь умерщвления Распутина. [...] Капитан Стивен Элли был также вовлечен в заговор. Мы уже рассказывали о давних связях его семьи с Юсуповыми. Как и Райнер, Элли свободно и без акцента говорил по-русски. [...] Свободное владение русским языком и полевая русская форма делали их неотличимыми от российских военнослужащих для кого угодно, включая и самого Пуришкевича. [...] Свидетельство соучастия Элли и Райнера мы находим в письме Стивена Скейлу, отправленном через восемь дней после убийства» (Жук Э. *Убить Распутина. Жизнь и смерть Григория Распутина*. М., 2007. С. 329, 333, 337—341, 344—348, 350—352). Более подробно обо всех обстоятельствах убийства Г. Е. Распутина см. книгу английского историка Эндрю Кука.

⁷⁰ Речь идет о месте захоронения Г. Е. Распутина – «часовне», о которой пишут многие очевидцы. В действительности речь идет о храме преподобного Серафима Саровского при Свято-Серафимовском лазарете-убежище для инвалидов войны №79. Строился он в Царскосельском парке на земле, приобретенной А. А. Вырубовой на ее собственные средства. Убежище и храм находились на небольшой поляне в окружении высоких деревьев, на правом берегу 2-го Ламского пруда, как раз напротив Ламских конюшен. К ним вела красивая липовая аллея от Фермерского парка. Деревянный храм строился А. А. Вырубовой в 1916—1917 гг. по проекту архитекторов С. А. Данини (1867—1942) и С. Ю. Сидорчука (1862—1925) в память избавления ее от смерти при крушении поезда 2 января 1915 года. Строительные работы вел полковник Мальцев. «Закладка Аниной

ходила туда молиться. Николай II направил Великого Князя Дмитрия Павловича в русские войска в Персии. Князь Юсупов был выслан в имение своего отца в Центральной России (менее чем через год он покинул страну). В отношении остальных не было принято никаких мер.

Записи Гиббса о Цесаревиче:

«[Царское Село] Среда, **21 декабря 1916 / 3 января 1917:**

Оставался дома и в постели весь день под присмотром докторов – Боткина⁷¹, Деревенко и Острогорского⁷². Результата не было, глист остается в кишках. Играл с моделью города и с электрической железной дорогой весь день. Когда боль отступает, настроение хорошее.

Четверг, 22 декабря 1916 / 4 января 1917:

Встал поздно. Выехал на моторе в 11 часов к Белой башне и играл с маленьким Деревенько⁷³. Ланч в 1 час, затем отдых до 3-х часов. Пошел к доктору, чтобы привести Колю,

церкви, – сообщала Императрица Государю в письме 5 ноября 1916 г., – прошла хорошо, наш Друг был там, а также славный епископ Исидор, епископ Мельхиседек и наш Батюшка». «Через месяц с небольшим епископ Исидор (Колоколов, 1866—1918) отпоет Г. Е. Распутина в Чесменской богдельне. А „наш Батюшка“ – духовник Царской Семьи, протоиерей Александр Васильев (1867—1918) отслужит литию перед погребением старца на том же самом месте, где еще недавно он сослужил во время закладки храма. В честь этой самой закладки, после нее, в лазарете А. А. Вырубовой был прием. На нем сделали фотографию – последний прижизненный снимок Г. Е. Распутина. Это групповое фото за столом, попав в руки одного из убийц старца В. М. Пуришкевича, было размножено им в количестве 9 тысяч экземпляров и распространялось в оставшиеся до преступления дни с соответствующими, извращающими смысл запечатленного на снимке, комментариями» (Фомин С. В. *Как они его жгли* // Русский вестник. 30.05.2002).

⁷¹ **Боткин Евгений Сергеевич** (1865—1918), лейб-медик Высочайшего Двора. Действительный статский советник. После окончания гимназии поступил на физико-математический факультет Петербургского университета, а затем перешел на подготовительный курс Военно-медицинской академии, которую закончил в 1889 г., получив звание лекаря с отличием. Начал работать в Мариинской больнице для бедных. В 1893 г. защитил докторскую диссертацию. В мае 1897 г. стал приват-доцентом Военно-медицинской академии. С началом Русско-японской войны отправился на фронт, на Дальний Восток. Назначен заведующим медицинской частью Красного Креста в маньчжурской армии. Был награжден офицерским боевым орденом Св. Владимира 4-й и 3-й степени с мечами. Осенью 1905 г. возвратился в Петербург. Продолжил преподавание в Военно-медицинской академии. С 6 мая 1905 г. – лейб-медик Высочайшего Двора, фактически домашний врач Царской Семьи. С апреля 1908 г. получает официальное назначение. С этого времени становится близким другом Августейшей Семьи и сопровождает ее в различных поездках и мероприятиях. С 1890 г. был женат на Ольге Владимировне. Их дети: первенец Сергей (умер полугодолым; 1892), Дмитрий (1894—1914), Георгий (1896— 1941), Татьяна (1899—1986), Глеб (1900—1969). Супруги развелись в 1911 г. Трое детей остались с отцом: Глеб, Татьяна и Дмитрий. Георгий женился и жил самостоятельно. После февральской революции добровольно разделил участь Царской Семьи, вначале под арестом в Александровском дворце, а потом в ссылке и заключении. Сопровождал Царскую Семью в Тобольск и Екатеринбург. Расстрелян вместе с Царственными мучениками в подвале Ипатьевского дома в ночь с 16 на 17 июля (н. ст.) 1918 г. В комнате Боткина нашли последнее неоконченное его письмо брату от 26 июня / 9 июля 1918 г.: «...мое добровольное заточение здесь настолько же временем не ограничено, насколько ограничено мое земное существование. В сущности, я умер, – умер для своих детей, для друзей, для дела... Я умер, но еще не похоронен, или заживо погребен. [...] Я духом бодр, несмотря на испытанные страдания. [...] Меня поддерживает убеждение, что „претерпевший до конца, тот и спасется“. [...] Я не поколебался покинуть своих детей круглыми сиротами, чтобы исполнить свой врачебный долг до конца, как Авраам не поколебался по требованию Бога принести Ему в жертву своего сына. И я твердо верю, что, так же, как Бог спас тогда Исаака, Он спасет теперь и моих детей и Сам будет им Отцом. [...] Иов больше терпел. [...] Видимо, я все могу выдержать, что Господу Богу угодно будет мне исполнять» (Мельник-Боткина Т. *Воспоминания о Царской Семье*. М., 2004. С. 148—155). В 1981 году решением Архиерейского Собора Русской Православной Церкви Заграницей канонизирован вместе с Царской Семьей. 3 февраля 2016 года Архиерейским собором Русской Православной Церкви было принято решение об общецерковном прославлении страстотерпца праведного Евгения врача.

⁷² **Острогорский Сергей Алексеевич** (1867—1934), доктор медицины, профессор, с 1907 г. – почетный лейб-медик, был приглашен наблюдать за здоровьем Августейших детей. Член Военно-медицинского ученого комитета. Руководил детской клиникой Рождественских курсов. Товарищ председателя Общества детских врачей в Санкт-Петербурге. В 1916—1919 гг. – директор Петербургских курсов им. П. Ф. Лесгафта. С 1919 г. – директор института физического образования. Позже в эмиграции в Праге. С 1923 г. возглавлял Русский педагогический институт им. Я. А. Коменского. Был первым председателем (1923—1927) Общества русских врачей в Праге. Скончался в Праге.

⁷³ **Деревенько Сергей Андреевич** (1907—1990), сын боцмана А. Е. Деревенько. Один из немногих друзей Цесаревича по играм. По словам П. Жильяра, был значительно моложе Алексея Николаевича и не был достаточно образован и развит. Проживал до самой своей кончины в Ленинграде.

и потом пошли к Белой башне играть вместе. Взял Колю домой в 5 и играл с ним до 5.45. Затем – по домам. Пошел увидеть Императрицу и обедал с ней. После обеда украшал рождественские елки на нижнем этаже до отхода ко сну.

Суббота, 24 декабря 1916 / 6 января 1917:

Встал в 9 часов. Выехал на моторе в парк в 10 часов. Пошел к Белой башне с доктором Деревенко. После ланча отдыхал, а затем пошел на Рождественские елки: для всех в 3 часа, семейная в 4 часа, с П. Ж. и Ч. С. Г. в 4.30, с доктором Деревенко в 5 часов. Потом домой обедал в 6.15 пополудни, а затем в церковь. После этого играл дома с новым макетом местности и солдатиками.

Воскресенье, 25 декабря 1916 / 7 января 1917:

Встал поздно. Пошел в церковь в 11 часов. Ланч внизу в 12.30 пополудни. Днем отправился на Рождественскую елку в Школу верховой езды и помогал распределять подарки. Вернулся домой в 3.15, затем выехал на моторе к Белой башне, где играл. Пошел на Рождественскую елку к Деревенко, а после этого на Рождественскую елку к доктору [Деревенко]. Обедал дома в 6 часов и потом направился к П. В. П. отнести ему рождественские подарки. Затем играл дома до отхода ко сну.

Вторник, 27 декабря 1916 / 9 января 1917:

Выехал на моторе в 10 часов и играл все утро с доктором Деревенко. Вернулся к ланчу и после этого пошел в Школу верховой езды на Рождественскую елку. Вернулся в 3 часа и поехал к Белой башне и играл там с детьми. В 4.30 пошел к доктору Деревенко и вернулся домой в 6 часов, чтобы посмотреть кино. Видел военные картины, два эпизода из «Таинственной руки» и одну комедию. Во время просмотра сильно разболелась рука, и, когда он закончился, отправился в постель. Сильная боль весь вечер.

Четверг, 29 декабря 1916 / 11 января 1917:

Весь день в постели, но болит меньше. Императрица провела большую часть дня рядом у постели. Макаров и Ч. С. Г. были на ланче, а потом вместе ужинали.

Суббота, 31 декабря 1916 / 13 января 1917:

Еще в постели, но уже намного лучше. Мог больше играть и, в основном, весел. День прошел, как до этого. Вторую половину дня провел с Императрицей и А. А. [Анна Александровна Вырубова].

Вторник, 3/16 января 1917:

Встал поздно, но чувствовал себя намного лучше. Играл в парке все утро и после ланча отдыхал, а затем снова играл в парке до 4 часов пополудни. Затем пошел к доктору Деревенко. Обедал в 6 часов, а потом играл дома в «Таинственную руку». В постель в обычное время.

Четверг, 5/18 января 1917:

Встал поздно. Вышел в 11.30 и играл в парке до ланча. Снова играл до 4 часов с обычным отдыхом после ланча. Был у доктора Деревенко с 4 до 6 часов, а после обеда пошел к П. В. П. В постель в обычное время.

Суббота, 7/20 января 1917:

Встал поздно. Находился весь день в парке, играя на снежном холме у Белой башни с поездом из санок с 10 до 4 часов. Вернулся домой один на ланч и затем отдыхал между 13:00 и 14.30. С четырех часов играл с доктором Деревенко, затем обед в 6 часов, а потом

снова играл с П. В. П. Вернулся в 8 часов, оставаясь на нижнем этаже до 9, а затем в постель в обычное время.

Суббота, 8/21 января 1917:

В церковь, как обычно, утром. После церкви вышел с санями и пошел к Коле, как обычно, с четырех до обеда.

После обеда Макаров вернулся в Петроград. Играл до 8 часов, затем спустился на нижний этаж и оставался там до 9 часов. Потом в постель.

Вторник, 10/23 января 1917:

Уроки утром, как обычно (арифметика, история, английский), затем ланч и отдых. Днем играл в парке и вернулся домой в 4 часа для первого урока по естественным наукам, который проводил В. Н. Д. [доктор Владимир Николаевич Деревенко]. Английский с 5 до 6 часов, затем обед, а после обеда катался на тройке, играл до 7.30. Навестил П. В. П. на десять минут. Спустился на нижний этаж в 8 часов. Пошел спать в обычное время.

Четверг, 12/25 января 1917:

Именины у Т. Н. [Татьяны Николаевны]. Встал поздно и на улице все утро до 12.15 с поездом и санками. 12.30. Молитвы по случаю именин Великой княжны Т. Н. После ланча играл с санками на улице в парке. Встретил Его Величество, и все пошли к старой заснеженной башне и чистили ее основание от снега.

Пришел домой в 5 часов. Играл до обеда, который состоялся в 6 часов. Затем гулял в парке до 7.30, зашел к П. В. П. на десять минут. Находился на нижнем этаже, а потом пошел в постель в 9 часов.

Суббота, 14/27 января 1917:

Уроки: Французский в 9 часов, прогулка на моторе, как обычно. В 12 часов английский. Ланч и отдых.

Катался на моторе и играл в парке, затем к доктору Деревенко, обед в 6, потом к П. В. П. [далее неразборчиво]. Маленький Деревенко приходил на 10 минут вечером. Затем стригся. Лег в постель в обычное время.

Вторник, 17/30 января 1917:

Встал в положенное время.

Арифметика с 9 до 10 часов.

Катался на моторе и играл около Белой башни с Сергеем с 10 до 11 часов. Английский язык с 11 до 12 часов вместо истории. Снова английский язык с 12 до 1 часа.

Очень холодно и ветрено, но светит яркое солнце. После ланча отдыхал. Играл у Белой башни с санками с 3 часов до 5. Урок по естественным наукам с 5 до 6. Обед в 6 часов, а после этого играл до 8 часов. Лег спать вовремя. Чувствовал себя нехорошо.

Четверг, 19 января / 1 февраля 1917:

Весь день в постели, но немного лучше, чем накануне. Мог немного играть и слушать, когда читают.

Суббота, 21 января / 3 февраля 1917:

Лежал в постели. Настроение хорошее, мог играть и разговаривать. Читал вслух, посетители стали главным развлечением дня.

Показ картин, на который все были приглашены, начался в 5 часов.

Воскресенье, **22 января / 4 февраля 1917:**

Чувствовал себя лучше, но был чуть более раздражителен. Играл, читал и принимал посетителей. Кино в 5 часов.

Пришел навестить профессор Федоров. Лег в постель в обычное время.

Вторник, **24 января / 6 февраля 1917:**

В очень хорошем настроении. Играл и читал весь день. Императрица приходила до и после ланча. Утром сидел в классной комнате, поскольку игровая комната была очень холодной и согрелась только после отопления открытым огнем. Играл с кораблями в морской бой на макете местности. Кинематограф – в 6 часов. Императрица собрала модель старинной деревни. В постель в обычное время.

Четверг, **26 января / 8 февраля 1917:**

Совсем не здоров. Лежал почти весь день и слушал чтение вслух «Робинзона Крузо». Кинематограф – в 6 часов, после которого чувствовал себя очень больным и не смог съесть ужин. В постель в обычное время, самочувствие несколько лучше.

Суббота, **28 января / 10 февраля 1917:**

Встал поздно. Несколько лучше, чем вчера, но не разрешено садиться. Ел довольно хорошо и немного играл в течение дня. Императрица поднималась до и после ланча, и также А. А. [Анна Александровна] после ланча. Наблюдал, как они продолжают собирать модели. Ужин в 6. В кровать, как обычно.

Вторник, **31 января / 13 февраля 1917:**

Очень болен весь день, едва мог есть, проявлял мало интереса к тому, что происходит вокруг. Под воздействием морфия боль несколько отступала, но был сонным весь день.

Четверг, **2/15 февраля 1917:**

Намного лучше, проявлял интерес к книгам и играм. Проходили Императрица и А. А. после ланча, на котором присутствовали профессор Федоров и доктор Боткин, В. Н. Д. [доктор Владимир Николаевич Деревенко], Шура Ал.⁷⁴ и Ч. С. Г. В кровать в обычное время.

Суббота, **4/17 февраля 1917:**

Встал очень поздно, но чувствовал себя намного лучше. День прошел спокойно. Императрица приходила три раза. В хорошем настроении, ел лучше. Генерал Воейков зашел на несколько минут утром. Доктора навещали, как обычно.

Воскресенье, **5/18 февраля 1917:**

⁷⁴ **Теглева Александра Александровна** – «Шура» – (1884—1955), потомственная дворянка, состояла няней при всех Августейших детях с 1902 г. Добровольно поехала за Царской Семьей в ссылку в Тобольск. Затем с детьми переехала в Екатеринбург, но в Ипатьевский дом не была допущена: восемнадцати слугам было объявлено, что «в них не нуждаются». Всем велено было уезжать обратно в Тобольск. На их счастье, когда они добрались до Тюмени, город взяли чехи. Таким образом, бывшие узники оказались у адмирала Колчака. 17 июля 1919 г. давала показания в качестве свидетеля следователю Н. А. Соколову по делу об убийстве Царской Семьи. Проживала вместе с Жильяром в Тюмени, сначала в вагоне заброшенного поезда, а потом, заболев, у одного торговца, приютившего их. Затем они перебрались в Омск и находились там до тех пор, пока Александра не переехала в Верхнеудинск, контролируемый японскими войсками. Там она находилась вместе с женой генерала Дитерихса. Обе они руководили сиротским приютом. В Верхнеудинске Жильяр встретился с Теглевой, и в конце января 1920 г. на личном поезде генерала Жанена они отправились во Владивосток, куда добрались в апреле 1920 г. Эмигрировала в Европу. Жила вместе с семьей Н. А. Соколова и капитаном П. Бульгиным в гостинице в Париже в 1920 г. 3 октября 1922 г. в Женеве обвенчалась с преподавателем царских детей Пьером Жильяром. Проживала вместе с мужем в Швейцарии, где скончалась 25 марта 1955 г. в возрасте 71 года.

День прошел, как обычно; в очень хорошем настроении. Навещался, как обычно, Императорской Семей. Во время этого слишком возбудился, и вечером был не вполне здоров».

В действительности не все было в порядке в Российском государстве, и, естественно, в его столице, где царили некомпетентность и бюрократическое корыстолюбие, и доверие к центральному правительству сильно упало. Революция была близка, но никто не осмеливался предположить, чем это может обернуться. Гражданские свободы ограничивались, а в армии нарастало недовольство. Зима выдалась суровой, и в Петрограде не хватало топлива и продовольствия. Вскоре накопившаяся усталость и недовольство переросли в стачки, беспорядки и мятежи. В начале января того года британский посол, сэр Джордж Бьюкенен, предупредил Императора о том, что ему следует восстановить доверие народа – формулировка, которая привела Николая Александровича в недоумение. Сэр Бьюкенен заметил также, что главный министр Александр Протопопов (министр внутренних дел и шеф полиции) ответственен за бедственное положение дел в стране. Твердый реакционер, Протопопов пользовался доверием Императрицы, но мало чьим еще. Николай Александрович не прислушался к словам сэра Бьюкенена. Не обращая внимания на бездеятельность своих министров или просто устав от нее, Император решил вернуться обратно в Ставку из «отравленной атмосферы» Петрограда и сделал это 22 февраля/7 марта.

Впоследствии, когда Гиббса спрашивали об Императоре, он рассказывал:

«Я всегда чувствовал, что мир, в общем, никогда не принимал Императора Николай II всерьез, и я часто интересовался почему. Он был человеком, у которого не было низменных качеств. Я думаю, что в основном это можно объяснить тем фактом, что Он выглядел абсолютно не способным внушать страх. Он знал очень хорошо, как сохранить свое достоинство. Никто даже и помыслить не мог, чтобы позволить себе вольности по отношению к Императору. Это была бы неслыханная вещь. Он не ставил себя выше других, но при этом был исполнен спокойствия, самообладания и достоинства. Главное, что Он внушал, – трепет, а не страх. Я думаю, причиной этого были его глаза. Да, я уверен, это были его глаза, настолько прекрасными они были. Нежнейшего синего (голубого) оттенка, они смотрели прямо в лицо. С добрейшим, нежнейшим и любящим выражением. Как можно было чувствовать страх? Глаза его были настолько ясными, что казалось Он открывал вашему взгляду всю свою душу. Душу простую и чистую, которая совершенно не боялась вашего испытующего взгляда. Никто больше не мог так смотреть. В этом было его величайшее обаяние и, в то же время, великая политическая слабость. В битве умение внушать страх порой составляет больше половины победы. И именно этим преимуществом Он не обладал. Если бы Он находился в другом положении, мог выражаться более свободно, говорить и писать то, что думает, как обычный человек, тогда бы Он, вне всякого сомнения, смог приспособиться и найти свою нишу. Но в его положении это было невозможно. Ему приходилось высказываться только в официальном стиле. И, тем не менее, Он мог при случае излагать прямо основные положения своей государственной политики».

Глава VI Николай Романов

Гиббс тем временем продолжал вести записи о жизни Алексея в Царском Селе:

«Вторник, **7/20** февраля **1917**:

Чувствовал себя намного лучше; ел с аппетитом, особенно за ланчем, когда подавали блины. День прошел обыкновенно, как всегда приходили Император и Императрица.

Четверг, **9/22** февраля **1917**:

Улучшение продолжается. День, как обычно. Ел очень хорошо, особенно за ланчем, когда подавались блины. Снова немного сидел.

Суббота, **11/24** февраля **1917**:

Все еще не мог встать, но чувствовал себя намного лучше, хотя долгое пребывание в постели немного повлияло на общее настроение. Императрица приходила утром, днем и вечером. Маленький Макаров пришел в 3 часа и остается до завтра. Кино в 5 часов. В кровать в обычное время.

Ланч с О. Н. [Ольгой Николаевной], которая также нездорова и находится в кровати, и обедал, как обычно.

Вторник, **14/27** февраля **1917**:

Утром встал с постели, но левая рука и левая нога так болели, что пришлось снова лечь в постель сразу после завтрака. Провел весь день в постели. Ланч с О. Н., а обедал, как обычно. Спать лег также в обычное время.

Среда, **15/28** февраля **1917**:

Г-н Жильяр – также в постели, у него грипп. А. Н. (Анастасия Николаевна) плохо себя чувствует. Весь день прошел очень тихо. Как всегда приходили родители и остальные. Спать лег, как обычно.

Четверг, **16—17/1—2** марта **1917**:

Ночь была тяжелой, проснулся поздно. Не очень хорошо себя чувствовал, но хорошо позавтракал. В 12 пошел спать и хорошо спал до 3. Писал на свежую голову. Затем был ланч. В 5 пошел с Императрицей навестить г-на [Жильяра], который встал поздно. Обед, как обычно, и в кровать в обычное время.

Пятница, **17** февраля / **2** марта **1917**:

Встал в положенное время и завтракал за столом. Утром играл, приходил священник для получасовой беседы. Ланч внизу, затем отдых и игры. На полчаса поднимались Императрица и А. А. [Анна Александровна]. Обедал, как обычно, затем лечение, и в кровать.

Суббота, **18** февраля / **3** марта **1917**:

Встал поздно, играл до двенадцати. Затем пришел священник для причастия. Ланч был на нижнем этаже. Отдыхал и играл всю вторую половину дня. Заходил профессор Федоров.

Обедал, как обычно. После обеда – играл, лечился, стригся и принимал ванную. Лег спать в 9.15. Императрица, как обычно, читала «*Helen's Babies*»⁷⁵.

Воскресенье, **19 февраля / 4 марта 1917:**

Встал нормально. Играл весь день в игровой комнате; выходить не разрешали. Ланч был внизу с Императором, Императрицей и Т. Н. [Татьяной Николаевной], все остальные плохо себя чувствуют. Обед раньше обычного, а затем кино в 6 часов. Лег в постель в обычное время. Чувствовал себя не очень хорошо. Приходил Ген.– адъютант⁷⁶.

Понедельник, **20 февраля / 5 марта 1917:**

Лежал в постели весь день под присмотром докторов. Настроение довольно хорошее. Навещали родители и сестры, как обычно. Кашель.

Вторник, **21 февраля / 6 марта 1917:**

Все еще в постели; кашель. Читал новую книгу «Русские сказки», подарок Императрицы.

Среда, **22 февраля / 7 марта 1917:**

Кашель очень утомляет. День прошел в обычных визитах. Император уехал в Ставку; написал коротенькую записку в поезд. Генерал Воейков зашел сказать «до свидания».

Четверг, **23 февраля / 8 марта 1917:**

В хорошем настроении, но продолжает мучить кашель. П. В. П. оставался с ланча до обеда, а затем его сменил доктор Деревенко.

Пятница, **24 февраля / 9 марта 1917:**

Настроение хорошее, но корь усилилась. Вырезал бумажные домики и склеивал их. Посетители, как обычно».

Трехсотлетняя династия Романовых была готова рассыпаться, как карточный домик. В период с 23 февраля/8 марта по 4/17 марта революция, названная позже Февральской, шла своим непредсказуемым анархическим путем. На место забастовок и процессий с революционными песнями пришли бунты под красными флагами. На улицах происходила беспорядочная стрельба (большинство солдат, впрочем, были потрясены происходящим и не желали в этом участвовать), и множество простых людей погибло в давке на Невском. Затем произошел мятеж полков Петроградского гарнизона, в значительной степени состоявшего из молодых неопытных солдат. Затем стали поджигать общественные здания и штурмовать тюрьмы. Царское правительство в том виде, в котором оно существовало до этого, распалось. Какое-то время не было ни централизованной власти, ни организованного руководства восстанием.

Залы Таврического дворца, построенного в XVIII веке, в которых заседала Государственная Дума, являли собой непрекращающееся вавилонское столпотворение. В одной из комнат проходили бессистемные заседания Временного исполнительного комитета Петроградского

⁷⁵ Книга «Дети Хелен» принадлежит американскому писателю Джону Хаббертону (1842—1921), который двадцать лет работал в качестве литературного критика в «Нью-Йорк Геральд». Она была издана в 1876 г. в Бостоне, а затем в Лондоне. Юмористическая книга появилась в серии «Ruby Books» для девочек и мальчиков и была написана для взрослой аудитории. Однако веселая новелла почти сразу же стала популярна среди юношества и заняла достойное место рядом с «Томом Сойером», «Ветром в ивах», «Винни-Пухом» и др. – **Прим. ред.**

⁷⁶ Имеется в виду Николай Павлович Саблин, флигель адъютант Свиты Императора Николая II, личный друг Царской Семьи. Генерал А. И. Спиридович писал в своих воспоминаниях: «19 февраля [...] Вечером Императрица, узнав, что у Вырубовой собрались несколько офицеров прибывшего для охраны Гвардейского Экипажа, пригласила Анну Александровну со всеми гостями в свои апартаменты. Собралась вся Царская Семья, кроме больных. В числе приглашенных были госпожа Ден, Саблин, командир прибывшего батальона Мясоедов-Иванов и офицеры Родионов и Кублицкий» (**Спиридович А. И. Великая война и февральская революция. 1914—1917. Воспоминания. Мемуары.** Мн., 2004. С. 487).

Совета рабочих и солдатских депутатов⁷⁷. Девять дней спустя, как джин из облака дыма, появилось Временное правительство. Его возглавил князь Г. Е. Львов, а красноречивый энергичный тридцатипятилетний юрист и республиканец А. Ф. Керенский, лидер фракции трудовиков в Думе, стал министром юстиции, одновременно сохраняя свое место заместителя председателя Совета.

Тем временем в Могилеве, в пятистах милях от Петрограда, Царь не спешит реагировать на происходящее. Генерал Дубенский, его официальный «историограф», оставил такую запись:

«Уже с утра [25 февраля] в Ставке стало известно, что волнения в Петрограде приняли широкие размеры. Толпы появились уже на Невском у Николаевского вокзала, а в рабочих районах, как и вчера, народ требовал хлеба и стремился производить насилия над полицией. Были вызваны войска, занявшие площади, некоторые улицы. Революционное настроение масс росло. Государственная Дума с Родзянко во главе предъявила правительству новые настойчивые требования о реорганизации власти. Все эти тревожные сведения достигли Могилева отрывочно и определенных сообщений о мероприятиях, принятых властями для подавления беспорядков в Столице, – не было. [...]

Внешняя жизнь Могилева – прежняя. Спокойно и тихо на улицах. Государь выезжал на прогулку, были Высочайшие завтраки и обеды, а все остальное время Его Величество занимался в Своем кабинете, принимал графа Фредерикса, генерала Воейкова, генерала-адъютанта Алексеева; утром того же дня происходил обычный доклад по Генерал-Квартирмейстерской части.

Государь внимательно следил за сведениями, полученными с фронта за истекшие сутки, и удивлял всех Своей памятью и вниманием к делам» (*Дубенский Д. Н. Как произошёл переворот в России*. Кн. 3. Русская летопись. Париж, 1922. С. 28, 30)⁷⁸. Император не выглядел обеспокоенным до тех пор, пока не начали приходить телеграммы от Императрицы. 27 февраля/12 марта в 11 часов 12 минут Царица телеграфировала: «Революция вчера приняла ужасающие размеры. Знаю, что присоединились и другие части. Известия хуже, чем когда бы то ни было. Аликс». В 1 час 5 минут она сообщала: «Уступки необходимы. Стачки продолжаются. Многие части перешли на сторону революции. Аликс». И, наконец, в 9 часов 50 минут Императрица телеграфировала: «Лили⁷⁹ провела у нас день и ночь. Не было ни экипажей, ни машин.

⁷⁷ «Совет рабочих депутатов» возник самочинно 27 февраля. Инициаторами его явились освобожденные толпой из предварительного заключения лидеры «рабочей группы». Этот самочинный Совет, совместно с некоторыми представителями крайних левых партий той же Государственной Думы, образовал «Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов». Впоследствии в название «Совета Рабочих Депутатов» было вставлено «и Солдатских» (*Галушкин Н. В. Собственный Его Императорского Величества конвой*. М., 2004. С. 241).

⁷⁸ «Как бы там ни было, но ни Государь, ни Государыня не могли с самого начала оценить ни характер, ни серьезность начавшихся в Петрограде выступлений. 24 февраля Императрица высылает Государю письмо в Ставку: «Вчера были беспорядки на Васильевском острове и на Невском, потому что бедняки брали приступом булочные. Они вдребезги разбили Филиппова, и против них вызывали казаков. Все это я узнала неофициально». То же самое она писала в письме 25 февраля: «Это хулиганское движение, мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба, – просто для того, чтобы создать возбуждение, и рабочие, которые мешают другим работать». Из писем видно, что Государыня также не была проинформирована о подлинных событиях. Иначе почему она, Императрица Всероссийская, узнает о них «неофициально»? Николай II также не придавал большого значения петроградским событиям, полагая их незначительными и неорганизованными. [...] Как верно пишет О. А. Платонов «В это последнее пребывание Государя в Ставке было много странного: в Петрограде творились страшные дела, а здесь царила какая-то безмятежная тишина, спокойствие более обычного. Информация, которая поступала Государю, шла через руки Алексеева. Сейчас невозможно сказать, в какой степени Алексей задерживал информацию, а в какой степени эта информация поступала искаженной из Петрограда. Факт тот, что фактически до 27 числа Государь имел искаженное представление о происходившем в Петрограде» (*Мульгаули П. В. Свидетельства о Христе до смерти...* М.; Е., 2008. С. 44—45).

⁷⁹ **Ден Юлия Александровна, фон** – «Лили» – (1885—1963), ур. Селим-Бек Смо (у) льская, одна из самых близких подруг Государыни Императрицы Александры Федоровны. Дочь потомственного дворянина Гродненской губернии, военного инженера Александра-Фридриха Адамовича Смольского (1858—?) и Екатерины Леонидовны Белецкой (ур. Хорват). Род Смольских был утверждён в потомственном дворянском достоинстве по личным заслугам владельца имения Головик

Окружной суд горит. Аликс». На рассвете следующего дня императорский поезд отправился на север в Царское Село более длинным путем, чем обычно. Находясь в ста пятидесяти четырех верстах от Петрограда, Государь узнал, что революционеры недалеко, и решил, что поезд должен быть отведен на запад к Пскову. Это была утомительная поездка через заснеженную страну с лишней тратой времени. Поздно вечером в среду (1/14 марта) Царь добрался до станции Псков. После многочасового обмена телеграммами с Петроградом стало очевидно, что ничего уже нельзя сделать. На утро 2/15 марта полученные сообщения от генералов с нескольких фронтов побудили Царя отречься. В тот день в 3 часа Николай Александрович подписал документ об отречении в пользу Его Императорского Величества Алексея I⁸⁰, но отменил его сразу же после разговора с врачом Алексея Николаевича доктором Федоровым. Из-за неизлечимой болезни жизнь мальчика зачастую зависела от воли случая. В дальнейшем, что бы ни решило новое правительство, оно, несомненно, настояло бы на том, что Алексею Николаевичу должен быть назначен регент. Император этот вариант даже не рассматривал. Когда два делегата⁸¹ от представителей новой власти добрались до поезда в тот вечер, Император сказал им, что отрекается в пользу своего брата, Великого Князя Михаила Александровича. Появился документ – Акт об отречении Императора Николая II от Престола Государства Российского и о сложении с себя Верховной Власти:

«Ставка. Начальнику Штаба.

Бельского уезда, отставного полковника Адама Силезиевича Смульского по Гродненской губернии в 1892 г. По материнской линии принадлежала к известному дворянскому роду Хорватов. Правнучкой Кутузова была ее бабушка Мария Карловна, ур. баронесса Пилар фон Пильхау (дочь Кутузова Екатерина Михайловна (1787—1826) в первом браке была замужем за князем Н. Д. Кудашевым (? —1813), на их дочери Екатерине Николаевне Кудашевой был женат барон Карл Магнус Пилар фон Пильхау, и от этого брака родилась Мария Карловна (1839—1922?). Мать Юлии Александровны была родной сестрой управляющего Китайско-Восточной железной дорогой генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата. Ее первый брак оказался неудачным, и после развода в 1904 г. с отцом Лили, военным инженером Смульским, она вышла замуж за ротмистра Белецкого, который погиб на фронте в 1915 г. В 1907 г. Юлия Александровна вышла замуж за Карла Иоакимовича (Карла Александровича) фон Дена (1877—1932), в ту пору старшего лейтенанта Гвардейского Экипажа. 27 июля 1908 г. у них родился сын Александр (1908—1974), крестник Государыни Императрицы Александры Федоровны. Отличалась глубокой преданностью Императорской Семье. Государь писал Императрице из Ставки 26.2.1917 г.: «Видайся чаще с Лили Ден – это хороший, рассудительный друг». Находилась рядом с Государыней в тяжелые для Царской Семьи дни в конце февраля – начале марта 1917 г. Оставив восьмилетнего сына на попечение отца и прислуги, она помогала Императрице переносить обрушившиеся на Августейшую Семью нравственные и физические испытания. 21 марта по приказу Керенского была арестована вместе с А. А. Вырубовой. Почти двое суток провела в заключении в одной из комнат Министерства юстиции, а затем была отпущена домой под подписку о невыезде. Летом 1917 г. установила контакт с монархической организацией Н. Е. Маркова, которая занималась подготовкой освобождения Императорской Семьи. Однако их деятельность не принесла результата. После высылки Царской Семьи в Тобольск уехала в свое имение Белецковку под Кременчугом, где жили ее бабушка и мать. Предполагала оставить сына на их попечение и следовать в Тобольск, однако после большевистского переворота юг России оказался отрезан от центра, и вместо Сибири была вынуждена бежать в Одессу. Оттуда благодаря покровительственному отношению к России французских властей перебралась в Константинополь. Из Константинополя попала в Грецию и Гибралтар, а оттуда в Англию, куда прибыла вместе с сыном 19 июня 1919 г. и после трех лет разлуки встретила с мужем. В 1922 г. написала и издала свои воспоминания: *Madame Lili Dehn. The Real Tsaritsa*. London, 1922. Через некоторое время семья перебралась в восточную Польшу и жила в маленьком имении Holowiesk, которое принадлежало брату Карла Александровича. В годы Второй мировой войны находилась с сыном в Европе, а сразу по окончании войны они переехали в Южную Америку, в Венесуэлу. Жила в Каракасе вместе с сыном. Скончалась в Риме. Похоронена на кладбище Тестаччо.

⁸⁰ Речь идет о двух Высочайших телеграммах, написанных собственноручно Государем Императором Николаем II для председателя Городской думы Родзянко: «1. „Председателю Государственной Думы. Петроград. Нет той жертвы, которую Я не принес бы во имя действительного блага и для спасения родной матушки России. Посему Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына, с тем, чтобы Он оставался при Мне до совершеннолетия, при регентстве Брата Моего Великого Князя Михаила Александровича. НИКОЛАЙ“; 2. „Наштаверх. Ставка. Во имя блага, спокойствия и спасения горячо любимой России, Я готов отречься от Престола в пользу Моего Сына. Прошу всех служить Ему верно и нелицемерно. НИКОЛАЙ“». Эти телеграммы не успели послать, как было получено извещение о выезде „для переговоров“ с Государем Императором делегатов от „Временного Комитета Государственной Думы“ Гучкова и Шульгина. „Не зная, какие условия будут поставлены Думским Комитетом, Государь потребовал составленные Им телеграммы обратно. Генерал Рузский отказался их вернуть, и лишь задержал их отправление“. Позже Государь Император изменил свое решение передать Престол своему сыну» (*Галушкин Н. В. Собственный Его Императорского Величества конвой*. М., 2004. С. 243).

⁸¹ Имеются в виду два депутата Государственной думы А. И. Гучков (1862—1936) и В. В. Шульгин (1878—1976).

В дни великой борьбы с внешним врагом, стремящимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать России новое тяжелое испытание.

Начавшиеся народные волнения грозят бедственно отразиться на дальнейшем ведении упорной войны. Судьба России, честь геройской нашей армии, блага народа, все будущее дорогого нашего Отечества, требуют доведение войны во что бы то ни стало до победного конца. Жестокий враг направляет последние силы, и уже близок час, когда доблестная армия наша, совместно с славными нашими союзниками, сможет окончательно сломить врага. В эти решительные дни в жизни России почли МЫ долгом совести облегчить народу НАШЕМУ тесное единение и сплочение всех сил народных, для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной Думою, признали МЫ за благо отречься от Престола Государства Российского, и сложить с СЕБЯ Верховную Власть. Не желая расстаться с любимым Сыном НАШИМ, МЫ передаем наследие НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ, и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского. Заповедуем Брату НАШЕМУ править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в этом ненарушимую присягу. Во имя горячо любимой родины, призываю всех верных сынов Отечества к исполнению своего святого долга перед Ним, повиновением Царю в тяжелую минуту всенародных испытаний и помочь ЕМУ, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы. Да поможет Господь Бог России!

Г. Псков.

2-го марта 15 ч. 3 мин. 1917 год. НИКОЛАЙ

Министр Императорского Двора Генерал-адъютант граф Фредерикс»⁸²

После этого делегаты отбыли в Петроград, и императорский поезд отошел с запасного пути в сторону Могилева⁸³. Государь тем временем записал в своем дневнике: «Кругом измена, и трусость, и обман!» Великий Князь Михаил Александрович после сумбурного обсуждения сам отрекся от престола:

«Тяжелое бремя возложено на Меня волею Брата Моего, передавшего Мне Императорский Всероссийский Престол в годину беспримерной войны и волнений народных.

Одушевленный единою со всем народом мыслию, что выше всего благо Родины нашей, принял Я твердое решение, в том лишь случае воспринять Верховную Власть, если таковая будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, через предста-

⁸² «Около часа акт отречения в двух экземплярах и указы были напечатаны, и Государь подписал их. В слезах, едва смог от волнения скрепить их своей подписью граф Фредерикс. Акты с указами отнесли в вагон генерала Рузского и сдали под расписку депутатам. Вскоре поезд с депутатами отбыл в Петроград, а по телеграфу пошли донесения в ставку и в Петроград и даже был передан по проводу сам акт» (Спиридович А. И. *Великая война и февральская революция 1914—1917. Воспоминания. Мемуары.* Мн., 2004. С. 690—691). «Совершенно понятно, что ни с юридической, ни с моральной, ни с религиозной точки зрения никакого отречения от престола со стороны Царя не было. **События в феврале-марте 1917 года были ничем иным, как свержением Императора Николая II с прародительского престола; незаконное, совершенное преступным путем, против воли и желания Самодержца лишение его власти.** «Мир не слышал ничего подобного этому правонарушению. Ничего иного после этого, кроме большевизма, не могло и не должно было быть» (Мультигули П. В. *Свидетельства о Христе до смерти...* М.-Е., 2008. С. 61).

⁸³ «В два часа ночи „Поезд ЛИТЕРА А“ отбыл из Пскова в Могилев. Перед отъездом Государь передал Воейкову следующую телеграмму: „Его Императорскому Величеству МИХАИЛУ. Петроград. События последних дней вынудили меня решиться бесповоротно на этот крайний шаг. Прости меня, если огорчил тебя и что не успел предупредить. Останусь навсегда верным и преданным братом. Возвращаюсь в Ставку и оттуда через несколько дней надеюсь приехать в Царское Село. Горячо молю Бога помочь тебе и твоей Родине. НИКИ“. Телеграмма была передана из Сиротина» (Спиридович А. И. *Великая война и февральская революция 1914—1917. Воспоминания. Мемуары.* Мн., 2004. С. 692).

вителей своих в Учредительном Собрании, установить образ правления и новые Основные Законы Государства Российского.

Посему призывая благословение Бога, прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему и обремененному всею полнотою власти, впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования, Учредительное Собрание своим решением об образе правления выразит волю народа.

МИХАИЛ 3/III – 1917 Петроград»

Все это произошло в течение всего нескольких часов, и правление Романовых окончилось.

В Ставке бывший Царь быстро попрощался с офицерами, попросив собравшихся вести армию к победе. 8 марта 1917 года Император Николай II отдал свой последний приказ по армии:

«В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от Престола Российского власть передана Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжении двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролито крови, много сделано усилий, и уже близок час, когда Россия, связанная со своими доблестными союзниками одним общим стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы.

Кто думает теперь о мире, кто желает его, тот – изменник Отечества, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит. Исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу великую Родину, повинуйтесь Временному правительству, слушайте ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу.

Твердо верю, что не угасла в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе святой великомученик и победоносец Георгий.

НИКОЛАЙ

8 марта 1917 года.

Ставка.

Подписал: начальник штаба, генерал Алексеев»⁸⁴

Он провел три печальных дня со своей матерью – Вдовствующей Императрицей Марией Федоровной, приехавшей из Киева крайне истощенной. 8/21 марта мать и сын позавтракали вместе и простились. Это было последнее свидание Императора и Марии Федоровны⁸⁵ перед встречей с комиссарами Временного правительства, которые официально его арестовали.

⁸⁴ «Трудно встретить более благородное, более сердечное и великое в своей простоте прощальное слово Царя, который говорит только о счастье оставленного им народа и благополучии Родины. В этом прощальном слове сказала вся душа Государя и весь его чистый образ», – писал генерал Дубенский. [...] «Демократическое» Временное правительство побоялось довести последний приказ Царя до армии. Специальной телеграммой Гучкова на имя Алексеева категорически запрещалось передавать приказ в войска. Алексеев, столь недавно рыдавший при прощании с Государем, немедленно исполнил этот приказ, хотя он не был даже в подчинении военного министра. «До Государя, – пишет Дубенский, – на другой день дошло известие о запрещении распубликовать его прощальное слово войскам, и Его Величество был глубоко опечален и оскорблен этим nepзволительным распоряжением» (Галушкин Н. В. *Собственный Его Императорского Величества конвой*. М., 2004. С. 69—70).

⁸⁵ Вдовствующая Императрица Мария Федоровна прибыла в Киев на свидание со своим Сыном 4 марта 1917 г. В своем дневнике Она записала: «В 12 часов прибыли в Ставку в страшную стужу и ураган. Дорогой Ники встретил меня на станции.

Утром следующего дня автомобиль, приехавший от станции Царского Села, остановился у закрытых ворот Александровского Дворца. Часовой позвонил офицеру, который вышел и закричал с расстояния нескольких ярдов: «Кто там?». «Николай Романов», – крикнул часовой. – «Пропусти его!» С этого момента бывший Император и Самодержец всея Руси осознал себя заключенным. Началась «тихая жизнь».

Горестное свидание! Он открыл мне свое кровоточащее сердце, оба плакали. Бедный Ники рассказал обо всех трагических событиях, случившихся за два дня». Четверо суток Императрица находилась рядом с сыном. Последняя их встреча состоялась 8 марта, затем Вдовствующая Императрица вернулась в Киев, а Николай II должен был следовать в Царское Село. В своих мемуарах Великий Князь Александр Михайлович вспоминал: «Мы завтракали вместе. Ники старается подбодрить свою мать. Он надеется „скоро“ увидеться с нею. [...] Без четверти четыре. Его поезд стоит на путях против нашего. Мы встаем из-за стола. Он осыпает поцелуями лицо матери. Потом поворачивается ко мне, и мы обнимаемся. Он выходит, пересекает платформу и входит в свой салон-вагон [...] Поезд Ники свистит и медленно трогается. Он стоит в широком зеркальном окне своего вагона. Он улыбается и машет рукой. Его лицо бесконечно грустно. Он одет в простую блузу защитного цвета с орденом Святого Георгия на груди. Вдовствующая Императрица, когда поезд Царя скрывается из вида, уже не сдерживает больше рыданий». [...] Вечером того дня Императрица записала в дневнике: «Ужасное прощание! Да поможет ему Бог! Смертельно устала от всего... Все очень грустно!» (Боханов А. Н. *Судьба Императрицы*. М., 2004. С. 306).

Глава VII

Дворец и тюрьма

Записи Гиббса о Цесаревиче продолжались и во время отсутствия Императора. В Царском Селе этой холодной весной произошла вспышка кори, передавшейся, очевидно, от одного из тех юных кадетов, которые приходили играть к Наследнику⁸⁶. Сначала заболели Алексей Николаевич и его старшая сестра Ольга Николаевна, затем Татьяна Николаевна и близкая подруга Императрицы Анна Александровна Вырубова – у обеих был сильный жар. Тем временем Александре Федоровне, на руках у которой было четверо больных, продолжали поступать тревожные вести о бунтах и мятежах Февральской революции в Петрограде. Это с трудом угадывается из типично сдержанных записей Гиббса:

«Суббота, **25 февраля / 10 марта 1917:**

[Царевич] лежал большую часть дня в затемненной комнате и слушал как С. S. G. читал вслух русские сказки. Настроение довольно хорошее. После обеда носили посмотреть на остальных больных.

Воскресенье, **26 февраля / 11 марта 1917:**

День прошел, как и предыдущий. Слушал, как читал вслух Ч. С. Г. Провел день и вечер с остальными больными.

Понедельник, **27 февраля / 12 марта 1917:**

Чувствует себя лучше и сразу после пробуждения был перенесен в комнату к остальным больным.

Вторник, **28 февраля / 13 марта 1917:**

Г-н Ж. [Жильяр] позвонил мне в ночь на понедельник передать, что Ее Императорское Величество сказала, что мне нет необходимости приезжать сегодня (во вторник), так как А. Н. [Алексей Николаевич] проведет весь день с сестрами, у него слишком высокая температура, чтобы делать что-то еще.

Среда, **1/14 марта 1917:**

Пошел проведать А. Н. и нашел, что ему лучше. В игровой комнате. Ее Величество была очень обеспокоена тем, что нет известий от Императора.

⁸⁶ «По отпускным дням осенью и зимой 1916 г., когда Наследник бывал в Царском Селе, к Нему приезжали его могилевские приятели кадеты, братья Макаровы [Женя и Леля], состоявшие уже в 1-м кадетском корпусе. На вокзале их встречал боцман Деревенко и привозил к Наследнику; начинались прогулки и игры. Заметив во время первых свиданий некоторое смущение своих друзей, Наследник сказал, как вспоминает один из этих счастливых-кадетов, «...если мы одни, называть Его «Алешей», если же есть поблизости кто-нибудь из генералов, то «Алексей Николаевич», а в присутствии Папы – «Ваше Высочество». Затем смотрели картины кинематографа, а после обеда Наследник показывал в детской Свои игрушки, играл на балалайке. Тот же кадет вспоминает трогательные подробности об отношении к нему Наследника: «На следующий день, проснувшись, я лежал и думал о прошедшем дне, как вдруг прибегает ко мне Наследник в одной рубашечке, прямо с кровати, и радостно объявляет, чтобы я скорее одевался, потому что едем в церковь...» В начале февраля 1917 года у Наследника опять были в отпуску кадеты. По воспоминаниям дочери лейб-медика Боткина, «в корпусе уже была эпидемия кори, и мальчика, жаловавшегося на недомогание, отпустили в Царское Село; через 10 дней корь появилась среди Царских Детей: 17 февраля, за несколько дней до последнего отъезда Императора, заболели Великая Княжна Ольга Николаевна и Наследник» (Савченко П. *Светлый Отрок*. Нью-Йорк, 1999. С. 17—18). Еще один друг Алексея Николаевича был кадет из Симбирского кадетского училища Василий Агеев. Впервые о нем упоминается в дневнике Цесаревича 22 июля 1916 г. Также одним из любимых товарищей Наследника был Коля – сын лейб-хирурга доктора В. Н. Деревенко.

Четверг, 2/15 марта 1917:

Больной чувствует себя лучше и уже может играть. Строили модели домов и читали вслух. День прошел почти как обычно. Все с беспокойством ожидают новостей. Поезда в Петроград не ходят с самого утра. Спал в моих собственных комнатах.

Пятница, 3/16 марта 1917:

В Петрограде.

Суббота, 4/17 марта 1917:

Ему (Цесаревичу) лучше, но он не в очень хорошем настроении. Ничего не знает о том, что происходит, но все равно чувствует неладное. Метали свинцовые шарик и строили модели домов. День прошел в многочисленных визитах Императрицы и семьи.

Воскресенье, 5/18 марта 1917:

Больной чувствует себя не очень хорошо.

Вторник, 7/20 марта 1917:

Больному лучше, но беспокоят глаза и уши. Утро провел тихо. Находится в классной комнате, так как нет воды и невозможно обогреть игровую комнату. Ланч провел с сестрами, проспал почти всю вторую половину дня и обедал с ними же. После обеда собирал модели домов и играл в домино».

Эта последняя запись была сделана в ночь перед возвращением бывшего Царя. События предыдущих дней безвозвратно разрушили изолированный мир Царского Села. Утром 28 февраля/13 марта метель кружила снег по парку. В расположенном к северу Петрограде воцарился хаос. Хотя председатель Временного комитета Государственной Думы⁸⁷ посоветовал Императрице уехать с детьми как можно быстрее, было маловероятно, что железнодорожные рабочие подадут им поезд. Впрочем, это не имело значения, так как Императрица не собиралась уезжать, а больные были для этого слишком слабы. В тот день возникла опасность взятия Александровского дворца штурмом. Многие мятежные солдаты пошли на приступ Царского Села, чтобы захватить «Немецкую женщину» и ее сына. К счастью, обер-гофмаршал Императорского двора граф Бенкендорф⁸⁸ настоял на своем требовании и получил гарнизон охраны

⁸⁷ Михаил Владимирович Родзянко (1859—1924).

⁸⁸ **Бенкендорф Павел Константинович** (Леопольд Иоганн Стефан; 1853—1921), граф, из рода графов Бенкендорфов. Сын генерал-адъютанта графа Константина Константиновича Бенкендорфа (1817—1858) и Луизы Филипповны (ур. княжны де Круи). Приходился племянником шефу жандармов графу А. Х. Бенкендорфу. Принадлежал к ближайшему окружению Царской Семьи. Получив блестящее домашнее образование, в 1871 г. был определен на службу в Лейб-Гвардии Конный полк, в 1872 г. получил чин корнета. В качестве ординарца главнокомандующего действующей армии Великого Князя Николая Николаевича (старшего) участвовал в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. В 1878 г. пожалован во флигель-адъютанты к Е. И. В. В июне 1893 г. произведен в полковники и назначен исполняющим должность гофмаршала Высочайшего Двора, а в октябре того же года утвержден в должности. С 1896 г. – Свиты Е. И. В. генерал-майор. В 1905 г. назначен генерал-адъютантом. В 1907 г. произведен в генерал-лейтенанты. В 1912 г. получил чин генерала от кавалерии и назначен обер-гофмаршалом Высочайшего Двора. Заведовал гофмаршальской частью Министерства Императорского Двора и Уделов. В 1916 г. назначен неприсутствующим членом Государственного совета. Будучи католиком, состоял ктиторм римско-католической Мальтийской церкви в здании Пажеского корпуса в Санкт-Петербурге. Кавалер ряда высших российских орденов. Состоял в браке с кавалерственной дамой, бывшей фрейлиной княгиней Марией Сергеевной Долгоруковой (1846—1936). Его брат – Александр Константинович Бенкендорф (1849—1916), гофмейстер, посланник в Копенгагене (1897—1902), чрезвычайный и полномочный посол в Англии (1903—1916). По свидетельству генерал-лейтенанта А. А. Мосолова, «Государь и Императрица относились к нему с большим доверием и дружбой. Все бывшие в России высочайшие особы и главы государств хорошо знали и ценили нашего гофмаршала. Бенкендорф не последовал с Государем в изгнание, как этого хотел, лишь по совершенно расстроенному здоровью. Большевики его долго не выпускали из России» (**Мосолов А. А.** *При Дворе последнего Российского Императора*. М., 1993. С. 109). Выехал в Эстонию, скончался в январе 1921 г. в г. Нарве в маленьком госпитале на эстонской границе, подхватив простуду во время бегства из России. Граф не владел английским языком, но в совершенстве знал французский. Оставил воспоминания, которые сначала печатались на французском языке в парижском журнале «Revue de Deux Mondes» (1927—1928), а затем вышли отдельным изданием: **Benckendorff P.** *Last Days at Tsarskoe Selo*. London, 1927.

из 1500 человек. В 9 часов приблизительно в четверти мили от Екатерининского дворца прогремели выстрелы, но затем все стихло. Ночью произошла перестрелка, но мятежники отступили, так как до них дошли преувеличенные слухи о многочисленной охране дворца.

«Кто это стреляет?» – спрашивали больные дети, находясь в жилой половине Дворца. На это им дали краткое объяснение – «маневры».

На следующий день Императрица, пребывавшая в беспокойном ожидании, узнала, что императорский поезд задерживается. Это произошло в тот момент, когда Император повернул поезд на запад к Пскову, и шквал телеграмм, адресованных ему, оставался без ответа. 2/15 марта, в то самое время как Царь в императорском поезде, отведенном на заснеженный запасной путь, готовился подписать отречение, Царское Село оказалось в бедственном положении. Дворцовая стража дезертировала, слуг оставалось мало, здание дворца стояло без электричества и водопроводной воды (хотя воду можно было брать из покрытого льдом пруда), и даже Великие Княжны Ольга Николаевна и Анастасия Николаевна, менее восприимчивые к болезням, были чрезмерно бледны и молчаливы. Вечер прошедшего дня стал самой серьезной проверкой на прочность, самым тяжелым испытанием из всех. 3/16 марта, дядя Царя, Великий Князь Павел Александрович, прибыл с вестью об отречении Императора и отказе Великого Князя Михаила Александровича от трона. Крайне опечаленная Императрица сильно ослабла. Тем не менее Пьер Жильяр отметил, что она заставила себя, как обычно, навестить детей, и они ни о чем не догадались.

Гиббс в ту пятницу был в Петрограде. На следующее утро ему стало ясно, что Алексей чувствует гнет событий, которые никто не мог объяснить ему без разрешения Императрицы. Государыня Александра Федоровна, часто в слезах, сортировала свои личные бумаги. До этого часа поддерживаемая надеждой и молитвами, всегда помогавшими ей справиться со страхами, Императрица до конца не верила, что Император может лишиться трона. Она также не понимала, что близость Распутина ко двору лишь усиливала ее непопулярность. Гиббс, веривший в пророчества и предсказания, был очень впечатлен историей, рассказанной баронессой Буксгевден⁸⁹ полтора года спустя. В декабре 1916 года в качестве личной фрейлины она сопровождала царствующую Императрицу в ее последнее путешествие:

⁸⁹ **Буксгевден Софья Карловна** (1883—1956), родилась в Санкт-Петербурге, дочь российского посланника в Дании барона Карла Карловича Буксгевдена (1856—1935) и дворянки Людмилы Петровны Осокиной (1858—1917). Вдовствующая Императрица Мария Федоровна назначила ее фрейлиной летом 1902 г. В ноябре 1902 г. Людмила Петровна и ее дочь были представлены Марии Федоровне в Аничковом дворце, а затем Государыне Александре Федоровне и Императору Николаю II в Царском Селе. В ноябре 1904 г. была впервые приглашена на дежурство в Александровский дворец. Первый период службы продолжался шесть недель. После этого она уехала в Данию к своему отцу помогать на различных служебных мероприятиях и не состояла на службе вплоть до лета 1911 г., когда ее пригласили поучаствовать в круизе на императорской яхте «Штандарт» в финских водах. В марте 1912 г. Государыня попросила баронессу приехать во вновь отстроенный Ливадийский дворец на два месяца с пребыванием на ее половине. В ноябре 1913 г. в знак доверия и особого почета она была официально принята в штат личных фрейлин Императрицы вместо ушедшей с этого поста Лили Оболенской. Получила шифр фрейлины (бриллиантовую брошь «А») лично от Императрицы Александры Федоровны. Тогда же она вошла в группу личных фрейлин вместе с Анастасией Гендриковой, Соней Орбелиани и Ольгой Бюцовой. После февральского переворота находилась под арестом вместе с Царской Семьей в Александровском дворце. Добровольно последовала за августейшими узниками в ссылку в Тобольск. «Фрейлина баронесса С. К. Буксгевден приехала в Тобольск незадолго до Рождества со старушкой англичанкой (Miss Mather), другом детства ее матери. Она задержалась в Петрограде из-за операции аппендицита и, как только поправилась, добилась от Керенского разрешения присоединиться к Царской Семье. Однако Солдатский комитет Отряда особого назначения, от которого фактически зависела вся жизнь Царственных узников, не допустил ее к Царской Семье и даже потребовал ее удаления из Корниловского дома, где была размещена свита» (**Алферьев Е. Е.** *Письма Святых Царственных Мучеников из заточения*. СПб., 1998. С. 179). Сопровождала царских детей в Екатеринбург, где была с ними разлучена и отправлена в Тюмень. Позже баронесса Буксгевден и пожилая англичанка были вынуждены снять квартиру в городе и жили там на средства от преподавания английского языка частным лицам. После убийства Царской Семьи решила присоединиться к Вдовствующей Императрице Марии Федоровне. На поезде Британской военной миссии добралась до Владивостока и в феврале 1919 г. покинула Россию. Через Японию и Соединенные Штаты добралась до Лондона. Встретившись в Дании со своим отцом и Императрицей Марией Федоровной, переехала снова в Англию, где была назначена неофициальной фрейлиной при маркизе Милфорд Хэвен (принцессе Виктории Баттенбергской), старшей сестре Императрицы Александры Федоровны. После ее смерти в 1950 г. стала близким другом и доверенным лицом ее сына Людвига (1900—1979), лорда Маунтбеттена. Прожила

«... Императрица поехала в Новгород, который очень хотела посетить, поскольку в городе было множество красивых древних церквей. Однако времени на это не хватало, так как планировались только визиты в госпитали. В поездке по городу Ее сопровождал губернатор, а дворянство устроило в Ее честь большой чайный прием, но членам свиты было видно, что Императрицу приветствуют без теплоты и радушия, хотя сама Александра Федоровна этого не заметила. Она смогла увидеть сокровища старых церквей и собор, а с Дочерьми и князем Иоанном Константиновичем посетила весьма почитаемую в городе старицу, которой было больше ста лет. Старица приветствовала Ее словами: „Вот мученица Императрица Александра“. Ее Величество, казалось, не расслышала этих слов. Она получила благословение старицы и ушла, ободренная и утешенная; но те, кто был с Ней, вернулись подавленными и напуганными, поскольку увидели в этом предзнаменование» (**Буксгевден С. К.** *Жизнь и трагедия Александры Федоровны Императрицы России*. Т. I, М. 2012, стр. 233—234).

По мнению Гиббса, с тревогой наблюдавшего за Александрой Федоровной, причина непопулярности Императрицы была совсем иной. Приехав в принявшую ее страну, она стала более православной, чем сами православные в России. Но одного качества ей не хватало:

«... Думаю, что это явление может быть объяснено как полное отсутствие у Императрицы чувства «театральности». Театральный инстинкт врос в русскую натуру. Иногда кажется, что русские скорее играют свои жизни, чем проживают их. Это было совершенно чуждо манере мышления Императрицы, которую Она приобрела благодаря воспитанию Ее любимой бабушки королевы Виктории. Она осталась без матери в возрасте шести лет, и королева Виктория заняла место Ее любимой матери, насколько расстояние и обстоятельства позволяли ей. Они находились в постоянной переписке, которая продолжалась и после замужества Императрицы, фактически до смерти старой королевы в 1901 году.

[...] ... Таким образом, совершенно не удивительно, что образовалась фундаментальная разница между характером молодой Императрицы России и теми миллионами подданных, что и послужило основой этого отчуждения, которое было замечено всеми, кто писал на эту тему. Императрица и сама знала об этом, не подозревая об истинных причинах. Она скорее приписывала это своей застенчивости, о которой так сожалела, но не могла преодолеть. Чтобы найти истинную причину, нужно было искать глубже. Но возможно, это тоже послужило той ужасной помехой. [...] Свидетельства об Императрице, даже краткие, будут не полными без упоминания о Ее благочестии и набожности. Эти качества были присущи Ей с детства, и переход в Православную Церковь послужил усилению всех Ее религиозных инстинктов. Как было замечено, Она всегда стремилась к простой жизни и всем сердцем стала православной. Доктрины Православия стали ведущими в Ее жизни [Русская Православная Церковь была тогда в зените]. Будучи преданной Православию, Императрица, до самой своей смерти, скрупулезно соблюдала посты и праздники Святой Церкви. Перед всеми важными событиями Она и Ее муж исповедовались и причащались. Она регулярно и неизменно делала это перед всеми важными событиями в своей жизни – я думаю, в этом всегда поддерживал Ее муж. В тоже время я должен добавить, что Она вела себя без всякого фанатизма и с величайшей умеренностью».

Гиббс никогда не относился к рассказам о Распутине слишком серьезно. Он считал его умным, хитрым и добродушным мужиком, который, несомненно, не посещал дворец так часто,

в Лондоне в доме, где жили разные члены английской королевской семьи, расположенном через дорогу от парка Кенсингтон, в пяти минутах ходьбы от Кенсингтонского дворца. Скончалась в Лондоне в госпитале принцессы Беатрис 26 ноября 1956 г. Похоронена на кладбище Олд Бромптон. Написала три книги воспоминаний: *Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России*. Лондон, 1928; *Минувшее. Четырнадцать месяцев в Сибири во время революции: декабрь 1917 – февраль 1919*. Лондон, 1929; *Перед бурей*. Лондон, 1938. Полностью изданы в России в 2012 г.

как это утверждали злые языки. Императрице теперь предстояло выполнить то, что позже в разговоре с Гиббсом она назвала самой трудной задачей в своей жизни. Александра Федоровна сожгла в камине своей гостиной все письма от королевы Виктории (и ее собственные письма, присланные из Виндзора после смерти королевы), чтобы недоброжелатели не смогли их прочесть. Также она уничтожила часть своих дневников и большую часть корреспонденции. 8/21 марта, одетая, как обычно, в форму сестры милосердия, она приняла генерала Л. Г. Корнилова, который только что был назначен новым комендантом Петрограда. Он спокойно объяснил, что должен ее арестовать для ее же собственной безопасности, и что бывший Император присоединится к ней уже на следующий день. Поскольку дети уже поправились, Временное правительство сможет выслать Царскую Семью в Мурманск (единственный незамерзающий в течение всего года порт на арктическом побережье России). Оттуда британский крейсер сможет забрать их в Англию. Императрица выслушала это с облегчением. «Поступайте как считаете должным, – сказала она. – Я в вашем распоряжении». Затем некоторые члены свиты Императорского Двора, которые решили остаться⁹⁰, были формально помещены под домашний арест. Все входы во дворец были опечатаны, кроме главного подъезда и двери в кухню. А новая партия революционных солдат из 1-го стрелкового полка была приписана к дворцовой страже. Императрице также надо было сообщить новости своей семье. Дочерям она сказала сама: Татьяна Николаевна, у которой (как и у Анастасии Николаевны) был тяжелый абсцесс уха, была временно глухой, и детали ей надо было писать. Пьер Жильяр вспоминал:

«Утром 8/21 марта, 10 1/4 часов Ее Величество призвала меня и сказала, что генерал Корнилов пришел сообщить Ей от имени Временного правительства, что Император и Она арестованы, и те, кто не желает разделять с ним заключение, должны оставить дворец до 4 часов дня.

– Император приезжает завтра, необходимо предупредить Алексея, ему нужно сказать все... Не сделаете ли Вы это? Я пойду сообщить дочерям, – сказала Императрица. Видно было, как она страдала от одной мысли вызвать у больных Великих Княжон волнение, объявляя им об отречении их Отца от престола, – волнение, которое могло ухудшить состояние их здоровья.

Я вошел к Алексею Николаевичу и сказал ему, что завтра Император возвращается из Могилева и более туда не поедет.

– Почему?

– Потому что ваш Отец не хочет быть более Верховным Главнокомандующим.

Наследник очень любил ездить в Ставку, и это известие сильно огорчило его. Через некоторое время я прибавил:

– Вы знаете, Алексей Николаевич, ваш Отец не хочет быть более Императором.

Он посмотрел на меня удивленно, желая прочесть на моем лице, что же произошло.

– Как? Почему?

⁹⁰ Из воспоминаний графа П. К. Бенкендорфа: «Вот наш состав: Мадам Нарышкина, моя жена, баронесса Буксгевден (Иза), графиня Гендрикова (Настенька), мадмуазель Шнейдер, доктора Боткин и Деревенко, месье Жильяр, граф Апраксин, покинувший нас через неделю и я. На следующий день вместе с Императором прибыл мой пасынок, князь В. А. Долгоруков (Валя). Мы ожидали также Кирилла Анатольевича Нарышкина – начальника канцелярии главной квартиры Его Величества, графа Александра Граббе – командира конвоя Собственного Его Императорского Величества и полковника Мордвинова – флигель-адъютанта Его Императорского Величества. Они не появились. Жили еще во дворце г-жа Вырубова, которая была больна, и г-жа Ден, в апартаментах, но отдельно от нас» (**Benckendorff P.** *Last Days at Tsarskoe Selo*. London, 1927. P. 36). Интересно отметить, что в дневнике протоиерея А. И. Беляева, настоятеля Федоровского собора в Царском Селе, приехавшего в Александровский дворец 27 марта 1917 г. для совершения богослужений в дворцовой церкви на Страстной неделе и в первые два дня Пасхи, есть упоминание, что среди присутствующих на службе находилась гр. Долгорукова (ур. Шувалова) Ольга Петровна (1848—1927) – статс-дама с портретом Ее Величества, кавалерственная дама ордена св. Екатерины, старшая дочь гр. Петра Павловича Шувалова (1819—1900) и Софьи Львовны (ур. Нарышкиной) (1829—1894). Была замужем за князем Александром Сергеевичем Долгоруковым (1841—1912). Его отец – родной брат Марии Сергеевны (ур. Долгоруковой) фон Бенкендорф (1847—1936), которая состояла во втором браке с гр. П. К. Бенкендорфом (1853—1921).

– Потому что он очень устал, и последнее время у него было много различных затруднений.

– Ах, да! Мама мне говорила, что Его поезд был задержан, когда Он хотел ехать сюда. Но потом папа опять будет Императором?

Тогда я ему объяснил, что Император отказался от престола в пользу Великого Князя Михаила, который также, в свою очередь, отказался.

– Но тогда кто же будет Императором?

– Я не знаю, пока никто...

Ни одного слова относительно Себя, ни одного намека на Свои права Наследника престола. Он раскраснелся и был очень взволнован. После нескольких минут молчания Он сказал мне:

– Но, однако, если не будет более Императора, то кто же будет управлять Россией?

Я пояснил ему, что образовалось Временное правительство, которое будет заниматься делами государства до созыва Учредительного собрания, и тогда, может быть, Его дядя Михаил вступит на престол» (**Жильяр П.** *Трагическая судьба Николая II и Царской Семьи / Петергоф, сентябрь 1905 г. — Екатеринбург, май 1918 г.* М., 1992. С. 123—124).

В ту ночь снег вокруг дворца блестел в ярком лунном свете. На следующий день, после волнительной встречи с Александрой Федоровной, бывший Император, теперь просто «Николай Романов», немедленно отправился навестить выздоравливающих детей. Поправлялись все, кроме Великой Княжны Марии, которая заболела пневмонией. Некоторое время спустя, когда солдаты не позволили ему свободно прогуляться в парке, Николай Александрович осознал все унижение домашнего ареста. «Вернитесь назад, когда Вам приказывают, господин полковник», – говорили они. Однажды вечером приехали солдаты на броневиках и безапелляционно потребовали – в силу резолюции Петроградского совета – чтобы бывшего Царя поместили в тюремную камеру Петропавловской крепости. Их остановили. Но на этом все не закончилось. Как-то на рассвете другие солдаты выкопали тело Распутина из маленькой часовни в парке и сожгли его.

Пьер Жильяр оставил воспоминание об одной из самых странных и драматичных историй. 21 марта/3 апреля Керенский (в синей наглухо застегнутой рубашке без воротника) прибыл во дворец на автомобиле, принадлежавшем Императору. На следующий день Жильяр записал в своем дневнике:

«Среда, 4 апреля. Алексей Николаевич передал мне разговор, происходивший вчера между Керенским и Императором с Императрицей.

Все Семейство собралось в комнатах Великих Княжон. Входит Керенский и, представляясь, говорит: «Я генерал-прокурор Керенский». Затем он пожимает всем руки и, повернувшись к Императрице, говорит: «Английская королева⁹¹ просит известий о бывшей Императрице!»

Ее Величество сильно покраснела, видя в первый раз такое к себе обращение. Она отвечает, что чувствует себя неплохо, но страдает, как обыкновенно, от сердца» (**Жильяр П.** *Трагическая судьба Николая II и Царской Семьи / Петергоф, сентябрь 1905 г. — Екатеринбург, май 1918 г.* М., 1992. С. 128).

Позже Император рассказывал Гиббсу, «... что Керенский очень нервничал, когда бывал с Государем. Его нервозность однажды дошла до того, что он схватил со стены нож слоновой кости для разрезывания книг и так его стал вертеть, что Государь побоялся, что он его сломает, и взял его из рук Керенского. Государь мне рассказывал, что Керенский думал про Госу-

⁹¹ Имеется в виду королева Великобритании Виктория Мария Текская (1867—1953), супруга короля Георга V.

даря, что Он хочет заключить мирный сепаратный договор с Германией, и об этом с Государем говорил. Государь это отрицал, и Керенский сердился и нервничал. Производил ли Керенский у Государя обыск, я не знаю. Но Государь говорил мне, что Керенский думал, что у Государя есть такие бумаги, из которых было бы видно, что Он хочет заключить мир с Германией. Я знаю Государя и я понимал и видел, что, когда Он рассказывал, у Него в душе было чувство презрения к Керенскому за то, что Керенский смел так думать» (*Российский архив VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг. М., 1998. С.104*).

Глава VIII Не впускать

Среди членов Императорского Двора, решивших остаться во дворце, —далеко не все решились на это – были подруги Императрицы Александры Федоровны: Анна Александровна Вырубова и Лили Ден. Обе были арестованы по приказу Керенского и высланы в Петроград. Во дворце также остались генерал-адъютант, обер-гофмаршал Высочайшего Двора граф Бенкендорф и его больная жена⁹²; пасынок графа Бенкендорфа князь Василий Долгоруков⁹³ – единственный член царской свиты, кто по прибытии из Могилева поехал с Императором в Царское Село; баронесса Буксгевден и графиня Гендрикова⁹⁴ – фрейлины; учитель французского языка месье Жильяр; гоф-лектриса при дворе Императрицы Александры Федоровны госпожа Екатерина Шнейдер⁹⁵ и доктора Деревенко и Боткин. К несчастью, в тот день, когда вернулся

⁹² **Бенкендорф Мария Сергеевна** (1847—1936), графиня, ур. княгиня Долгорукова. Дочь главноуправляющего Собственной Е. В. канцелярией, члена Государственного Совета, действительного тайного советника князя Сергея Алексеевича Долгорукова (1809—1891) и Марии Александровны (ур. графини Апраксиной; 1816—1892). Сестра князя Александра Сергеевича Долгорукова. Первым браком замужем за князем Александром Васильевичем Долгоруковым (1839—1876), флигель-адъютантом, гвардии полковником, который был убит на дуэли. Их дети: Александра (1866—1919) – была расстреляна в Москве в сентябре 1919 г., замужем не была; Василий – генерал-майор Свиты Е. И. В., состоявший в должности гофмаршала. После отречения Императора сопровождал в ссылку Царскую Семью и был расстрелян в Екатеринбурге 27.6 / 10.7.1918 г. Вторым браком (29.09.1897 г., Петербург) – за графом Павлом Константиновичем фон Бенкендорфом (1853—1921). После революции – в эмиграции. Скончалась в Ницце. Похоронена на русском кладбище Кокад (деп. Приморские Альпы, Франция).

⁹³ **Долгоруков Василий Александрович** – «Валя» – (1868—1918), из древнего княжеского рода. Сын полковника, флигель-адъютанта, князя Александра Васильевича Долгорукова (1839—1876) от брака с княжной Марией Сергеевной Долгоруковой (1846—1936). Закончил Пажеский корпус. С 1890 г. служил в лейб-гвардии Конно-гренадерском, затем в Кавалергардском полку. В марте 1896 г. пожалован во флигель-адъютанты к Е. И. В. С 1912 г. – командир Лейб-Гвардии Конно-гренадерского полка. В том же году произведен в генерал-майоры и зачислен в Свиту Е. И. В. С июля 1914 г. состоял в должности гофмаршала Высочайшего Двора. Приемный сын обер-гофмаршала графа П. К. Бенкендорфа. По свидетельству современников, он «был бесконечно предан Государю. Его честность и порядочность во всех отношениях были вне всяких сомнений» (**Буксгевден С. К.** *Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России*. Т. II. М., 2012. С. 302). Добровольно сопровождал Государя в Тобольск. В ссылке был одним из доверенных людей Императора, хранил общие деньги. Сопровождал Государя, Государыню и Великую Княжну Марию Николаевну в Екатеринбург, где в день прибытия туда царских узников, 30 апреля 1918 г. (н. ст.), у входа в Ипатьевский дом был без всяких объяснений посажен в тюрьму и 27 июня / 10 июля 1918 г. расстрелян. Тело его впоследствии было найдено за Ивановским кладбищем, располагавшимся рядом с екатеринбургским тюремным замком. Канонизирован в 1981 г. Русской Православной Церковью Заграницей как святой мученик Василий.

⁹⁴ **Гендрикова Анастасия Васильевна** (1888—1918), графиня, личная фрейлина Государыни Императрицы Александры Федоровны. Дочь графа Василия Александровича Гендрикова (1857—1912), церемониймейстера Двора (1889), гофмейстера (1896), состоявшего при Императрице Александре Федоровне, обер-церемониймейстера (1900), и графини Софьи Петровны (ур. княжны Гагаариной; 1859—1916). В 1910 г. назначена фрейлиной Императрицы Александры Федоровны. Была одной из самых близких к Государыне особ. Добровольно осталась под арестом в Александровском дворце. Отбыла с Царской Семьей в Тобольск, где преподавала царским детям историю. Сопровождала царских детей при переезде из Тобольска в Екатеринбург, где сразу же по прибытии, 23 мая 1918 г., на вокзале была разлучена с царственными узниками и заключена в тюрьму, в больничную камеру. 20 июля (н. ст.) переведена в Пермь, где тайно в ночь на 23 августа / 5 сентября 1918 г. вместе с гоф-лектрисой Е. А. Шнейдер и группой заложников из 10 человек была зверски убита на ассенизационном поле за городом. Тело ее, совершенно не разложившееся, было найдено белогвардейцами 2 мая 1919 г. (н. ст.) и погребено 16 мая по православному обряду в деревянном склепе на Ново-Смоленском кладбище в Перми. Канонизирована в 1981 г. Русской Православной Церковью Заграницей как святая мученица Анастасия.

⁹⁵ **Шнейдер Екатерина Адольфовна** – «Трина» – (1856—1918), родом из Прибалтики. После помолвки обучала процессу Аликс русскому языку. В 1905 г. получила титул гоф-лектрисы (чтицы двора – читала Императрице). В последние годы выступала в роли гувернантки у двух младших Великих Княжон, преподавала Цесаревичу и младшим Великим Княжнам русскую грамматику и математику. Из воспоминаний генерала А. А. Мосолова: «Постепенно главный надзор за детьми перешел к Е. А. Шнейдер. Последняя приходилась племянницей лейб-хирургу Г. И. Гиршу (1828—1907). Она состояла учительницей Великой Княгини Елизаветы Федоровны с прибытия Ее Высочества в Россию. Долгое время Шнейдер жила при Дворе без всякого официального положения. Затем граф Фредерик создал для нее должность гоф-лектрисы, считая неудобным сопровождение ею всюду Великих Княжон без какого-либо придворного звания. Екатерина Адольфовна была удивительно предана как Государыне, так и Детям. [...] Она была очень культурна, исключительно скромна и очень работоспособна. Императрице она служила и секретарем, и гардеробмейстершей. Все покупалось и заказывалось через ее посредство. [...] Если кого из кня-

Император, у Гиббса был выходной, и он находился в Петрограде. Дворец сразу закрыли и взяли под охрану. Затем он перешел на тюремное положение. У Гиббса не было возможности пройти к Царской Семье. Оказавшись в затруднительном положении, он обратился к британскому послу. Сэр Джордж Бьюкенен сразу же написал министру председателю⁹⁶ письмо, в котором просил позволить Гиббсу вернуться к работе. Просьба была отклонена. Затем письмо сэра Бьюкенена отослали обратно в посольство – в нем содержался отказ, подписанный пятью министрами. Гиббсу только оставалось с нетерпением дожидаться удобного случая. Но он так и не представился. Сам он ничего не смог добиться от революционного правительства. Разочарованный, он сдался⁹⁷.

В течение последующих пяти месяцев Гиббс получал новости о Царской Семье только из вторых рук. Он узнал, что новые солдаты охраны обращаются с членами семьи значительно хуже прежних, и даже матрос Деревенко, более десяти лет бывший дядькой Цесаревича, унизил, а затем покинул его. Гиббсу сообщили, что Император, ставший непривычно молчаливым, днем убирает снег, пилит дрова или играет с детьми, а вечером читает им вслух. Англичанин узнавал не только о визитах Керенского и наведении правительством справок о якобы изменнической и прогерманской деятельности Александры Федоровны, но и о многом другом:

жон надо было куда-нибудь сопровождать, делала это всегда Екатерина Адольфовна. При этом фрейлен Шнейдер отличалась очень ровным характером и удивительной добротой» (**Мосолов А. А.** *При Дворе последнего Российского Императора*. М., 1993. С. 58). Добровольно последовала с Их Величествами в ссылку в Тобольск и Екатеринбург. Там она была разлучена с Императорской Семьей и посажена в тюрьму. Потом 20 июля 1918 г. ее перевели в пермскую тюрьму вместе с фрейлиной Императрицы графиней А. В. Гендриковой. В ночь на 23 августа / 5 сентября 1918 г. обе были убиты большевиками в составе 10 заложников «Красного террора» на ассенизационном поле. Их тела были найдены белогвардейцами 2 мая 1919 г. и погребены 16 мая по православному обряду в деревянном склепе на Ново-Смоленском кладбище в Перми. По вероисповеданию была лютеранкой. Канонизирована 1 ноября 1981 г. Русской Православной Церковью Заграницей как святая мученица Екатерина.

⁹⁶ Имеется в виду князь Георгий Евгеньевич Львов (1861—1925), занимавший пост премьер-министра председателя Временного правительства со 2 марта по 7 июля 1917 г.

⁹⁷ «Во время болезни его учеников Гиббс ночевал в Александровском дворце, чтобы в любое время оказаться под рукой в случае необходимости. [...] Императрица настояла, чтобы на следующий день Гиббс взял себе выходной, поэтому в четверг вечером он отправился в Екатерининский дворец и снова спал в собственных апартаментах. Поездов в тот день не было, но рано утром на следующий день он отправился на вокзал и увидел, что формируется состав. Он сел в вагон, все время думая о том, как и когда сумеет вернуться назад. Приехав в Петроград, он увидел улицы, усыпанные мусором, и сторевшие дома. Попав в свою квартиру, он убедился, что все на месте, и захватил с собой несколько книг. Затем отправился в свое новое детище – школу Притчарда, где провел несколько часов, расспрашивая, что там достигнуто и каковы перспективы» (**Бенаг К.** *Англичанин при Царском Дворе*. СПб., 2006. С. 126—127). Гиббс осуществлял связь между Петроградом, Императрицей и близкими ей людьми, находившимися тогда в Александровском дворце. Он «...видел обеих дочерей и тяжело больную жену графа Фредерикса, министра Императорского Двора и уделов, в тесной комнате офицерского госпиталя, поскольку их квартира совершенно уничтожена огнем. Никто из членов Императорской Фамилии не осмеливался выйти на улицу, поскольку улицы, а также и трамваи, были в руках революционеров, но Сиг* мог передвигаться по городу; он доставлял вести и выполнял различные поручения. Одно из них заключалось в том, что он отправился домой к Лили Ден, чтобы навестить ее семилетнего сына Тити, который был болен, и привезти даме свежую одежду» (*Там же*. С. 130). Наставник Цесаревича совершил еще одну поездку в столицу. Это произошло 8 марта 1917 г. Вернувшись в тот день из Петрограда, он не был уже допущен во дворец в связи с арестом Государыни. Но он не был намерен отказываться от выполнения своего долга. «Прежде всего он решил искать помощи у британского посла сэра Джорджа Бьюкенена, который сочувственно выслушал его и тотчас отправил письмо главе Временного правительства с просьбой разрешить Гиббсу вернуться к его обязанностям. Прошло несколько недель, прежде чем был получен отрицательный ответ за подписью „пяти государственных комиссаров“. Было послано второе письмо; Бьюкенен советовал набраться терпения, обещая использовать свои полномочия, чтобы предпринять все, что в его силах. Со своей стороны, Гиббс стал обращаться во все революционные органы, какие только можно, но безуспешно. * Сокращенное имя Сиднея Гиббса. Он также сразу же написал экс-Императрице о том, что предпринимает попытки вернуться к своим обязанностям. Переписка была разрешена, хотя вся корреспонденция, как отправляемая из дворца, так и приходящая, просматривалась дворцовым комендантом, который довольно скоро стал жаловаться на чересчур большое количество писем. Гиббс поддерживал связь со своими учениками и теми служащими, которые остались с Царской Семьей. Его коллега, Пьер Жильяр, которому не позволили покидать дворец, часто обращался к Гиббсу с просьбой выполнить те или иные поручения в городе – что-то купить, посетить банк или выступить в качестве делового представителя. Цензура запретила наставникам обмениваться важной информацией, хотя вполне возможно, что они выработали какой-то код» (*Там же*. С. 133—134).

создании огорода на лужайке парка, изъятии солдатами игрушечного ружья наследника, которое полковник Кобылинский⁹⁸, комендант гарнизона, а позднее и дворца, любезно вернул.

Полковник Кобылинский, благородный и великодушный человек, охранял Царскую Семью, не вторгаясь в ее жизнь, и без того полную ограничений. Телефонные линии были обрезаны, входящие и исходящие письма прочитывались⁹⁹.

⁹⁸ **Кобылинский Евгений Степанович** (1875—1927), полковник Лейб-Гвардии Петроградского полка. Родился в Киеве в дворянской семье. Окончил кадетский корпус и военное училище. Участник Первой мировой войны. На фронте в 1915 г. был ранен под Лодзью, после лечения в Царскосельском лазарете вернулся на фронт. Контужен в сражении под Старой Гутой. Из госпиталя вновь возвратился на позиции. После осложнений по здоровью остался в тылу. До сентября 1916 г. находился в Царскосельском лазарете. Переведен в запасной батальон Сводного полка. С конца 1916 г. состоял при генерале Корнилове, пользовался его личным доверием. В марте 1917 г. – начальник царскосельского караула, в мае 1917 г. был назначен комендантом царскосельских дворцов для обеспечения безопасности Романовых. С 1 августа – командир Отряда особого назначения по охране Царской Семьи в Тобольске и одновременно – до 2 мая 1918 г. – комендант губернаторского дома, где содержалась под стражей Царская Семья. Последний друг Государя. «Евгений Степанович Кобылинский – гвардейский офицер. Принимая участие в войне с немцами, в одном из боев был жестоко ранен и лишь благодаря умелому лечению остался жив. Ни к каким политическим партиям он никогда не принадлежал и не стремился примыкать, он просто был человек в лучшем смысле этого слова. Благородный и честный по природе, воспитанный и развитой, он всюду проявлял такт и достоинство с людьми; трудолюбивый и бескорыстный, он завоевывал к себе доверие и уважение» (**Панкратов В. С.** *С Царем в Тобольске*. М., 1990. С. 17—18). Штабс-капитан П. П. Булыгин так пишет о нем в своих воспоминаниях: «Преемником Коровиченко в Александровском дворце был мой сослуживец по Лейб-Гвардии Петроградскому полку полковник Е. С. Кобылинский – офицер старой школы, человек искренне преданный своему Монарху. Принял он на себя это тяжелое и неблагоприятное назначение только потому, что не мог найти лучшего способа быть полезным своему Государю в то смутное время. Но многие неправильно истолковали его позицию. Мы с ним крепко подружились во время беспорядков в нашем полку. Вновь, после долгой разлуки, мы встретились в Омске в 1919 г. Евгений Степанович рассказал мне с большой горечью о травле, которой он подвергался, особенно со стороны друзей и сторонников не поладившего с ним генерала Дитерихса. „Они называют меня царским тюремщиком, – говорил Евгений Степанович. – А я пожертвовал Государю самое дорогое, что имел, – свою честь... Что я мог сделать один? Где были Вы?“ Он был прав: где были Мы? В 1917 г. в Крыму Вдовствующая Императрица Мария Федоровна показала мне письмо от Царя из Тобольска: „Е. С. – мой последний друг...“ – писал Государь. Позже следователь Соколов передал старшему офицеру нашего полка за рубежом официальный документ, реабилитирующий полковника Кобылинского от всех клеветнических нападок на него со стороны людей, предпочитающих критику действиям» (**Булыгин П.** *Убийство Романовых*. М., 2000. С. 48). В декабре 1918 г. ушел в Белую армию. Женится на Клавдии Михайловне Битнер (1878—1937), которая преподавала в Тобольске русский язык, литературу и математику для царских детей. Служил в штабе адмирала Колчака по интендантской части. В апреле 1919 г. давал показания в качестве свидетеля следователю Н. А. Соколову по делу об убийстве Царской Семьи. С Белой армией идет до конца: его служба у белогвардейцев завершается в декабре 1919 г. на станции Минино возле Красноярска. В том же декабре попадает в Чрезвычайную комиссию. Его регистрируют и отпускают. Однако вскоре его задерживают как белого офицера. С декабря 1919 г. по сентябрь 1920 г. сидит в концлагерях, потом попадает на службу в Красную армию. Служит сначала делопроизводителем, потом старшим делопроизводителем, наконец, казначеем в 5-й Армии. В июле 1921 г. демобилизован и с группой 200 бывших офицеров направлен на жительство на Волгу, в город Рыбинск. Там же как бывший офицер взят на учет в ГПУ. Проживал в Рыбинске с женой К. М. Битнер и сыном Иннокентием. Работает статистиком в рыбинском губернском статистическом бюро. В 1926 г. снят с учета в ГПУ. Получает возможность ездить по стране. В конце декабря 1926 г. посещает Ленинград. В середине 1920-х гг. власти начинают разыскивать царские ценности. Бывшая личная служанка гр. Гендриковой Паулина Межанц на допросе в Тобольске показывает, что драгоценности бывшего Государя могут быть у Кобылинского. Из Тобольска в Рыбинское ГПУ приходит запрос, к которому приложены выписки из книги учителя Царской Семьи Пьера Жильера, где он пишет, что Кобылинский был «лучшим другом» Императора. ГПУ предполагает, что он может знать место сокрытия царских драгоценностей. Рыбинское ГПУ инспирирует «монархический заговор» и «обнаруживает» связь Кобылинского с югославскими белогвардейцами. Следствие длится с 11 июня по 11 сентября 1927 г. Вместе с восемью «белогвардейцами» Кобылинский приговорен к расстрелу. В спешке следователи Рыбинского ГПУ даже не удосужились расследовать главный вопрос, интересовавший их уральских и сибирских коллег, – вопрос о царских ценностях. В уголовное дело Кобылинского подшита его предсмертная открытка жене и сыну, датированная 1 декабря 1927 г. Написана она в московской Бутырской тюрьме, где он и был расстрелян. По другой версии: «После убийства Царской Семьи Кобылинский оказался отвергнут белогвардейским офицерством. Примечательно, что так называемое „белое воинство“, состоявшее в основном из антимонархически настроенных людей и возглавляемое февральскими клятвопреступниками (такими как Алексеев, Корнилов, Колчак, Деникин) не могло „простить“ Кобылинскому „предательство“ Царя! После своего разгрома белые не дали Кобылинскому возможности уехать за границу, и он остался в Советской России. Тем не менее, в 1920 году ему удалось уехать в Китай. В 1927 году его обманом выманили в СССР, где он был схвачен ГПУ и после истязаний расстрелян» (**Мультигули П. В.** *Свидетельства о Христе до смерти...* СПб., 2006. С. 141). По третьей: взят в плен красными партизанами под Красноярском. Некоторое время отбывал тюремный срок. Поселился в Рыбинске с семьей. Расстрелян НКВД в 1927 г. по обвинению в участии в антисоветском заговоре.

⁹⁹ Полковник Кобылинский, который не имел склонности проводить эти изыскания и не проводил их, позже говорил: «Не было найдено ничего, что могло бы скомпрометировать как Императора, так и Императрицу. Наконец, они обнаружили телеграмму, которую он ей посылал. После тяжелой работы по ее расшифровке они увидели простое предложение: «Чувствую себя хорошо, целую». – **Прим. автора.**

Все, кроме Александры Федоровны, поднимались рано. Затем Император и князь Долго-рукий гуляли в парке полтора часа (после заката это запрещалось). Ланч был в час. Император, иногда вместе с другими, мог работать в саду до трех, в то время как у детей шли уроки. Чай подавали в четыре часа, обед – в семь. И так день за днем. Однажды, когда Великим Княжнам и Наследнику стало лучше и депрессия после болезни отступила, Император с помощью месье Жильяра (по-французски он называл его «*Cher collegue*» – дорогой коллега) перепланировал программу их обучения. Николай Александрович преподавал историю и географию, Императрица Александра Федоровна – Закон Божий, месье Жильяр – французский язык, баронесса Буксгевден – английский и фортепиано, госпожа Шнайдер – арифметику, а графиня Гендрикова – изобразительное искусство.

Глава IX В Сибирь

Гиббс не мог находиться вместе с Царской Семейю, но он по-прежнему жил в своих комнатах в Екатерининском дворце. Англичанин брался за любую работу в Петрограде и время от времени обращался к чиновникам в слабой надежде на то, что ему позволят вернуться к семье Императора. Он поздно узнал о смерти своего отца в Нормантоне весной 1917 года. 21 апреля / 4 мая он написал своей тете Хэтти¹⁰⁰ из комнаты №4 Большого дворца Царского Села. Среди его бумаг был исправленный черновик:

«4, Полукруглый зал, Большой дворец, Царское Село.

21 апреля 1917.

Моя дорогая тетя Хэтти,

Тетя Кейт¹⁰¹ сообщила мне печальное известие о смерти моего бедного отца. Письмо было написано на 11-ый день после его смерти, и оно очень долго находилось в пути, почти два месяца. И хотя прошло уже столько времени, я узнал об этом только сейчас. Я уверен, что первое, что мы должны сделать, – это поблагодарить Вас за ту любовь и заботу, которыми Вы окружили отца в последние годы его жизни. Трудно себе представить, что бы он делал без Вас. Если бы не Вы, он не прожил бы столько и не был бы так счастлив. В 1914 году, уезжая из дома, я оставлял его счастливым. Из-за того, что меня не было рядом с ним в последние годы, у меня остались самые светлые воспоминания о закате его дней. Было бы хорошо, если бы я смог побывать дома еще раз до того, как это все случилось. Вопрос о разрешении на выезд до сих пор не решен. Без сомнения, Вы уже знаете о том положении, в котором мы оказались из-за политических событий. Само собой разумеется, никто пока не знает, что будет дальше, и мой долг, равно как и мои интересы, призывают меня находиться здесь. Наши судьбы совершенно поломаны, и велика вероятность того, что я вскоре покину Россию и вернусь в Англию с моим «учеником». Но я не могу сказать, когда это случится, потому что в настоящее время им не разрешено выезжать [изменено на «в настоящее время мы не можем уехать»].»

21 апреля 1917.

У меня не было возможности закончить это письмо раньше. Почти все время я провел в городе в комитетах и исполнительных комиссиях из-за своего коллеги. Он не может являться туда сам. Я снова получил известие от тети К [ейт] (очевидно, письмо было написано три недели спустя после первого; все письма между ними утеряны), и это письмо пришло действительно быстро, примерно за четыре недели. У меня также есть письмо от Нетти¹⁰², в котором она сообщает, что Вы уезжаете из Нормантона. Думаю, к настоящему моменту Вы уже

¹⁰⁰ **Фишер, Хэрриет Каролин Инскип** («тетя Хэтти») (1857—?), младшая дочь печатника Уолтера Фишера и Мэри Инглиш. Родилась в Валворте, графство Суррей. Ее старшая сестра Мэри Энн Элизабет (1841—1906) была замужем за Джоном Гиббсом (1841—1917). После смерти сестры, которая заболела пневмонией и скончалась по прошествии 12 дней после начала болезни, она долго ухаживала за ее мужем. Первый раз была замужем за Георгием Готцем, имела от него сына. Изменила свою фамилию обратно на Фишер, после того как разразилась Первая мировая война. Оставшись вдовой, в возрасте 59 лет вышла второй раз замуж 26 сентября 1916 г. за Джона Гиббса – мужа ее сестры. После смерти второго супруга проживала некоторое время в их семейном доме в Нормантоне.

¹⁰¹ **Уилдан Ноувел, Кэтрин** («тетя Кейт») (1849—?), дочь Нотэджа Ноувела (1824—?) и Элизабет Уилдан (1821—?) – бабушки Чарльза Сиднея Гиббса (1875—1963). Элизабет Уилдан вышла первый раз замуж за Джона Гиббса (1818—1881) 19 ноября 1840 г. в Таучестере. От этого брака родился Джон Гиббс (1841—1917) – отец Чарльза Сиднея Гиббса. Второй раз вышла замуж за Нотэджа Ноувела. От этого брака родились дети: Гарри Ноувел (1844—?) и Кэтрин Уилдан Ноувел (1849—?).

¹⁰² **Нейлл, Жанет** («Нетти») (1873—?), родилась в Ротерхэме, графство Йоркшир. В 1899 г. вышла замуж за Перси (1871—?) – родного брата Чарльза Сиднея Гиббса.

уехали. Нетти пишет, что Вы собираетесь продать большую часть вещей в Нормантоне. И я хотел спросить позволите ли Вы мне взять из дома несколько вещей на память, и можем ли мы приехать туда в изгнание. Разумеется, Вы оцените вещи и напишете мне, сколько это стоит. Я пошлю Вам список вещей (но не с этим письмом) завтра или через день. Если среди этих вещей окажутся те, которые Вы не станете оставлять себе, я был бы благодарен Вам, если бы Вы отказались от них в мою пользу. И конечно, я думаю, это понятно, что я не хочу просить Вас отдать мне, что Вы считаете своим. Расстояние и то продолжительное время, которое требуется на доставку письма, – все это очень затрудняет общение, поэтому я вынужден отослать Вам список немедленно. Если бы не эти обстоятельства, я бы никогда не поступил так без Вашего согласия. В список я включил некоторые предметы мебели и картины, которые всегда ассоциировались у меня с нашим домом. Мне жаль, что отец не успел получить мое последнее письмо, но, я думаю, он, тем не менее, знал о нем. Не будете ли Вы так добры прислать мне «Ротерхэм адвертайзер» [«The Rotherham Advertiser», местная газета] с хронологом? Я думаю, там должно быть полное описание похорон. Пожалуйста, передавайте сердечный привет А. К., я надеюсь, она это вынесет, но я убежден, смерть отца станет для нее большим ударом. Она всегда любила и обожала его. Отец был для нее опорой, и я со страхом думаю о том, как она воспримет известие о его кончине. Я посылаю мое письмо в Нормантон, поскольку, если Вы уже покинули его, оно наверняка будет возвращено. С большой любовью и благодарностью за Вашу преданность дорогому отцу,

Искренне Ваш, С.»

В письме была важная фраза: «...велика вероятность того, что я... вернусь в Англию с моим „учеником“». Несколько месяцев во время либеральной интерлюдии Временное правительство продумывало планы об отправке Царской Семьи в Англию. Большевистские экстремисты требовали смерти бывшего Царя, на что Керенский, одним из первых действий которого на посту министра юстиции была отмена смертной казни, твердо ответил: «Русская революция не мстит». Совет рабочих депутатов не хотел мстить, но ни одна из сторон не могла действовать решительно. Экстремисты были недостаточно сильны, чтобы штурмовать Александровский дворец, а правительство не контролировало железные дороги. Англия, несмотря на неодобрение премьер-министра Дэвида Ллойд Джорджа¹⁰³, осторожно заявила о готовности предоставить убежище Царской Семье, если Россия возьмет на себя расходы. Почти одновременно в Петрограде Временное правительство с той же осторожностью сообщило Совету, который оказывал на него давление, что Император Николай II и Императрица Александра Федоровна останутся в России. За три месяца (в течение которых Гиббс вел переписку с Нормантоном) этот вопрос, казалось, утратил важность. Но в середине лета он был поднят снова. Теперь, судя по всему, Британское правительство – по неопределенным причинам – отозвало свое предложение¹⁰⁴. Вне зависимости от того, прислала бы Англия приглашение или нет, было очевидно,

¹⁰³ **Ллойд Джордж, Дэвид** (1863—1945), из валлийской семьи. Изучал право и работал адвокатом в Лондоне. Вступив в Либеральную партию, был избран депутатом парламента в 1890 г. С 1905 г. – член правительства, в 1916—1922 гг. – премьер-министр Великобритании от Либеральной партии. «Это недовольство разделялось многими английскими либералами. Получив новости о Февральской революции, С. Р. Скотт* и сотрудники „Manchester Guardian“ отправили „приветственные“ телеграммы председателю Государственной Думы». – **Прим. автора.** * **Чарльз Присвич Скотт** (1846—1932) – британский журналист, издатель, политик с весьма либеральными взглядами. Родился в г. Басе, графство Сомерсет. С 1872 по 1929 г. – редактор «Манчестер Гардиан», а с 1907 г. являлся и владельцем, и редактором издания. «Манчестер Гардиан» – это ежедневная газета в Великобритании, основана в Манчестере в 1821 г. В 1959 г. сменила название на «Гардиан», а в 1964 г. редакция переехала в Лондон.

¹⁰⁴ «...Английский премьер Ллойд Джордж убеждает короля не давать убежища Царской Семье. Некоторые подробности принятия этого решения сообщает дочь посла Бьюкенена [Мериел Бьюкенен] в своей книге „Развал империи“. 10 апреля ее отец вернулся домой сильно опечаленный. „У меня дурные вести из Англии, – сказал он. – Теперь там отказываются принять Императора. Мне пишут, что там находят предпочтительным отговорить Императорскую Семью приехать в Англию. Правительство опасается, как бы это не вызвало внутренних волнений. Идут какие-то революционные разговоры в Гайд-Парке, рабочая партия заявляет, что она заставит рабочих бросить работу, если Императору будет разрешен въезд. Мне предписано

что Императорская Семья должна покинуть Царское Село. Положение Временного правительства было непрочным и, в случае его свержения, Император Николай II и Императрица Александра Федоровна оказались бы в опасности.

Когда после Февральской революции было создано Временное правительство, большевики в Петрограде получили бескомпромиссную телеграмму из Цюриха [направленную в Стокгольм]: «6 марта 1917. Наша тактика – полное недоверие, никакой поддержки временному правительству. Керенского особенно подозреваем. Вооружение пролетариата – единственная гарантия... Никакого сближения с другими партиями». Телеграмма была подписана Лениным. Этому профессиональному революционеру, ставшему в будущем строителем новой России, было 47 лет. Урожденный Владимир Ильич Ульянов провел детство в Симбирске на средней Волге: по странному совпадению, это был и родной город Керенского. Большую часть жизни Ленин был убежденным марксистом. С момента отъезда из России на рубеже веков он и его жена Крупская – они вместе находились в Сибирской ссылке – вели активную подпольную деятельность в различных европейских городах, в том числе и в Лондоне. В январе 1917 года Ленин с горечью писал: «Мы, люди старшего поколения, можем не увидеть решающих сражений грядущей революции». На самом деле революция была зажжена, и очень скоро. Во-первых, он и его партия должны были избавиться от слишком либерального и буржуазного правительства Керенского. Проблема заключалась в том, как добраться до России. Здесь помогли немцы. Обрадованные идеей создания волдыря уже внутри Великой России, они подготовили Ленина к переезду через Германию в опечатанном вагоне и въезду в Россию через Швецию и Финляндию. По словам Уинстона Черчилля, «они транспортировали Ленина в опечатанном вагоне как бациллу чумы» (*Мировой кризис: последствия*. Лондон, 1929). Похоже, он прибыл слишком рано. Его призыв к Всероссийскому съезду Советов о ниспровержении правительства и прекращении войны был подвергнут злomu осмеянию. Однако, поставив перед собой цель, этот малорослый лысый фанатик упорно шел к ней. Авторитет большевиков рос. В правительстве наметились расколы, и в середине лета Керенский стал одновременно министром-председателем и военным министром¹⁰⁵. Однако совсем скоро, после успеха на Галицийском фронте, дело приняло угрожающий поворот, когда войска под воздействием большевистской доктрины стали отказываться сражаться. Керенскому, впрочем, с помощью пропаганды удалось подавить восстание под лозунгом «Долой войну!», и Ленин после так называемых «июльских дней» вынужден был бежать в Финляндию, переодевшись кочегаром локомотива.

отменить соглашение с Временным правительством. Они перепуганы, вот в чем дело“. В этот день имя Ллойд Джорджа не было названо, но впоследствии отец рассказал мне, что весь план был разрушен, потому что Ллойд Джордж сообщил королю, будто в стране крайне враждебно настроены по отношению к русской Императорской Семье. Он в то же время убедил короля, будто опасность для Императорской Семьи крайне преувеличивается и будто британское посольство в Петербурге излишне склонно прислушиваться к болтовне старых придворных» (**Платонов О. А.** *История царевубийства*. М., 2001. С. 219). Вследствие чего от Короля Георга V было направлено письмо министру иностранных дел М. И. Терещенко через его секретаря, в котором «Его Величество со своей стороны выражал сомнение, благоразумно ли было бы в настоящее время направлять в Англию Царскую Семью, учитывая не только рискованность в военное время путешествия, которое Ей предстоит совершить, но и в не меньшей степени – из более широких соображений национальной безопасности» (**Жук Ю. А.** *Гибель Романовых*. М., 2009. С. 237). «Д. Ллойд Джордж, МИД Англии, да и лично сам Д. Бьюкенен, спустя совсем короткое время, минувшее после произошедшей трагедии, в своих мемуарах всячески отрицали тот факт, что британское правительство и Король Георг V изменили своему первоначальному обещанию. Но в 1932 году дочь Д. Бьюкенена рассказала, что ее отец сфальсифицировал свои воспоминания для того, чтобы сохранить тайну того, что произошло в реальной действительности. А причина была проста: МИД Англии угрожало лишить его пансиона в том случае, если он расскажет правду о том, каким образом британское правительство предало Русского Царя и Его Семью. Вслед за ней в 1935 году проговорился и личный секретарь Короля Георга V Гарольд Николсон, который рассказал, что в связи с этим делом король получал так много угроз, что, в конце концов, потерял мужество и предал своего кузена. А главное, что все это с недавнего времени подтверждается рассекреченными архивами МИД Великобритании» (**Жук Ю. А.** *Гибель Романовых*. М., 2009. С. 236).

¹⁰⁵ 7 (20) июля 1917 г. министр-председатель Г. Е. Львов подал в отставку, и его место занял А. Ф. Керенский, сохранив пост военного и морского министра и взяв в управление еще Министерство Торговли и Промышленности.

Керенский предвидел, что успех будет недолгим. Заехав как-то в Царское Село, он сказал Императору, что сейчас самое время для отъезда. Не в Ливадию, которая стала призрачной мечтой, а в Тобольск¹⁰⁶. Это был город с двадцатью тысячами населения в западной Сибири, «полное захолустье», неподалеку от слияния рек Тобола и Иртыша, в 200 милях севернее Транссибирской железной дороги. Царская Семья должна была отправиться туда в начале августа. Большинство придворных, число которых значительно сократилось, также собирались ехать, за исключением графа Бенкендорфа, поскольку его жена лежала в постели с острым бронхитом. Вместо него поехал генерал-адъютант, граф Татищев¹⁰⁷. В холодную ночь 1/14 авгу-

¹⁰⁶ Царская Семья обращалась к Временному правительству с просьбой перевести их на жительство в Крым, в Ливадию. Вот как об этом эпизоде вспоминает граф Бенкендорф: «25 апреля (или 12 апреля по старому стилю. – *Сост.*) новый визит Керенского. Государь был на прогулке. Министр дал знать Императрице, что ему необходимо с ней переговорить наедине и что он Ее просит прийти в кабинет Императора. Государыня приказала ему ответить, что Она занята своим туалетом и примет его несколько позже в своем салоне. В то же время Она вызвала госпожу Нарышкину, чтобы она присутствовала при разговоре. В ожидании выхода Государыни доктор Боткин имел довольно продолжительный разговор с Керенским. Как домашний врач Царской Семьи, он считал своею обязанностью заявить министру, что здоровье Их Величеств и Детей требует продолжительного пребывания в лучшем климате, в спокойном месте. [...] Министр согласился вполне с этими соображениями и дал понять, что пребывание в Крыму могло бы быть вскоре устроено» (*Последние дневники Императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г.* Н., 1999. С. 50). «7 июля 1917 года английский посол Бьюкенен направил телеграмму [министру иностранных дел Англии] лорду Бальфуру, в которой сообщал о своей встрече с министром иностранных дел Временного правительства П. Н. Милюковым. Суть этой встречи была следующей: «Министр иностранных дел сообщил мне сегодня конфиденциально, что Императора хотят отправить в Сибирь, по всей вероятности в Тобольск или в ... ск, где Они будут жить и будут пользоваться большей личной свободой. Причиной, побудившей правительство сделать этот шаг, было опасение, что в случае немецкого наступления или какой-нибудь контрреволюционной попытки Их жизнь может подвергнуться опасности. [...] Но уже в своих воспоминаниях, написанных после большевистского переворота, Бьюкенен пишет совсем другое: «Перевод Его Величества в Тобольск был, главным образом, вызван желанием защиты Их от опасности, которой Они могли подвергнуться в случае успешности большевистского восстания, и, конечно, нет никакого сомнения, что если бы Они остались в Царском, Они не намного пережили бы Октябрьскую революцию» (*Мультигули П. В. Свидетельства о Христе до смерти...* М.; Е., 2008. С. 122). Много позже в одной из своих книг А. Ф. Керенский писал: «Наконец, когда приблизительная дата отъезда была назначена, я поговорил с Императором в ходе одного из своих регулярных визитов в Царское Село, описал нелегкую ситуацию в Санкт-Петербурге, предложил готовиться к отъезду. Конечно, сообщил об отказе британского правительства, только не уточнил, куда Их повезут, посоветовав лишь сполна запастись теплой одеждой» (*Керенский А. Ф. Трагедия династии Романовых.* М., 1993. С. 130). Только 28 июля Царской Семье было сообщено о дате отъезда. С горечью записал в дневнике Николай II: «После завтрака узнали от графа Бенкендорфа, что Нас отправят не в Крым, а в один из дальних губернских городов в трех или четырех днях пути на восток! Но куда именно, не говорят, – даже комендант не знает. А Мы-то все так рассчитывали на долгое пребывание в Ливадии!!» А. Ф. Керенский позднее объяснял эту ситуацию так: «Первоначально я предполагал увести Их куда-нибудь в Центр России; останавливался на имениях Михаила Александровича и Николая Михайловича. Выяснилась абсолютная невозможность сделать это... Немыслимо было увести Их на юг. Там уже проживали некоторые из Великих Князей и Мария Федоровна, и по этому поводу там уже шли недоразумения. В конце концов, я остановился на Тобольске...» Вопрос об отправке Царской Семьи в Тобольск был решен окончательно на совещании четырех министров: князя Г. Е. Львова, М. И. Терещенко, Н. В. Некрасова и А. Ф. Керенского. Остальные члены Временного правительства, по утверждению Керенского, не знали «ни о сроке, ни о направлении» (*Последние дневники Императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. – 16 июля 1918 г.* Н., 1999. С. 63). В своем сборнике статей, изданном в Париже в 1922 году... Керенский яростно доказывает, что он сделал все от него зависящее, чтобы отправить Царскую Семью за границу, но этого ему не дали сделать англичане. Он на 6 страницах защищается от нападок «реакционеров» и обвинителей его в гибели Царской Семьи. И вдруг на самой последней странице он пишет загадочную фразу, которая выделена у него иным, чем весь остальной текст, шрифтом: «Летом 1917 года б. Император и Его Семья остались в пределах России по обстоятельствам от воли Вр. Пр. не зависевшим». Что это были за причины, которые не зависели от Временного правительства? В чем была причина той конспиративности, с какой было принято решение об отправке Царской Семьи в Тобольск? Кн. Щербатов приводит следующие слова Керенского, объясняющие эту причину: «Керенский сказал, что Тобольск тоже был выбран Ложей». Итак, причина снова была в масонском факторе. Именно этот фактор делает понятными и несурзными объяснения Керенского по поводу «недоразумений» в Крыму и по поводу бурлящей «рабоче-крестьянской» России, и ту конспиративность, с которой принималось решение о высылке в Тобольск, и то, что, согласившись с просьбой Государя отправить их в Крым, Керенский внезапно изменил свое решение в пользу Тобольска. Вспомним также, что практически все руководители декабризма были масонами, точно так же, как и члены Временного правительства. Масонско-старообрядческая месть Русскому Царю – вот главная причина ссылки Царской Семьи в далекий сибирский город» (*Мультигули П. В. Свидетельства о Христе до смерти...* М.; Е., 2008. С. 126–127).

¹⁰⁷ **Татищев Илья Леонидович** (1859—1918), граф из древнего дворянского рода, второй сын генерал-лейтенанта Леонида Александровича Татищева (1827—1881) от брака с Екатериной Ильиничной Бибиковой (1836—1917). Образование получил в Пажеском корпусе, по окончании которого в августе 1879 г. зачислен корнетом в Лейб-Гвардии Гусарский Его Величества полк. С 1885 г. – адъютант командира Гвардейского корпуса, с апреля 1890 г. по октябрь 1905 г. – адъютант главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа Великого Князя Владимира Александровича. В декабре

ста, на следующий день после тринадцатилетия Царевича, путешественники собрались и ожидали отъезда. Никто не предполагал, как долго может продлиться ссылка в Тобольск. Керенский полагал, что она закончится, когда зимой соберется Учредительное собрание.

Ожидание было напряженным. Вечером накануне отъезда в Царское Село приехал бывший Великий Князь Михаил Александрович, которому разрешили ненадолго увидеться с Императором. Керенский при этом присутствовал. Он находился в одной комнате с ними, листая альбомы с фотографиями, чем всех смущал¹⁰⁸. Поезда, отправившиеся из Петрограда в первые часы после полуночи, задерживались из-за непримиримости со стороны железнодорожных рабочих. Все более утомлявшиеся придворные сидели на сундуках и чемоданах в Полукруглом зале. Напряжение нарастало. Начало светать, но никаких новостей не было. Наконец, между пятью и шестью часами утра дали сигнал к отъезду. Провожали немногочисленные солдаты и приближенные. Царскую Семью и придворных быстро провезли через парк и еще безлюдные деревенские улицы к паре поездов, украшенных японскими флагами. На поездах виднелась ироническая надпись «*Японская Миссия Красного Креста*». Лукомский¹⁰⁹, чиновник, которому было приказано проследить за вывозом ценностей из дворца,

1895 г. произведен в полковники, в ноябре 1905 г. – в генерал-майоры с зачислением в Свиту Е. И. В. С декабря 1905 г. по июль 1914 г. состоял в качестве личного представителя Императора Николая II при германском Императоре Вильгельме II. Перед войной был назначен военным атташе при посольстве России в Берлине. В 1915 г. произведен в генерал-лейтенанты с зачислением по гвардейской кавалерии и пожалован в генерал-адъютанты. Охотно согласился сопровождать Царскую Семью вместо престарелого графа Бенкендорфа, жена которого тяжело заболела. Из воспоминаний Е. С. Кобылинского: «Татищев заявил мне, что ему предложено Государем через Керенского и Макарова разделить судьбу Семьи. Он сказал тогда же: «Меня это удивило: ведь я не придворный. Но раз Государь желает этого, я ни на минуту не сомневаюсь, что мой долг исполнить волю моего Государя» (*Историк и современник*. №5. Берлин, 1924. С. 180). Отбыл с Царской Семьей в Тобольск. Там он сказал однажды П. Жильяру: «Я знаю, что я не выйду из этого живым. Я молю только об одном – чтобы меня не разлучали с Государем и дали умереть вместе с Ним». После увоза Их Величеств остался с Августейшими детьми в Тобольске, а затем сопровождал их в Екатеринбург, город, основанный в 1721 г. его предком Василием Никитичем Татищевым (1686—1750) и называвшийся тогда Екатеринбург. Сразу же по прибытии туда, 23 мая 1918 г. (н. ст.), взят чекистами в тюрьму. Его поместили в отдельной камере вместе с камердинером Императрицы А. А. Волковым и камердинером Императора Т. И. Чемодуровым. Расстрелян 27 июня / 10 июля 1918 г. Незарытые тела И. Л. Татищева и В. А. Долгорукова были найдены за Ивановским кладбищем. Канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей в ноябре 1981 г. как святой мученик воин Илия.

¹⁰⁸ Граф П. К. Бенкендорф в своих воспоминаниях рассказал об этой встрече: «Примерно в 11.30 Керенский приехал во Дворец. Он сказал мне, что сейчас придет Великий Князь Михаил Александрович. Министр устроил это свидание, чтобы братья могли проститься. Я информировал об Императора, который был тронут и удивлен. В коридоре я встретил Великого Князя. Он обнял меня по-братски. Керенский первый вошел в кабинет Его Величества, за ним проследовал Великий Князь и дежурный офицер. Министр сел за стол и рассматривал альбомы. Офицер оставался у двери. Свидание длилось 10 минут. Братья были так взволнованы и смущены тем, что приходится говорить при свидетелях, что почти не находили слов. Великий Князь, весь в слезах, сказал мне, что он не рассмотрел даже как следует лица Царя. Керенский оставался в приемной и разговаривал о разных вещах. Так как он сказал мне несколько раз, что отсутствие Их Величеств продлится не больше нескольких месяцев, то я спросил его при свидетелях, когда можно рассчитывать на возвращение Семьи в Царское Село. Он проинформировал меня, что в ноябре месяце после Учредительного собрания ничто не помешает Их Величествам вернуться в Царское Село или уехать, куда они пожелают. Я знал достаточно хорошо, что он не сказал все, что думал, и я понял после, что он был далек от того, чтобы думать об этом, но я достаточно хорошо понял из сказанного, что следовало бы закрыть Царские апартаменты, чтобы предотвратить разграбление» (*Benckendorff P. Last Days at Tsarskoe Selo*. London, 1927. P. 106—108).

¹⁰⁹ **Лукомский Георгий Крескентьевич** (1884—1952), график, акварелист, историк архитектуры, занимался изучением памятников исторического прошлого. Родился в Калуге в семье инженера-путейца. С 1903 г. учился в частных художественных школах Казани, а в 1903—1915 гг. (с перерывами) на архитектурном отделении Академии художеств. В 1907—1913 гг. занимался в московской студии К. Ф. Юона. Много путешествовал по Западной Европе, России и Украине, изучая старинную архитектуру. Был близок к «Миру искусства». Его романтическая графика сопровождала первую публикацию стихов об Италии А. А. Блока (*Аполлон*. 1910. №4). После февральской революции стал сотрудником Особого совещания по делам искусств при комиссаре над бывшим Министерством двора и уделов Ф. А. Головине и возглавил работы по описи и реставрации памятников Царского Села, был избран председателем Художественно-исторической комиссии (ХИК). Эта комиссия работала при Управлении царскосельскими дворцами на правах автономии и подчинялась комиссариату имуществ Республики, заменившему Министерство двора. В январе 1918 г. была создана Коллегия по делам музеев и по охране памятников искусства и старины при Народном комиссариате имуществ, в ведении которой находилось имущество и ценности царскосельских дворцов. Главной задачей ХИК на всех этапах работы являлось составление новых описей, которые в отличие от дореволюционных выполняли задачу музейных инвентарных книг и каталогов. До конца 1930-х гг. они являлись официальными документами. За полтора года комиссия завершила описание имущества царскосельских дворцов, организовала их охрану, начала реставрацию парковых павильонов, интерьеров дворца. Составил два каталога под общим названием «Дворцы-музеи Царского Села». В конце 1918 г. изменилась система управления. Художественные комиссии были преобразованы в Художественные отделы

наблюдал за отъезжающей группой. Император в то утро выглядел мрачным. Высокий для своего возраста Алексей был бледен, но пытался шутить. Его сестры, также бледные и худые, с коротко подстриженными после болезни волосами очень походили друг на друга. Императрица Александра Федоровна, казалось, плакала. Во дворце Лукомский должен был опечатать целых сорок дверей. Обнаружив наверху горничную Императрицы, убиравшую вещи в ящики и коробки, он предупредил ее, что теперь это национальная собственность, и все это станет музейными экспонатами. Даже календарь и цветы в вазах должны оставаться нетронутыми. Все комнаты были сфотографированы, а ящики и буфеты опечатаны¹¹⁰. Александра Федоровна взяла с собой намного больше вещей, чем Император, который оставил практически все личные вещи. Многие из любимых вещей, принадлежавших Царской Семье, уже погрузили в поезд. Императрица и Великие Княжны везли с собой драгоценности, стоившие около миллиона рублей. Такие незначительные вещи, как ковер, лампы, граммофон, фотографии, а также три или четыре акварели и пастели, были впоследствии высланы в Тобольск¹¹¹. Полковник Кобылинский вспоминал:

«Выехала Семья, приблизительно, часов в 5 утра на вокзал и села в поезда. Поездов было два. В первом следовала Семья, свита, часть прислуги и рота 1-го полка. Во втором поезде – остальная прислуга и остальные роты. Багаж был распределен в обоих поездах. В первом же поезде ехали член Государственной Думы Вершинин¹¹², инженер Макаров¹¹³ и предсе-

при Управлениях дворцов-музеев. Передал дела и уехал в отпуск в Киев, где в 1918 г. стал председателем архитектурного отдела при Всеукраинском комитете охраны памятников истории и старины. Позже через Крым выехал в Константинополь. В 1921—1924 гг. жил в Берлине, с 1925 г. – в Париже. Работал как художник, архитектор-исследователь и критик. Помещал статьи в эмигрантских изданиях («Жар-птица», «Накануне», «Последние новости»), западных журналах по искусству («Apollo», «The Studio», «Emporium» и др.). Автор книги о художественных древностях европейских синагог (1947). С 1940 г. жил в Лондоне. Последние годы его жизни неизвестны, как неизвестна судьба огромного архива Лукомского, оставшегося за границей, в том числе цветных автохромов и черно-белых фотографий, вывезенных из Царского Села. Скончался в Ницце.

¹¹⁰ Граф Бенкендорф вспоминал: «Барон Штейнгель – уполномоченный комиссара Временного правительства по Царскому Селу – проинформировал меня, что в 6 часов [3 июля 1917 г.] г-н. Ф. А. Головин – комиссар над бывшим Министерством двора и уделов – прибывает в Александровский дворец, чтобы принять имущество. Несколькими днями ранее я написал ему, прося его предпринять необходимые шаги для безопасности дворца и многочисленных предметов, которые представляют собой ценность и которые Их Величества оставили там. В ночь, сразу после отъезда Их Величеств из дворца, некий г-н Лукомский, служащий Царских конюшен, Измайлов и некоторые другие не известные мне люди вошли во дворец и немедленно потребовали, что они должны посмотреть все личные апартаменты. А утром я узнал, что они также настаивали на том, что все имущество Их Величеств, которое было закрыто в шкафах и ящиках, должно быть показано им. Но слуги решительно отказались показывать им что-либо; все было заперто или запечатано лично Их Величествами. Я пожаловался г-ну Головину на недостойное поведение этих джентельменов и сказал ему, что премьер-министр Керенский уверял меня несколько раз и даже прошлой ночью перед свидетелями, что в ноябре, как только Учредительное собрание будет распущено, Император сможет вернуться в Царское Село и забрать все имущество из своих комнат. Я сообщил ему также, что эти комнаты вверены попечительству старых слуг, и они присматривают за ними до настоящего времени. Все, что я просил, – это чтобы дворец охранялся *corps de garde* (караулом – фр.) для того, чтобы защитить от неожиданных действий воров, которыми кишит Царское Село и С.-Петербург. Головин полностью одобрил все, что я сказал. Его жена, которая сопровождала его, отказалась даже войти в личные комнаты Их Величеств. Головин сказал мне, что Лукомский и его комиссия, которая была назначена им, служит для того, чтобы сделать список произведений искусства, которые находились во дворце в Царском и далее присматривать за ними. А вот тем джентельменам нечего делать в личных апартаментах. Позже эти джентельмены преуспели в охране дворца от его полного разграбления. Надо отдать им должное. Мы согласились, что предметы, имеющие ценность, которые лично принадлежали Императору и Императрице, должны быть собраны на несколько дней в комнате на втором этаже, а чуть позже они должны быть переведены в распоряжение Императорской канцелярии Аничкова дворца. Впоследствии их следовало бы отправить в Москву, если сохранится угроза оккупации С.-Петербурга германской армией, вместе с произведениями искусства из Эрмитажа, Коронационной Чаши и другими ценностями из дворца. Две недели спустя восемь чемоданов, наполненные ценными предметами, были в моем присутствии перевезены из Царского Села в С.-Петербург, и я лично подписал документ в императорской канцелярии. Г-н Головин произвел на меня очень приятное впечатление, которое впоследствии только усилилось, когда мне пришлось иметь с ним дело позже» (**Benckendorff P.** *Last Days at Tsarskoe Selo*. London, 1927. P. 117—119).

¹¹¹ «Некоторые личные вещи: ковры, любимые картины и т. д. были посланы из Царского по распоряжению [инженера] Макарова» (**Баронесса Софья Буксгевден.** *Жизнь и трагедия Александры Федоровны, Императрицы России*. М., 2012. С. 309).

¹¹² **Вершинин Василий Михайлович** (1874—1944), родился в Вятской губернии в крестьянской семье. Его отец, Михаил Васильевич Вершинин, в 1880 г. переехал в г. Барнаул, где занялся торговлей и стал купцом 2-й гильдии. После

датель военной секции прапорщик Ефимов, отправленный в поездку по желанию Керенского для того, чтобы он, по возвращении из Тобольска, мог бы доложить совдепу о перевозе Царской Семьи. Размещение в поезде происходило так: в первом вагоне международного общества, очень удобном, ехали Государь в отдельном купе, Государыня в отдельном купе, княжны в отдельном купе, Алексей Николаевич с Нагорным¹¹⁴ в купе, Демидова¹¹⁵, Теглева и Эрсберг¹¹⁶

окончания городского четырехклассного училища в г. Барнауле начал участвовать в торговых делах отца. С 1910 г. издавал в Барнауле газету «Жизнь Алтая», в 1911 г. открыл собственную типографию «Алтайское печатное дело». С 20 октября 1912 г. был избран депутатом IV Государственной думы от Томской губернии. Входил в состав трудовой фракции. С 1915 г. – член Барнаульского и Западно-Сибирского Комитетов Всероссийского Союза городов. Эсер, масон, ближайший соратник А. Ф. Керенского. После февральской революции 1917 г. входил в Исполнительный Комитет Государственной думы по созданию Временного правительства. Принимал участие в аресте Николая II. По поручению Керенского в августе 1917 г. конвоировал Царскую Семью до Тобольска и вернулся обратно с комиссаром Макаровым в Петроград с докладом Временному правительству. Позже был направлен Временным правительством в Крым для опеки бывших Великих Князей и прочих особ императорской фамилии. В начале 1920-х гг. эмигрировал во Францию, где сотрудничал с газетой А. Ф. Керенского «Дни». С января 1926 г. по декабрь 1934 г. был членом масонской ложи «Северная звезда» в Париже. Умер в Праге.

¹¹³ **Макаров Павел Михайлович** (1883—1922), происходил из дворян. Инженер, архитектор, знаток истории искусств. Масон (с 1906 г.). Был близок к эсерам. За свидание с Б. В. Савиновым в Париже в 1911 г. по возвращении в Россию был заключен в Петропавловскую крепость, а затем выслан в Ригу. Гласный Санкт-Петербургской городской думы (1912). Редактор «Известий» и «Архитектурного ежегодника» ОГИ. Член правления ОГИ. Директор правления Петроградского строительного товарищества на паях (1916). С марта 1917 г. – помощник комиссара Временного правительства Ф. А. Головина по бывшему Министерству Императорского Двора и Главному управлению делов при приеме художественных хранилищ Министерства Двора. По приказу Керенского отправлен в Тобольск при Царской Семье в качестве комиссара по гражданской части. В сентябре 1917 г. отозван и назначен помощником дворцового комиссара в Царском Селе. Из письма Императрицы от 9 декабря 1917 г. А. А. Вырубовой: «...подумай, добрый Макаров (комиссар) послал мне два месяца тому назад Святого Симеона Верхотурского, Благовещение из «таше» комнаты и из спальни над умывальником Мадонну; 4 маленькие гравюры над «таше» кушеткой, 5 постелей Каульбаха из большой гостиной, сам все собрал и взял – мою голову (Каульбаха). Твой увеличенный снимок из Ливадии, Татьяна и я, Алексей около будки с часовым, акварели А. III и Ник. I...». Валентина Ивановна Чеботарева – старшая сестра Дворцового лазарета в Царском Селе – получила поручение из Тобольска от доктора Боткина переговорить с Макаровым о посылке некоторых личных вещей Царской Семьи. Она вспоминала: «Вышел очень симпатичный, худой, нервный господин в темных очках, прочел письмо: «Что я могу сделать? Я вышел в отставку, я не у дел, не желаю даже соприкасаться с этими хамами и негодяями, но, пользуясь старыми связями, может, кое-что смогу устроить, завтра же переговорю. Я милым барышням рад служить. Милые они, положения только своего не понимают, а он, Николай Александрович, еще меньше» (**Чеботарева В. В. Дворцовом лазарете в Царском Селе. Дневник: 14 июля 1915 – 5 января 1918.** Новый журнал. №180. 1990. С 261). Позже был заключен большевиками в Петропавловскую крепость, затем в ноябре 1917 г. освобожден, вышел в отставку. Сражался в рядах Добровольческой армии во время Гражданской войны. Эмигрировал в Константинополь, затем переехал в Чехословакию. Преподавал немецкий язык в русской школе в г. Моравска-Тршебова. Скоропостижно скончался в Берлине.

¹¹⁴ **Нагорный Климент Григорьевич** (1887—1918), из крестьянской семьи с. Пустоваровка Антоновской волости Свирского уезда Киевской губ. Бывший помощник боцмана Деревенько, матрос Гвардейского экипажа, плававший на императорской яхте «Штандарт», второй дядька при наследнике Цесаревиче Алексее. «... Был высокого роста, худошавый, лет 35, светлорусый, коротко стриженный, бороду брил, усы подстригал. Нос средней величины, прямой... лицо у него было чистое, как у женщины... носил черную тужурку, брюки и ботинки» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 274). Заменял Деревеньку после ареста Царской Семьи. Добровольно отбыл в Тобольск, сопровождал Августейших детей в Екатеринбург, где 27 мая был взят вместе с И. Д. Седневым из Ипатьевского дома, отправлен в тюрьму и 1 июня 1918 г. расстрелян чекистами в окрестностях Екатеринбурга. Причислен к лику святых Русской Православной Церковью Заграницей в 1981 г. как святой мученик Климент. «... Этот простой матрос, – писала М. Старк, – был до последней минуты своей жизни верный в своей любви к Царской Семье. Ничто его не поколебало: и в Екатеринбурге он был все таким же, все так же презрительно, резко отвечал красноармейцам и советским комиссарам, и не раз его простые слова заставляли замолкать советчиков. Они чувствовали, что этот матрос как-то выше, чем-то сильнее их, и они боялись и ненавидели его. Не случайно он был расстрелян одним из первых» (**Фомин С. В. Скорбный ангел.** М., 2005. С. 790).

¹¹⁵ **Демидова Анна Степановна** – «Нюта» – (1878—1918), комнатная девушка Императрицы Александры Федоровны. Родилась в г. Череповец. Отец – череповецкий мещанин Степан Александрович, состоял гласным Череповецкой городской думы и уездного земского собрания членов городской управы. Мать рано умерла. Училась в Леушинской школе. По семейному преданию, Императрица Александра Федоровна заинтересовалась ее рукоделием на выставке рукодельных работ Леушинского монастыря в Ярославле, и таким образом Анна попала на службу по Придворному ведомству в 1901 г. Элегантная, образованная Демидова поселилась в Царском Селе. Знала несколько иностранных языков, играла на фортепиано. Служили комнатными девушками только девицы – выходявшие замуж получали расчет. В Царском Селе жила несколько лет со своей младшей сестрой Елизаветой, которой «Нюта» заменяла мать. Была чрезвычайно предана Императорскому дому. Одной из ее обязанностей являлось обучение шитью, вышиванию, вязанию и прочему рукодельному мастерству Великих Княжон. За службу ей и ее родственникам было пожаловано потомственное дворянство. Отказалась от личной жизни. Не имея собственных детей, питала материнские чувства к Великой Княжне Анастасии, которую воспитывала с малых лет. После февральской революции отказалась оставить Царскую Семью. Императрица была тронута верностью Демидовой. Отбыла с Царской Семьей в Тобольск

в купе, Чемодуров¹¹⁷ и Волков¹¹⁸ в купе. Во втором вагоне ехали: Татищев и Долгоруков в одном купе, Боткин один в маленьком купе, Шнейдер со своей прислугой Катей и Машей в одном купе, Жильяр в отдельном купе, Гендрикова со своей прислугой Межанц¹¹⁹. В третьем вагоне ехали: Вершинин, Макаров, я, мой адъютант подпоручик Николай Александрович Мундель¹²⁰, командир роты 1-го полка прапорщик Иван Трофимович Зима¹²¹, прапорщик Владимир Александрович (точно не уверен, так ли его зовут) Меснянкин¹²² и в отдельном маленьком купе помещался прапорщик Ефимов, с которым никто не изъявлял желания ехать вместе. В четвертом вагоне помещалась столовая, где обедала Царская Семья, кроме Государыни и Алексея Николаевича, обедавших вместе в купе Государыни. В трех, кажется, вагонах 3 класса ехали

в качестве личной горничной Александры Федоровны, сопровождала Их Величеств в Екатеринбург. Расстреляна вместе с Царственными Мучениками в подвале Ипатьевского дома, получив более 30 огнестрельных и штыковых ран. В 1981 г. причислена к лику святых Русской Православной Церковью Заграницей. 17 июля 1998 г. ее внучатая племянница Наталия Демидова присутствовала на церемонии захоронения предполагаемых царских останков в Санкт-Петербурге.

¹¹⁶ **Эрсберг Елизавета Николаевна** – «Лиза» – (1879—1942), с 1902 г. состояла на службе при Августейшей семье в качестве помощницы няни А. А. Теглевой. Добровольно последовала за Царской семьей в сибирскую ссылку. В Тобольске служила горничной у Великих Княжон. Сопровождала Царских детей при переезде их из Тобольска в Екатеринбург, где 23 мая 1918 г. была отделена от них и позже отправлена в Тюмень. Привлекалась в качестве свидетеля Н. А. Соколовым по делу об убийстве Царской Семьи. После убийства Царской Семьи покинула Россию и жила в эмиграции в Европе. По некоторым данным, вернулась через Швейцарию и Чехословакию в СССР в 1928 г., дав подписку о неразглашении информации о жизни Царской Семьи. Умерла от голода в блокадном Ленинграде в марте 1942 г.

¹¹⁷ **Чемодуров Терентий Иванович** (1849—1919), камердинер Императора Николая II (с 1 декабря 1908 г.). Состоял при Государе после смерти Великого Князя Алексея Александровича (1850—1908), был его многолетним камердинером. Служил матросом в Гвардейском экипаже. Добровольно поехал с Царской семьей в Тобольск. Из Тобольска в конце апреля 1918 г. с Императором, Императрицей и Великой Княжной Марией Николаевной приехал в Екатеринбург. Помогал членам семьи, повару в приготовлении пищи. 24 мая 1918 г. из дома Ипатьева отправлен в Екатеринбургскую тюрьму №2. В связи с болезнью вскоре был помещен в тюремную больницу, где его при эвакуации забыли. Таким образом, с вступлением 25 июля 1918 г. в город белых оказался на свободе. Был очень тяжело болен. Давал показания по делу об убийстве Царской Семьи следователям И. А. Сергееву и А. Ф. Кирсте. Уехал в Тюмень, затем в Тобольск. Жил с верой, что Царская Семья осталась в живых. Скончался в Тобольске, в доме буфетчика Григория Солодухина.

¹¹⁸ **Волков Алексей Андреевич** (1859—1929), родился в с. Старое Юрьево Козловского уезда Тамбовской губернии в крестьянской семье. После призыва в армию пошел в лейб-гвардии Павловский полк, затем в Сводный батальон. На службу принят Великим Князем Павлом Александровичем. 1 января 1915 г. был назначен третьим камер-лакеем Императрицы Александры Федоровны. Последовал за Императорской семьей в Тобольск и Екатеринбург. По прибытии в последний (10 / 23.05.1918) был арестован. Вместе с другими заключенными переведен (7 / 20.07.1918) из Екатеринбурга в Пермь, в тюрьму, из которой в составе 11 заложников «красного террора» выведен на расстрел (22.08 / 04.09.1918). Бежал. Чудом удалось спастись. С невероятными трудностями добрался до Тюмени, нашел баронессу С. К. Буксгевден, которая помогла ему добраться до Тобольска, где в то время оставалась его жена. Позже помогал следствию по расследованию убийства Царской Семьи. Выехал в Маньчжурию (1919). Заведовал приемкой лесных материалов на станции Китайско-Восточной железной дороги Имяньпо (200 км от г. Харбина). Супруга скончалась в июне 1922 г. Выехал в Эстонию к зятю. Получал пенсию от датского короля. Вторая супруга – Евгения Рейнгольдовна Волкова, ур. фон дер Ховен (1880—1932). Супруги похоронены в Юрьеве (Тарту) на Успенском кладбище.

¹¹⁹ **Межанц Паулина Касперовна** – личная служанка гр. А. В. Гендриковой, добровольно отбыла с Царской семьей в Тобольск. Давала показания следователям ОГПУ в середине 20-х гг., проживая в Тобольске, и допрашивалась по делу о «Романовских ценностях» в октябре 1933 г.

¹²⁰ **Мундель Николай Александрович** (1869—?), потомственный дворянин Петроградской губ. Лютеранин. Статский советник, до 1914 г. состоял начальником Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей в Министерстве финансов в Петрограде. Участник Первой мировой войны. В 1917 г. был старшим адъютантом 4-й Гвардейской стрелковой резервной бригады, полки которой несли охрану в Александровском дворце во время революции. В чине подпоручика состоял в Отряде особого назначения под командой полковника Кобылинского и конвоировал Царскую Семью в Тобольск. Позже находился в составе Военно-Административного управления района Сибирской армии.

¹²¹ **Зима Иван Трофимович** – прапорщик, командир роты 1-го полка. Родился на Украине в с. Проскурове. По образованию учитель. Состоял в Отряде особого назначения под командой полковника Кобылинского и конвоировал Царскую Семью в Тобольск.

¹²² **Меснянкин (Месянянкин) Александр Владимирович** – прапорщик, студент Петроградского университета, родом из Ставрополя на Кавказе. Состоял в Отряде особого назначения под командой полковника Кобылинского и конвоировал Царскую Семью в Тобольск. В отряде находилось еще несколько офицеров, входивших в его состав, и размещавшихся во втором поезде: капитан Федор Алексеевич Аксютя, родом из Ставрополя, где жили его теща и дочь; поручик Александр (Николай) Флегонтович Каршин, студент Петроградского университета, родом из Иркутска; прапорщик Семенов, бывший фельдфебель, кавалер четырех Георгиевских крестов, родом из Самары и прапорщик Пыжов, портной по профессии.

солдаты. Кроме того, были еще багажные вагоны» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 292—293).

Солдаты (всего более трехсот человек) под командованием полковника Кобылинского будут нести караульную службу в Тобольске.

В то время как Царская Семья находилась в поезде, следовавшем на восток в Сибирь, Чарльз Сидней Гиббс, или, как его называли на русский манер, Сидней Иванович Гиббс, получил пропуск во дворец. В этом документе за №13 имелся текст:

«Начальнику Караула Александровского Дворца.

На основании доверенности, полученной от Министра-Президента 31 июля 1917 г. за №5326, разрешаю Г-ну Гиббс допускать на 2-ое Августа в Александровский Дворец.

Уполномоченный Комиссара

Вр. Правительства

по Царскому Селу:

Барон Штейнгель¹²³

1 Августа 1917 г.».

С этим пропуском Гиббс смог войти в Александровский дворец и забрать оставленные им вещи. Гиббс был полон решимости последовать за Царской Семейей, как только ему это будет позволено. В ответ на его просьбу чиновник, теперь настроенный крайне доброжелательно, заявил, что нет причины, которая бы помешала ему отправиться в Тобольск. Гиббс закончил дела в Петрограде, распорядился своими капиталовложениями и приготовился к отъезду, но из-за забастовки рабочих железнодорожное сообщение оказалось парализовано. Впрочем, никого это не беспокоило, и никто не хотел ничего предпринимать. Недели тянулись за неделями.

Гиббс продолжал вести свой дневник, занося туда все события, которые оставляли след в его душе:

«27 сентября 1917 г.

Я только что получил очень интересное письмо от знакомой (друза)¹²⁴, которая собирается за границу. Она пишет: «Если бы Вы знали, с каким тяжелым сердцем я уезжаю. Пытаюсь поверить, что это Божья воля и что, возможно, Он спасает меня от больших неприятностей. Но уезжать так далеко от тех, для кого я жила и живу, и кого я люблю больше своей жизни и всего мира. Сердце разрывается – я страдаю пять месяцев без перерыва, и я так устала; иногда я удивляюсь, что еще жива. Мне причиняет такую боль чувство, что я изгнана своим народом, но я все равно счастлива, зная, что я страдаю ради Них, любимых; возможно, Они будут страдать меньше, если я пострадаю больше. Сегодня я наконец получила документ из Комиссии о моей полной невиновности. Как я говорила вам, они так добры ко мне, все члены этой Комиссии (многие из них социалисты), теперь они понимают, насколько ложной была клевета в мой адрес все эти годы. Все эти допросы были такой пыткой; у меня их было 15, и каждый продолжался не меньше 4 часов. Я так счастлива, что смогла опровергнуть все эти грязные

¹²³ **Штейнгель Борис Леонгардович** (р. после 1874—?), барон, сын статского советника Л. В. Штейнгеля. Бывший присяжный поверенный, соратник А. Ф. Керенского по ложе Великий Восток Франции [см. ЦХИДК. Ф. 729. Оп. 1. Д. 2. Л. 127—127 об.]. Его дед барон В. И. Штейнгель был членом масонского ордена Москвы и одним из авторов «Манифеста к русскому народу» и «приказа войскам» в день восстания декабристов 14 декабря 1825 г. С марта 1917 г. – Уполномоченный комиссар Временного правительства над бывшим Министерством Двора и Уделов по делам города Царского Села. Сменил на этом посту арестованного последнего начальника Царскосельского дворцового управления ген.-майора князя М. С. Путятина. Бароны Штейнгели – эстляндские бароны, выходцы из Саксонии, православного вероисповедания.

¹²⁴ Имеется в виду близкая подруга Императрицы Александры Федоровны А. А. Вырубова.

истории, и, в целом, я навсегда доказала величие и полную невиновность того, кто для меня дороже всего мира: Н. М. (Her Majesty) – Ее Величество.

Сегодня они приходили с документом и сказали, как они страдают из-за меня, но все-таки думают, что для меня, возможно, действительно лучше уехать. Мои бедные старики-родители продолжают оставаться в Финляндии, на даче Михайлова, в Териоках. Доктор Манухин спас мне жизнь, он святой человек, хотя и социалист – зная правду обо мне, страдал вместе со мной. Бог послал мне его в тюрьму, когда я практически умираю, они давали мне 3 дня жизни (первый доктор бил меня по щекам, заставил раздеться перед солдатами и мучил меня, когда я умираю). Манухин поговорил с солдатами, которые подняли мятеж и хотели убить нас всех и его тоже. Я склоняю голову и преклоняюсь перед ним... (он уехал, Бог знает, увидимся ли мы вновь). Какую боль приносят все эти расставания, они подобны смерти. Скажите Им, что я живу только ради Них, что каждую минуту я молюсь, думаю, бесконечно страдаю и пытаюсь верить, что когда-нибудь мы все равно будем вместе. У меня болит сердце, я очень устала и должна попробовать поспать несколько часов; мы уезжаем в 7 часов утра прямым поездом в Торнео и Швецию. Я всем моим сердцем с Ними, каждая моя молитва – о Них. Я получила две открытки через мой госпиталь. Да благословит Вас Бог, и большое спасибо за вашу доброту!

Не смейтесь над фотографиями!

Я видела С [ергея]¹²⁵. 4 раза, мы хорошо поговорили, он шлет работы; многие были очень добры, а некоторые друзья заставили меня страдать. В тюрьме мне снились прекрасные сны, они поддерживали меня, потому что мне часто казалось, что Бог меня оставил. Читала совсем немного: почти не было света, работать и писать было запрещено. Я твердо верю в то, что придут хорошие времена для Них! Я знаю, что Она молилась за меня, иначе я давно умерла бы! Часто, часто я вижу Их во сне».

Прошел месяц, прежде чем Гиббс наконец смог сесть в поезд и услышать перестук колес. Позади осталась неопределенность, политическая софистика, дворцы, широкая и быстрая Нева, и игловидный шпиль Трезини¹²⁶ на соборе Святых Петра и Павла. Впереди было долгое изнурительное путешествие по земле и воде в сердце Сибири, в другую, забытую Россию.

¹²⁵ **Танеев Сергей Александрович** (1887—1975), родной брат Анны Александровны Танеевой. Состоял в должности церемониймейстера Высочайшего Двора, был причислен к Министерству внутренних дел. Был женат с 1916 г. на княжне Татьяне Ильиничне Джорджадзе – «Тита-Тина» (? —1990). После революции, в начале 1918 г., находился с женой сначала в Кишиневе, затем в Одессе. Позже – в эмиграции в США. Их дочь Нина умерла в возрасте 4-х лет (1918 г.) в Нью-Йорке. В начале 1920-х гг., находясь в Соединенных Штатах, Сергей помог с публикацией воспоминаний своей старшей сестры – Анны Александровны Вырубовой, которые вышли отдельной книгой: Anna Vyubova. Memories of the Russian Court. N.Y. Macmillan. 1923.

¹²⁶ **Трезини, Доменико Андреа** (1670—1734), архитектор и инженер, швейцарец по происхождению. С 1703 г. работал в России, стал первым архитектором Санкт-Петербурга. Трезини заложил основы европейской школы в русской архитектуре. По его проектам заложены Кронштадт (1704) и Александро-Невская лавра (1717), в 1706 г. начата перестройка Петропавловской крепости в камне, выполнена часть регулярной планировки Васильевского острова (1715) и Петропавловский собор (1712—1733) в Петропавловской крепости, здание Двенадцати коллегий (1722—1736) – теперь главное здание Петербургского университета.

Глава X

Дом губернатора

В тот август почти никто из людей, живших неподалеку от бесконечно тянущейся ленты Сибирской железной дороги, не знал об этих двух удивительных царских поездах. Они шли вне расписания. Только зеваки на захудалых провинциальных станциях, возможно, дивились тому, что шторы вагонов задернуты, а сами высокие вагоны окружены многочисленной охраной. Или же какие-нибудь крестьяне из глухой сельской местности, видевшие поезд между шестью и семью часами, могли задаваться вопросом: кто этот красивый бородатый мужчина, высокий мальчик и группа девушек, сошедшие с поезда за много верст от станции, чтобы дать своим собакам побегать. За время путешествия возникло лишь одно легкое недоразумение: рабочие на Званке, первой крупной станции на пути следования, не хотели пропускать поезд¹²⁷. Когда поезд прибыл в Пермь, председатель железнодорожных рабочих попросил Кобылинского объяснить, что происходит, но, увидев подпись Керенского¹²⁸, он и его товарищи сразу отступили. К концу дня, 3/16 августа, территория Урала осталась позади. В Тюмень Царская Семья и придворные прибыли в полночь. Выйдя из поезда, они оказались на пустынном степном лугу¹²⁹, затем их доставили на пароходы «Русь» и «Кормилец». Оставшиеся двести миль по рекам Тура и Тобол были пройдены примерно за двое суток. Пейзаж по обоим берегам был довольно унылым. Путешественникам, впрочем, случилось проплывать мимо села Покровское, где жил Распутин. С палубы можно было хорошо разглядеть его дом. 6/19 августа солнце уже садилось, когда пароходы причалили к пристани Тобольска, и пассажиры увидели зубчатые очертания здания на вершине холма, который возвышался над простиравшимся внизу городом.

Но на этом путешествии Царской Семьи не закончилось. Им пришлось еще неделю жить на борту парохода, пока Кобылинский и помогавшие ему члены свиты и прислуга наблюдали за мебелировкой, украшением и общим улучшением Губернаторского дома¹³⁰ – самого

¹²⁷ Подпоручик Н. А. Мундель, состоявший в Отряде особого назначения и сопровождавший Царскую Семью в Тобольск, вспоминал: «Дорогой было такое приключение. Мы сначала меняли паровозы на больших станциях. Но на станции Званка вышел такой случай. Толпа железнодорожных рабочих, узнав, кто следует в поезде, обступила паровоз. Раздавались крики: „Николашка, кровопийца, не пустим“ и т. д. Кое-как проехали, но на больших станциях уже после этого не останавливались» (Росс Н. *Гибель Царской Семьи*. Ф/М., 1987. С. 434).

¹²⁸ Полковник Кобылинский описывает этот эпизод следующим образом: «Перед самой станцией в Перми наш поезд остановился. В вагон, в котором находился я, вошел какой-то человек, видимо, из каких-нибудь маленьких железнодорожных служащих, с большой седой бородой, и, назвавшись председателем железнодорожных рабочих, заявил, что „товарищи“ рабочие-железнодорожные желают знать, что это за поезд следует, и, пока не узнают, они не могут пропустить его дальше. Вершинин с Макаровым показали ему бумагу за подписью Керенского. Поезд пошел дальше» (Росс Н. *Гибель Царской Семьи*. Ф/М., 1987. С. 293).

¹²⁹ Царскую Семью привезли в Тюмень на железнодорожную станцию «Тура», где также находилась и пристань. Это место отнюдь не в «степи»: недалеко от сохранившегося здания станции (от пристани не сохранилось ничего) можно и сейчас увидеть живописный дом XIX века – к примеру, на ул. Пристанской. – **Прим. ред.**

¹³⁰ Дом принадлежал Николаю Александровичу Ардовскому-Танаевскому (1863—1950) – действительному статскому советнику, управлявшему пермской казенной палатой (1906—1915). С ноября 1915 г. – тобольский губернатор. Назначен на это место по настоянию Г. Е. Распутина, поклонником которого он был и часто его навещал. Временным правительством был уволен в отставку сразу после февральской революции 1917 г. Почитал память святителя Иоанна Тобольского, способствовал его прославлению. Как монархист он отрицательно относился к большевикам, февралистам и различным белым правительствам. Был арестован ЧК в 1918 г. по так называемому офицерскому списку, сидел в Петропавловской крепости в Петрограде. Газета «Известия» опубликовала его фамилию в списке расстрелянных в ответ на убийство М. С. Урицкого. «По ошибке» остался жив – его «переселили» на барже в Кронштадт. В конце 1918 г. ему удалось бежать от большевиков в Сербию. Вследствие неприятия им Великого Князя Кирилла Владимировича, объявившего себя императором Кириллом I, был вынужден перебраться в Италию. Здесь он принял священнический сан и служил в православной церкви г. Палермо. Принял монашеский постриг, а затем великую схиму. Скончался в Германии в 1950 г. как схиархимандрит Никодим. Автор воспоминаний, которые были написаны им в 1948—1950 гг. Губернаторский дом был очень старый. «Построен в 1778 году, после большого пожара, когда выгорел почти весь город, и тогда же купец откупщик Куклин возвел для себя большой каменный дом.

большого в городе. Двухэтажный белый особняк с балконами, выстроенный в совершенно не вычурном стиле, выделялся на фоне запыленной улицы (которая была переименована в улицу Свободы) со скрипучими деревянными тротуарами и множеством маленьких деревянных зданий. В доме насчитывалось тринадцать или четырнадцать комнат, и он не мог вместить всех. Великие Княжны вынуждены были делить угловую комнату рядом со спальней родителей. За ней находилась гостиная, а в комнате напротив жил Алексей Николаевич. Пьер Жильяр поселился в кабинете губернатора на первом этаже, но большей части свиты пришлось пойти в дом богатого купца Корнилова, расположенного через улицу¹³¹. В первое же утро после приезда двери дома были открыты для членов свиты. И, разумеется, всегда открыты для солдат. Особенно злоупотребляли этим враждебно настроенные солдаты второго полка, как отмечал Кобылинский, «с очень низким моральным уровнем». Увидев, как узники переходят улицу

В 1817 году купец разорился, дом за долги взяли в казну. С этого времени там проживали сначала генерал-губернаторы Западной Сибири, а после того как центр перевели в Омск, – тобольские губернаторы». *«Сибирский листок»*, 1917 г., №93 (8 авг.): «В воскресенье, 6 августа, около четырех часов дня к Тобольску прибыли пароходы – казенный „Тюмень“, Запад.-Сибир. т-ва „Русь“, и томский „Кормилец“ с одной баржей. У пристани толпилась масса народа, так как в Тобольске давно все знали, что здесь назначено место жительства Семьи бывшего Императора. Приезда их ждали еще ночью, 5 августа, но пароход запоздал. На пароходе „Русь“ находилась вся Семья бывшего Императора. Под квартиру бывшего Императора отведен губернаторский дом, переименованный было в „дом Свободы“ – теперь вывеска эта с него снята и возле дома поставлен военный караул. Видевшие всю Семью бывшего Императора поражаются благодушным и веселым видом самого б. Императора; Александра Федоровна имеет крайне болезненный и удрученный вид, ее вывозили из каюты на свежий воздух в кресле; сын Алексей – болезненный на вид Мальчик в солдатской шинели с ефрейторскими погонами; дочери острижены низко под гребенку после недавней болезни, одеты они очень просто. Во время остановок парохода у пристаней для погрузки дров все дети выбегали на поле и рвали цветы. Бывший Император, очевидно, помнил Тобольск, потому что, подъезжая к Тобольску, Он был наверху и показывал детям видневшиеся здания, но едва пароход поравнялся с лесопилкой Печокаса, вся Семья удалилась в каюты и не показывалась во время причаливания парохода. Близо видеть приезжих никому не удалось, так как все Они оставались еще 7-го августа на пароходе ввиду того, что отведенная им квартира была заново окрашена, и не успел еще выдохнуться запах краски. Под помещение приехавших заняты следующие дома – губернаторский дом, дом Корнилова, где был окружной суд, дом, где была лавка Усачева, дом Сыромятникова, где была гостиная „Лоскутная“, и дом Нижегородцевой. Конвоя прибыло 300 человек». Из воспоминаний полковника Кобылинского: «В это время, когда Семья еще жила на пароходе, инженер Макаров приводил в порядок дом. Там же находились Татищев, Гендрикова, Шнейдер, Тутельберг, Эрсберг, Теглева, Демидова, устраивавшие обстановку в доме. Когда дом был готов, Семья перешла в него. Для Государыни был подан приличный экипаж на резиновом ходу. Она переехала в дом с Татьяной Николаевной. Все остальные лица перешли пешком. Для жизни Царской Семьи, лиц Свиты и прислуги было отведено два дома: дом, в котором жил губернатор, и дом Корнилова, находящийся вблизи губернаторского. Из обстановки из Царского не было взято ничего. Дом обслуживался губернаторской обстановкой, но часть разных вещей пришлось приобрести и заказывать уже в Тобольске. Взяты были из Царского для Царской Семьи лишь их походные кровати. [...] Размещение в губернаторском доме произошло таким образом. Когдаходишь в нижний этаж дома, попадаешь в переднюю, из которой идет через весь этаж коридор, делящий его на две половины. При входе в переднюю первая комната, угловая, на правой стороне, занималась дежурным офицером. Рядом с ней была комната, где жила Демидова и обедали с ней Теглева, Тутельберг, Эрсберг. Рядом с этой комнатой – комната, где жил и давал уроки Алексею Николаевичу, Марии Николаевне и Анастасии Николаевне Жильяр. Рядом с этой комнатой помещалась царская столовая. На левой стороне против дежурной угловой комнаты была комната Чемодурова, рядом с ней – буфетная, рядом с буфетной – комната Теглевой и Эрсберг, рядом с этой – комната Тутельберг. Над комнатой Чемодурова шла лестница в верхний этаж. Она прямо приводила в угловую комнату, где был кабинет Государя. Рядом с его кабинетом был зал, в зал также можно было попасть и из передней, куда вела парадная лестница (в зал можно было попасть и из кабинета, соединявшегося с залом дверью). Из зала дверь также выходила в коридор, деливший дом на две половины. Первая комната направо по этому коридору была гостиная, рядом с ней – спальня Государя и Государыни. Рядом с их спальней – комната княжон. На противоположной стороне, рядом с передней, шкафовая комната. Рядом с ней, против гостиной и спальни Государя и Государыни – комната Алексея Николаевича, рядом с ней – уборная, а рядом с уборной – ванная. Все остальные лица свиты помещались в Корниловском доме» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 293—294).

¹³¹ Купец Василий Михайлович Корнилов занимался в г. Тобольске рыбопромышленностью и торговлей, последней – в период 1924—1925 гг. По поручению благочинной Ивановского монастыря принял на хранение царские ценности, в числе которых были два брильянта из двух диадем (корон), ряд других крупных бриллиантов и золотых крестов. Хранил в Тобольске в собственном доме по ул. Декабристов под домом в земле, в сокрытии принимала участие и его семья. В связи с тем, что в 1928—1929 гг. был как рыбопромышленник-торговец раскулачен, из Тобольска вместе с семьей выехал сперва в Свердловск, а затем в Казань. Сын находился в г. Свердловске. «Корниловский дом [розового цвета, с завитками и украшениями из белого камня] был довольно большой, в два этажа, нелепо построенный, с мраморной лестницей и украшениями на деревянных крашенных потолках, изображающих лепнину. Внизу была офицерская столовая и буфет, комната, в которой происходили заседания отрядного комитета, и комнаты, где жили: мой отец доктор Е. С. Боткин, комиссар Панкратов, его помощник Никольский и прапорщик Зима. В подвальном этаже помещалась прислуга и восемь человек стрелковой команды» (**Мельник-Боткина Т. Воспоминания о Царской Семье.** М., 2004. С. 81).

и входят в дом Корнилова, охрана начала так шумно протестовать, что Кобылинский вынужден был успокоить их, пообещав возвести деревянный забор. Этот высокий забор шел вокруг дома губернатора и образовывал с боковой улицей, широкой и мало используемой, нечто вроде грязного внутреннего двора для прогулок: бараки для охраны выходили туда же. Члены свиты, жившие в доме Корнилова, могли проходить свободно, но движение было строго односторонним.

Около двух недель заключенные по большей части никуда не выходили. Жители Тобольска, многие из которых были потомками бывших ссыльных в Сибирь, были настроены доброжелательно и по-прежнему лояльно. Для них Царь оставался Царем. Ожидая появления у окна кого-нибудь из членов Царской Семьи, люди снимали шляпы и крестились. А когда Николай Александрович и Александра Федоровна шли через городской сад вдоль шеренг солдат на раннюю обедню, некоторые становились на колени. Из города и пригородов постоянно присылали еду. Монахини из местного монастыря несли яйца и сахар. Несмотря на непокорную охрану – это была только часть солдат Кобылинского – жизнь проходила довольно безоблачно и могла оставаться таковой, если бы не высокомерный заместитель комиссара. Александр Никольский¹³² прибыл в конце сентября со своим начальником – Василием Семеновичем Панкратовым¹³³, чтобы принять руководство. Кобылинский, командовавший Отрядом особого назначения, был определен в подчинение к вновь прибывшим. Панкратов был чело-

¹³² **Никольский Александр Владимирович** – прапорщик, эсер, бывший политический ссыльный, личный друг и помощник комиссара Временного правительства по охране Царской Семьи в Тобольске В. С. Панкратова, которого знал по ссылке в Якутской области, куда Никольский был сослан за принадлежность к партии эсеров. С 31.07 по 20.08.1917 г. служил в 662-й Дружине в Москве и охранял Второвский завод. 20 августа был вызван Керенским по рекомендации Панкратова в Петроград, куда прибыл на следующий день. Панкратов вручил ему удостоверение за подписью Керенского о назначении его помощником по охране Государя. Определенных обязанностей по охране семьи не имел, а в свободное время преподавал бухгалтерию солдатам охраны и писал в газету отряда «Земля и воля». Выступал в городе с речами, направленными против большевиков. Как представитель старой власти по просьбе солдат с 23 октября стал председателем Тобольского Совета. Но 26 января (8 февраля) 1918 г. отстранен от должности солдатским комитетом Отряда особого назначения. Позднее, по свидетельству Роберта Вильтона, поступил на службу к генералу Гайде и работал в осведомительном отделении. Через некоторое время перешел на сторону красных, но вскоре подвергся аресту и был расстрелян.

¹³³ **Панкратов Василий Семенович** (1864—1925), родился в с. Алексеевское Корчевского уезда Тверской губернии. Окончил сельскую школу помещика Лосева и получил первоначальное образование. Еще в детстве прошел практику у московского оптика Левенсона, был мастером на все руки. Уехал в Санкт-Петербург, где на заводе Семяникова освоил профессию токаря. В 1881 г. вступил в организацию «Народная воля» и оставался ей верен вплоть до своей смерти. Активно вел пропаганду среди рабочих в Петербурге, Москве, Ростове и других городах. Совершил убийство жандарма в Киеве, спасая свою сообщницу, в марте 1884 г. По «процессу двенадцати» в ноябре того же года осужден на 20 лет каторги и заключен в Шлиссельбургскую крепость. Провел 14 лет в одиночной камере. По амнистии 1896 г. его 20-летний срок был сокращен на одну треть, и вместо 1904 г. освобожден в 1898 г. После этого 5 лет провел в ссылке в Якутской области. В 1905 г. бежал из ссылки, вступил в партию эсеров, участвовал в декабрьском вооруженном восстании в Москве. С 1907 г. вновь в Якутской ссылке. В течение пяти лет участвовал в научной экспедиции. Исследовал Алдано-нельканский тракт, Вилюйскую низменность и одноименное плато. С 1912 по 1917 г. жил в Петербурге под полицейским надзором, а в марте 1917 г. вернулся к политической деятельности в рядах партии эсеров. Сопратник А. Ф. Керенского по масонским ложам. 21 августа 1917 г. Временным правительством был назначен комиссаром по охране бывшего Императора Николая II и его семьи и направлен 24 августа в Тобольск, куда он прибыл вместе со своим помощником Никольским и одним солдатом сопровождения только 1 сентября. Ему были подчинены полковник Е. С. Кобылинский и Отряд особого назначения, охранявший Царскую Семью. К Царской Семье, несмотря на свое революционное прошлое, относился вполне корректно. Вместе со своим помощником прапорщиком Никольским активно вел пропаганду революционных идей среди солдат Тобольска. Вот как об этом вспоминал Е. С. Кобылинский: «Хотя, как я вам сказал, Панкратов сам лично не был способен совершенно причинить сознательно зло кому-либо из Царской Семьи, но, тем не менее, выходило, что эти люди его ей причиняли. Это они делали как партийные люди. Совершенно не зная жизни, они, самые подлинные эсеры, хотели, чтобы все были эсерами, и начали приводить в свою веру солдат. Они завели школу, где учили солдат грамоте, преподавая им разные хорошие предметы, но после каждого урока грамотности они освещали солдатам политические вопросы. Это была проповедь эсеровской программы. Эта проповедь эсеровской программы делала солдат, благодаря их темноте, большевиками. Хотели они издать эсеровскую газету, конечно, «Земля и воля» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 296). Панкратов и Никольский не избежали конфликта с некоторыми фракциями местного совета и солдатским комитетом отряда. В конце концов они, как представители Временного правительства, 26 января (8 февраля) 1918 г. были сняты с должностей. Оставались в Тобольске до 26 февраля, затем уехали в Читу. В 1919 г. Панкратов находился в Омске, состоял членом Государственного Экономического Совещания. Позже он вернулся в Ленинград, где и умер. Похоронен на Волковском кладбище. Автор воспоминаний: **Панкратов В. С. Царем в Тобольске. Из воспоминаний.** Л., 1925.

веком невыразительной внешности, серьезным, спокойным и услужливым; как писал Жильяр, «типичный просвещенный фанатик». Его друг Никольский являл собой полную его противоположность: он был жестоким, упрямым и неопытным. В отличие от Панкратова, он желал отомстить за ссылку в Сибирь, в которую его отправили как революционера-социалиста. Так, он настаивал на относительно незначительной вещи – чтобы заключенные были сфотографированы для идентификации в анфас и профиль, как и он много лет назад. «Нас заставляли это делать. Теперь – их очередь». Впредь каждый должен был носить идентификационную карточку с фотографией и номером. В дальнейшем поведение Никольского и его экстремистские взгляды повлияли на доброжелательно настроенных солдат. И здесь Панкратов был небезупречен: его интерпретация знаковых событий, происходивших под эгидой социал-революционной доктрины, стала опасно смешиваться с большевизмом.

Когда Гиббс – Сидней Иванович – прибыл в Тобольск в начале октября¹³⁴, за исключением этой проблемы, жизнь вошла в довольно спокойный ритм. Во многом она походила на жизнь в Царском Селе и, в целом, оказалась даже более благоприятной. У трех младших Великих Княжон и Алексея Николаевича были уроки. Александра Федоровна читала, вышивала или рисовала. Николай Александрович гулял по огороженному двору, служившему жалкой заменой императорскому парку, или усердно пилил бревна с кем-нибудь, кто присоединялся к нему. После чая в четыре часа они, бывало, поднимались наверх и, стоя на балконе или у окна, наблюдали за повседневной жизнью Тобольска. Иногда, после обеда, некоторые играли в карты. Алексей Николаевич ложился спать в девять. Все остальные – в одиннадцать. Кобылинский открыто восхищался бывшим Царем: его добротой и доброжелательностью, скромностью и образованностью, отсутствием позерства, и его простыми вкусами в еде и напитках. Ему нравились такие блюда, как борщ или каша, также он любил выпить бокал портвейна или мадеры после обеда. Он никогда не задумывался об одежде. Николай Александрович нуждался в физическом труде и наслаждался им. В своих свидетельских показаниях под Екатеринбургом весной 1919 года полковник Кобылинский отмечал:

«Государь был человек умный, образованный, весьма интересный собеседник, с громадной памятью, особенно на имена. Хорошо он знал историю. Он любил физический труд и жить без этого не мог: он так был воспитан. В своих потребностях он был очень скромен. Вытертые штаны, износившиеся сапоги на нем я видел еще в Царском. Вина он почти не пил. За обедом ему подавался портвейн или мадера, и он выпивал за обедом не больше рюмки. Он любил простые русские блюда: борщ, щи, каша. Припоминаю, между прочим, такой случай. Он зашел однажды в погреб с винами и, увидев коньяк, сказал Рожкову, чтобы он отдал его мне: «Ты знаешь, я его не пью». Это мне именно так и передавал Рожков. И я сам никогда не видел, чтобы он пил что-либо, кроме портвейна или мадеры.

Был он весьма религиозен. Не любил он евреев и называл их «жидами». Не любил он, не переваривал немцев. Отличительной чертой в его натуре, наиболее его характеризовавшей, это было свойство доброты, душевной мягкости. Это был человек замечательно добрый. Если бы это зависело лично от него, как человека, он бы не способен был совершенно никому причинить какого-либо страдания. Вот это его свойство и производило сильное впечатление на окружающих. Добрый он был и весьма простой человек, прямой и бесхитростный. Держал он себя очень просто. С солдатами в Тобольске он играл в шашки. Кто именно играл с ним из солдат в шашки, я не могу припомнить. Но я помню, что он любил прапорщика Тура и фельдфебеля Грищенко. Многие ведь и солдаты, я уверен, в душе питали к Семье хоро-

¹³⁴ В своем дневнике Государыня оставила такую запись: «6 Октября пятница. Тобольск. [...] Мистер Гиббс приехал нынче ночью, еще не видела его» (*Последние дневники Императрицы Александры Федоровны Романовой. Февраль 1917 г. — 16 июля 1918 г.* Н., 1999. С. 94).

шие чувства. Например, когда солдаты (хорошие, настоящие солдаты) уходили из Тобольска, они тихонько ходили к нему наверх и прощались, целовались с ним. У него у самого в душе сидело: русский человек – это мягкий, хороший, душевный человек; он многого не понимает, но на него можно воздействовать добром. Так это и было у него. Иногда из-за этого мне было тяжело. Солдатишки, наиболее развращенные, позволяли себе хулиганские выходки, конечно, больше всего за глаза Августейшей семьи: трусили все-таки. В глазах же держались более или менее прилично. Это и вело к тому, что Августейшая семья не понимала своей опасности.

Россию он любил, и не один раз мне приходилось слышать выражение боязни быть увезенным куда-нибудь за границу. Искусств Государь не знал. Но он любил сильно природу и охоту. Без этого он томился и по охоте скучал. Его слабость заключалась в его бесхарактерности. Он не имел твердого характера и подчинялся супруге. Это я наблюдал даже в мелочах. Всегда когда, бывало, обращаешься к нему по какому-либо вопросу, обыкновенно получаешь ответ: «Как жена, я ее спрошу».

Государыня – умная, с большим характером, весьма выдержанная женщина. Отличительной чертой ее натуры была властность. Она была величественна. Когда, бывало, беседуешь с Государем, не видишь Царя. Когда находишься перед ней, всегда, бывало, чувствуешь Царицу. Благодаря своему характеру она властвовала в семье и покоряла Государя. Конечно, она сильней и страдала. У всех на глазах она сильно старела. Она хорошо, правильно говорила и писала по-русски. Россию она, безусловно, любила. Так же, как и Государь, она боялась увоза за границу. Она хорошо вышивала и рисовала. В ней не только не была видна немка, но можно было подумать, что она родилась в какой-то другой стране, враждебной Германии. Это объяснялось ее воспитанием. Рано, маленькой девочкой лишившись матери, она все время воспитывалась в Англии у бабушки, королевы Виктории. Никогда я не слышал от нее немецкого слова. Она говорила по-русски, по-английски, по-французски.

Была она, безусловно, больная. Мне Боткин говорил, в чем было у них дело. Дочь Гесенского, она унаследовала их болезнь: хрупкость кровеносных сосудов. Это влекло за собой параличи при ушибах, чем и страдал Алексей Николаевич. Эта болезнь в мужском поколении до полового созревания, и затем болезненные явления исчезают. У женщин же, страдающих ей, не наблюдается никаких болезненных явлений до климактерического периода. С этого времени у них начинает развиваться истерия. Она и страдала истерией. Это было совершенно ясно. На этой почве, как мне говорил и Боткин¹³⁵, у нее и развился религиозный экстаз. Это была уже ее сущность. Все ее рукоделие, вообще занятия, имели именно такой характер. Она вышивала, вообще что-либо работала только из одной области: духовной. Если она что-либо дарила и писала, обязательно что-нибудь духовное: «Спаси и сохрани» или что-нибудь другое, но в том же духе. Мужа она, безусловно, любила, но не любовью молодой женщины, а как отца своих детей: женщины в ней не чувствовалось. Как женщина, она уже не существовала. И в этом отношении Государь сохранился куда больше ее. Любила она всех детей, но больше всего Алексея Николаевича.

Ольга Николаевна – недурная блондинка, кажется, 23 лет. Барышня – в русском духе. Она любила читать. Была способная, развитая девушка. Хорошо говорила по-французски, по-английски и плохо по-немецки. Она имела способности к искусствам: играла на рояле, пела и в Петрограде училась пению (у нее было сопрано), хорошо рисовала. Была она очень скромная и не любила роскоши. Одевалась она очень скромно и вечно одергивала в этом отношении других сестер. Сущность ее натуры, я бы сказал, вот в чем: это русская, хорошая девушка, с большой душой. Она производила впечатление девушки, как будто испытавшей какое-то горе. Такой на ней лежал отпечаток. Мне казалось, что она больше любила отца, чем мать, а затем она больше всего любила Алексея Николаевича и звала его «маленький», «бэби».

¹³⁵ Хотя с этим Гиббс всегда не соглашался. – Прим. автора.

Татьяна Николаевна, кажется, 20 лет. Она была совсем другая. В ней чувствовалась мать. Та же натура, тот же характер. В ней именно чувствовалось, что она дочь Императора. К искусствам она склонности не питала. Ей, может быть, лучше бы было родиться мужчиной, и, как мне кажется, будь иная судьба, она стала бы «Царевной Софьей». Это чувствовалось всеми. Когда Государь с Государыней уехали из Тобольска, никто как-то не замечал старшинства Ольги Николаевны. Что нужно, всегда шли к Татьяне: «Как Татьяна Николаевна». Она была ближе всех дочерей с матерью и, видимо, любила ее больше отца.

Мария Николаевна – 18 лет, высокая, сильная, самая красивая из всех. Она хорошо рисовала. Из всех сестер это была самая простая и самая приветливая. Вечно она, бывало, разговаривает с солдатами, расспрашивает их и прекрасно знает, у кого как звать жену, сколько ребят-тишек, сколько земли и т. п. Вся подноготная вот подобных явлений ей всегда была известна. Она, как и Ольга Николаевна, больше любила отца. За ее свойство простоты, приветливости она и получила название в семье «Машки». Так ее звали сестры и Алексей Николаевич.

Анастасия Николаевна имела, кажется, 17 лет. Физически она была развитее своего возраста. Она была низенькая, очень полная – «кубышка». Такой вид имела потому, что ее очень маленький рост не соответствовал ее полноте. Ее отличительной чертой была способность подмечать слабые стороны людей и передразнивать их. Это был природный комик. Вечно, бывало, она всех смешит. Она также больше любила отца и больше других сестер Марию Николаевну. Звалась она сестрами и братом почему-то «швибз».

Все они были очень милые, симпатичные, простые в общем, даже и Татьяна Николаевна, девушки – чистые, невинные. Куда они были чище в своих помыслах очень многих их современных девиц-гимназисток, даже младших классов.

Кумиром всей семьи был Алексей Николаевич. Он был еще ребенок. Характерные отличия в нем еще не выработались. Он был умный, способный Мальчик, весьма шаловливый и живой. Он говорил по-русски, по-английски и по-французски. По-немецки не знал ни слова.

Про всю Августейшую семью в целом я могу сказать, что все они очень любили друг друга, а жизнь в своей семье всех их духовно так удовлетворяла, что они иного общения не требовали и не искали. Такой удивительно дружной, любящей семьи я никогда в жизни не встречал и думаю, в своей жизни уже больше никогда не увижу» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 308—310).

Гиббс совершил утомительное путешествие в Сибирь. В Тюмени он едва успел сесть на последний пароход, прежде чем наступили долгие сибирские морозы, и Тобольск оказался в семимесячной изоляции. Из-за того, что сибирская железная дорога проходила далеко к югу от Тобольска, маленький городок был, так или иначе, обречен на бездеятельность. Пароход шел по широким, медлительным рекам, пока из-за излучины, наконец, не показался Тобольск. Гиббс увидел купола церквей и простые домики, стоявшие у подножия холма. Над ними возвышался старый Кремль (теперь суд и тюрьма), собор и дом архиерея. Направившись прямо в дом Корнилова, Гиббс встретился с вежливым и дружелюбным Панкратовым. По всей видимости, Гиббс не мог быть немедленно допущен к бывшему Царю. Этот вопрос должны были решить солдаты. Прошло два дня, прежде чем все демократические формальности были завершены, и охрана позволила Гиббсу пройти к дому. Это являлось более важной привилегией, чем ему в то время казалось, поскольку он стал последним человеком, допущенным к Царской Семье в Тобольске. Панкратов выделил ему комнату в доме Корнилова. Затем Гиббса перевели к семье, и, после семи месяцев разлуки, его ожидал радушный прием. Александра Федоровна, сильно постаревшая, с множеством седых волос, сидела с Алексеем в своей верхней гостиной, как она часто делала, когда плохо себя чувствовала, или не была склонна идти на обед. Гиббс узнал, что к этому времени – увы, слишком поздно – Александра Федоровна стала пони-

мать, что люди, как она полагала, преданные ей, – генерал-лейтенант Ресин¹³⁶ и генерал-майор Граббе¹³⁷ – оказались всего лишь приспособленцами. Государь, обедавший в тот день со своей свитой, скоро поднялся наверх. Он был рад увидаться с человеком, прибывшим из внешнего мира, связь с которым становилась все более хрупкой.

Николай Александрович никогда не высказывался так откровенно, как в тот день. Бледное солнце за окном, горожане, проходившие по деревянным тротуарам, и человек, который был Самодержцем всея Руси, и теперь пересматривал свою жизнь в изгнании.

¹³⁶ **Ресин Александр Алексеевич** (1857—1933), генерал-лейтенант (с 1910 г.). Из дворян Тверской губернии. Образование получил в 1-м Павловском училище (1876) и Николаевской академии Генштаба (1884). Выпущен в лейб-гвардии Финляндский полк. С 1898 г. – начальник штаба 1-й пехотной дивизии. С 1901 г. – командир 2-го стрелкового полка, с 06.07.1904 г. – 1-й бригады 16-й пехотной дивизии, с 24.02.1905 г. – лейб-гвардии Кексгольмского полка, с 1909 г. – 2-й бригады 3-й гвардейской пехотной дивизии. С 1910 г. – начальник гвардейской стрелковой бригады. С 1913 г. назначен начальником 2-й гвардейской пехотной дивизии. Отличился в первых боях на Тарнавке. Однако его дивизия понесла в первые месяцы войны тяжелые потери. 04.02.1914 г. зачислен в резерв чинов при штабе Киевского ВО. С 12.02.1915 г. нной, пусть остается. Но решайте это сейчас же. Потом во дворец уже не впускаю». Караул тогда нес сводный Его Величества полк, командиром коего состоял генерал-майор Ресин. В эту же минуту он заявил Корнилову, что он уходит» (*Историк и современность*. №5. Берлин, 1924. С. 171). 1 августа 1917 г. уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией. В эмиграции в Югославии. Скончался в Панчево.

¹³⁷ **Граббе-Никитин Александр Николаевич** (1864—1947), граф. Из дворян Войска Донского. Сын генерала от инфантерии гр. Николая Павловича Граббе (1832—1896) и гр. Александры Федоровны Орловой-Денисовой (1837—1892). В 1901 г. ему было разрешено присоединить к своей фамилии фамилию прадеда по матери генерала от кавалерии гр. А. П. Никитина, и он стал именоваться графом Граббе-Никитиным. Родился на Кавказе. Поступил на службу в 1885 г., закончил Пажеский корпус в чине хорунжего в 1887 г. Числился в лейб-гвардии Казачьем Е. И. В. полку. Участвовал в кругосветном путешествии 1889—1891 гг. по Индийскому океану с заходом на Цейлон, в Индию и другие страны в качестве адъютанта Великих Князей Александра и Сергея Михайловичей во время их морского путешествия. Сотник (с 1891 г.), подъесаул (с 1897 г.). С июня 1897 г. по декабрь 1909 г. – адъютант генерал-фельдмаршала Великого Князя Михаила Николаевича, есаул (с 1902 г.), полковник (с 1904 г.). В 1910 г. пожалован во флигель-адъютанты к Е. И. В. В январе 1914 г. произведен в генерал-майоры с зачислением в Свиту Е. И. В. С января 1914 г. по март 1917 г. – командир Собственного Е. И. В. Конвоя. После отречения от престола Императора он сразу же оставил Государя и, по словам Великого Князя Николая Михайловича, «имел наглость испрашивать у Государя разрешения остаться со своими казаками в Ставке для встречи нового Верховного главнокомандующего Великого Князя Николая Николаевича». В марте 1917 г. в дни февральской смуты самовольно покинул службу и уехал на Кавказ, уволен от службы по болезни с мундиром и пенсией (22.03.1917). В эмиграции: Константинополь, Германия, Монте-Карло, с 1940 г. – в США. Скончался в Нью-Йорке. Был женат на Марии Николаевне Безак (1869—1951), дочери члена Государственного совета генерал-лейтенанта Н. А. Безака (1836—1897). Имел троих детей. Увлекался любительской фотографией. Оставил многочисленные снимки Царской Семьи, которые хранятся у потомков семьи гр. Граббе. Автор комментариев в собственном дневнике и журнале.

Глава XI Обучение в Тобольске

Гиббс сразу же приступил к своим прежним обязанностям. Будучи опытным учителем, он никогда не заботился, сколько уроков он давал, а в заключении, где каждый час надо было как-нибудь заполнить, они значили больше, чем когда-либо. Никогда прежде ему не доводилось жить в таком тесном соседстве со всей Царской Семейей. Гиббс записывал свои впечатления, которые пронес через всю жизнь. Здесь они приводятся в качестве свидетельских показаний, которые Гиббс дал следователю¹³⁸ в Екатеринбурге более полутора лет спустя¹³⁹:

«Я приехал в Тобольск сам. Я хотел быть при Семейе, так как я Им предан. Я добился этого через инженера Макарова, который Их отвозил в Тобольск. В Тобольск я приехал в первых числах октября. От Тюмени мы туда ехали вместе с Клавдией Михайловной Битнер¹⁴⁰. Два дня

¹³⁸ **Соколов Николай Алексеевич** (1882—1924), родился в г. Мокшан Пензенской губернии, окончил Пензенскую мужскую гимназию и юридический факультет Харьковского университета. До революции служил в должности судебного следователя по важнейшим делам при Пензенском губернском суде. Не принял советскую власть. Бежал от большевиков из Пемзы, переодевшись бедным крестьянином. Перешел фронт и достиг Сибири. «С детства природный охотник. [...] Он развил в себе до максимального предела наблюдательность, угадывание примет и бесконечное терпение в достижении цели. [...] ...Соколов воспитывался, вырос и созрел в твердом, непоколебимом сознании, что Россия и русский народ „без Бога на Небе и Царя на Земле“ не проживут. Образование и университет не только не поколебали в нем этой веры, но укрепили еще более, а страстность натуры и любовь к законности делали его исключительно преданным монархистом по убеждению» (**Дитерихс М. К., генерал. Убийство Царской Семьи и Членов Дома Романовых на Урале.** М., 2006. С. 181—182). 7 февраля 1919 г. ему было официально поручено следствие по выяснению обстоятельств убийства Царской Семьи и Великих Князей на Урале, которое начал 30 июля 1918 г. следователь А. П. Наметкин, а 12 августа продолжил член Екатеринбургского суда И. А. Сергеев. При наступлении красных летом 11 июля 1919 г. получил приказ генерал-лейтенанта М. К. Дитерихса выехать из Екатеринбурга и вывезти все акты подлинных следственных производств вместе с вещественными доказательствами. Семь томов подлинных документов и восьмой в копиях с частью вещественных доказательств были переданы Дитерихсом французскому генералу Жанену и вывезены в Европу. У Соколова остались копии семи томов и подлинник восьмого тома, с которым 20 марта 1920 г. он выехал в Европу и 16 июня прибыл в Париж, в предместье которого поселился. Находясь во Франции, продолжал следствие и собрал обширный дополнительный материал, среди которого парижский период составили три тома – №9, 10, 11. Весь комплект документов был использован Соколовым при написании книги «Убийство Царской Семьи», которая вышла в свет на французском языке в 1924 г. (на русском издана в Берлине в 1925 г., уже после неожиданной и во многом таинственной смерти автора, с различиями в тексте). Был похоронен на кладбище в Сальбри (недалеко от Парижа), где его друзья поставили на могиле крест с надписью «Правда Твоя – Правда вовеки». Соколов вывез из России шесть копий следственного дела, которое было разделено на семь томов. Судьба архива Соколова оказалась сложной. Основной архив был передан его вдовой князю Николаю Владимировичу Орлову (1895—1960), который оказывал материальную помощь следствию. Позднее часть этих уникальных документов, в том числе подлинники и в единственном экземпляре, были проданы на аукционе Сотби – их приобрел князь Лихтенштейнский Ханс Адам II и передал (в обмен на семейный архив Лихтенштейнских) в Россию. Другие копии комплекта архива оказались в различных архивах и библиотеках нескольких стран мира. С подлинника было снято еще две копии – для генерала Дитерихса и английского журналиста Роберта Вилтона. Копия Дитерихса хранится в архиве Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (США), а копия Роберта Вилтона – в библиотеке Гарвардского университета. Еще две копии были сделаны для автомобильного магната Генри Форда и его адвоката. Они хранятся в музее Форда в Дирборне (США). Часть копии и личный том генерала М. К. Дитерихса находятся в России. Местонахождение подлинника следственного дела Соколова неизвестно.

¹³⁹ Чарльз Сидней Гиббс, уже занимавший должность секретаря английской дипломатической миссии, дважды был допрошен следователем Н. А. Соколовым: 27 июня и 1 июля 1919 г., что официально зафиксировано протоколами в следственном деле. Он и его коллега Пьер Жильяр не только давали показания, но участвовали и помогали в расследовании дела об убийстве Царской Семьи.

¹⁴⁰ **Битнер Клавдия Михайловна** (1878—1937), потомственная дворянка Петроградской губ. Служила классной дамой в Царскосельской Мариинской женской гимназии в течение 18 лет. Была известна Августейшей Семейе еще до революции. Во время Первой мировой войны поступила в общину Красного Креста на курсы сестер милосердия и работала медсестрой в частном лазарете г-жи Лианозовой полтора года. Здесь была впервые представлена Государыне и Великим Князям. Здесь же она познакомилась с полковником Е. С. Кобылинским, за которого позже вышла замуж. Далее К. М. Битнер вспоминала: «После отъезда Августейшей Семейи в Тобольск я, в конце августа месяца старого стиля, была в Перми, где навещала свою мать. Отсюда я проехала в Тобольск, навесить Евгения Степановича... приехала 1 сентября... Я помню, что, когда я проходила городом и шла мимо дома, где жила Августейшая Семейя, меня увидели с балкона Дети и раскланялись со мной. Я тогда же подала в Тобольскую гимназию прошение на свободную вакансию преподавательницы французского языка. Когда

я прожил в Корниловском доме, а на третий день я был принят Государем. Это было в час дня. Я был принят Государем в Его кабинете, где была Императрица и Алексей Николаевич. Я очень рад был Их видеть. Они рады были меня видеть.

Императрица в это время уже понимала, что не все, которых Она считала преданными Им, были Им преданы. Им не оказался преданным полковник Ресин и начальник конвоя граф Граббе. Граббе убежал от Них на Кавказ во время революции.

Мы жили в Тобольске неплохо. Я не вижу ничего плохого в нашей жизни. Не было прошлого, и были разные мелочи, но это мелочи, с которыми можно было мириться. Мы усиленно занимались. Императрица преподавала Детям богословие. (Из Детей учились все, кроме Ольги Николаевны, которая кончила курс наук в 1914 году). Немножко Она занималась немецким языком с Татьяной Николаевной. Сам Государь преподавал историю Алексею Николаевичу. Клавдия Михайловна Битнер преподавала Им математику и занималась по русскому языку с Марией Николаевной, Анастасией Николаевной и Алексеем Николаевичем. Гендрикова занималась по истории с Татьяной Николаевной. Я преподавал им английский язык, Жильяр – французский.

Наши уроки начинались в 9 утра и продолжались до 11. От 11 до 12 был свободный час, и Дети гуляли. С 12 до часу опять были занятия. В час был завтрак. После завтрака был кофе. Алексей Николаевич по совету врача должен был немножко лежать на диване. Или я, или Жильяр что-нибудь читали Ему. Потом приходил Нагорный, одевал Его, и мы были во дворе до 4 или до 5. После гулянья Государь преподавал ему историю. После этого Алексей Николаевич очень, очень любил играть в «тише едешь, дальше будешь». Мы делились на две стороны: с одной стороны, Алексей Николаевич и кто-нибудь из нас двоих: или я, или Жильяр, а с другой стороны, Долгорукий и Шнейдер. Так всегда бывало, и Алексей Николаевич очень, очень любил эту игру. Шнейдер всегда играла «сердцем» в эту игру и ссорилась немножко с Долгоруким. Это было очень весело. Почти каждый день мы играли, и почти каждый день Шнейдер говорила, что она больше играть не будет. От 6 до 7 с Алексеем Николаевичем занимались или я, или Жильяр, или кто другой. От 7 до 8 готовились уроки. В 8 часов был обед. После обеда семья собиралась наверху. Иногда играли в карты: я с Шнейдер в двойной пасьянс, Татищев, Ольга Николаевна, Боткин, Шнейдер, Жильяр, Долгорукий – в бридж. Дети, Императрица иногда играли в безик. Иногда Государь читал вслух.

Иногда после обеда Ольга Николаевна, Мария Николаевна и Анастасия Николаевна шли в комнату Демидовой, где обедали Тутельберг¹⁴¹, Эрсберг и Теглева. Иногда туда приходили: я, Жильяр, Долгорукий, Алексей Николаевич. Сидели немножко, очень смеялись, шутили.

Государь вставал рано. В 9 Он всегда пил чай у себя в кабинете и читал до 11. Затем он шел гулять во двор, где всегда почти занимался физическим трудом. В Тобольске Он

Дети узнали об этом со слов Боткина, они изъявили желание, чтобы я занималась с ними... 10 октября я была принята Августейшей Семейю... И стала я преподавать Детям разные предметы. Я занималась с Алексеем Николаевичем по русскому языку, математике, географии. С Марией Николаевной и Анастасией Николаевной я занималась по истории и по русской литературе. Ходила я к ним на уроки каждый день и почти каждый день два раза в день. Приходила я утром» (*Росс Н. Гибель Царской Семьи*. Ф/М., 1987. С. 420). Некоторое время в Гражданскую войну и после ее окончания проживала в Сибири в г. Ишиме в Тобольской губ. Позднее переехала в г. Рыбинск, где ее муж был арестован и расстрелян в 1927 г. Родила сына Иннокентия. Проживала вместе с сыном в небольшом городке Орехово-Зуево и работала на заводе «Карболит». В конце 1920-х – начале 1930-х гг. подвергалась допросам органами НКВД по поводу сокрытия от советских властей царских драгоценностей.

¹⁴¹ **Тутельберг Мария Густавовна** – «Тутельс» – (1863—?), мещанка из г. Ревеля (Таллин), лютеранского вероисповедания, состояла в должности камер-юнгферы при Ее Величестве Государыне Императрице Александре Федоровне. На эту должность была назначена в год свадьбы Ее Величества и Государя Императора Николая Александровича в 1894 г. по рекомендации камер-фрау при Государыне Императрице Марии Федоровне фон Флотовой Марии Петровны. Из женского персонала – самая старая слуга при Ее Величестве. Добровольно последовала в сибирскую ссылку за Царской Семейю. При переводе августейших узников в Екатеринбург была отделена от них, но оставалась некоторое время в Екатеринбурге в вагоне поезда, ходила в город и смотрела на дом Ипатьева, где находилась Царская Семья. Спустя некоторое время уехала в г. Камышлов, затем временно проживала в г. Ишиме, где белогвардейским следователем по делу об убийстве Царской Семьи Н. А. Соколовым привлекалась в качестве свидетеля по делу убийства Романовых и давала показания (23—27.07.1919).

часто пилил дрова. Он при помощи других устроил на оранжерее площадку, куда вела сделанная общими усилиями лестница. На этой площадке Они любили посидеть на солнце. Я вижу фотографическую карточку, которую Вы мне показываете (предъявлена фотографическая карточка, имеющаяся в распоряжении судебного следователя). На этой площадке Они и любили сидеть. До 12 Государь гулял. Потом Он шел всегда в комнаты Дочерей, где в это время подавались бутерброды, и Он любил немножко покушать бутерброды. Потом Он шел к себе и занимался до завтрака. После завтрака Государь шел во двор и гулял или трудился физически до сумерек. После этого Семья в 5 часов пила чай. После чая Государь читал в кабинете до ужина.

Императрица вставала позже других, в разное время. Иногда Она вставала, как и Все, но долго не была готова для выхода к посторонним. Она иногда выходила только к завтраку. В это время у себя Она иногда занималась с Детьми, что-нибудь работала. В хорошую погоду Она выходила гулять во двор. Она занималась чаще всего ручной работой: вышивала или же рисовала. Когда никого не было в доме, и Она оставалась одна, Она играла на пианино.

Завтрак и обед был хороший. За завтраком было в первые дни суп, рыба, мясо и сладкое. После завтрака наверху был кофе. Обед был такой же, как и завтрак, но подавались еще фрукты.

За обедом, если обедала Императрица, сидели так. Посредине стола Государь, а против Государя Императрица. Справа от Государя Гендрикова, а рядом с ней – Мария Николаевна. Слева от Государя сидела Шнейдер, дальше Долгоруков. Справа от Императрицы – Алексей Николаевич, а рядом с ним – Ольга Николаевна. Слева от Императрицы – Татищев, а рядом с ним – Татьяна Николаевна. На углу стола сидел Жильяр, а против него – я и Анастасия Николаевна. Если Императрица обедала у Себя, то Ее место занимала Ольга Николаевна.

Обедал с Семьей всегда Боткин. Он завтракал у себя в семье, а обедал с Августейшей Семьей. Так он делил себя между своей семьей и Ими. Он сидел между Ольгой Николаевной и Алексеем Николаевичем. По праздникам иногда приглашался доктор Деревенко и его сын Коля.

Обед готовил повар Харитонов¹⁴². Стол был хороший, и всего было довольно.

Кроме обеда и завтрака, два раза был чай. Утренний чай Государь пил у себя в кабинете с Ольгой Николаевной. Вечерний чай всегда был в кабинете Государя, где пила чай только Семья.

Когда я приехал в Тобольск, там были комиссары: Панкратов и Никольский. Панкратов был не плохой, но он был слабый, и на него влиял Никольский.

¹⁴² **Харитонов Иван Михайлович** (1870—1918), повар Царской Семьи. Старший сын в семье чиновника Министерства Императорского Двора Михаила Харитоновича Харитонова (1837—1913), получившего за заслуги орден св. Владимира и личное дворянство. Двенадцати лет определен отцом на кухню в качестве поваренка-ученика. В дальнейшем обучался в Петербурге и Париже (во время обучения в Париже выучил французский язык, на котором затем свободно говорил). Работал в одном из лучших ресторанов С.-Петербурга, участвовал в приготовлении и поставке обедов к Царскому Двору. Его узкой специализацией были первые блюда, поэтому он назывался «повар-суповик». Был включен в число поваров императорской кухни. В 1911 г. назначен старшим поваром при Императорском Дворе. Женился по любви в 25 лет на бесприданнице Евгении Андреевне. Сопровождал Государя во всех его поездках за границу. Добровольно уехал с Царской Семьей в Тобольск, а оттуда в конце мая 1918 г. сопровождал Августейших детей в Екатеринбург. Жена и пятеро детей следовали за ним. Находился в Ипатьевском доме. Был расстрелян вместе с царственными узниками и их слугами в ночь на 17 июля 1918 г. 1 ноября 1981 г. Русской Православной Церковью Заграницей канонизирован как святой мученик Иоанн. В 1928 г. его младшая дочь Екатерина вышла замуж за кадрового военного Михаила Харитоновича Мультиатули. Их сын Валентин родился в 1929 г. Стал филологом и театроведом. По его воспоминаниям, не было дня, чтобы его бабушка Екатерина не брала в руки Евангелие, на внутренней стороне которого была надпись: «Харитоновой с семьей. Александра». Это был подарок на Рождество 1918 г. Это Евангелие, а также дневники Екатерины остались в Ленинграде в разбомбленном во время блокады доме на Таврической улице. Правнук Ивана Харитонova – Петр Валентинович Мультиатули (р. 1969) – историк, автор книг: *Господь да благословит решение мое...* СПб., 1998; *Император Николай II во главе действующей армии и заговор генералов*. СПб., 2000; *Свидетельства о Христе до смерти...* СПб., 2006 и многие др.

Панкратов не делал нам никаких стеснений. Государь разговаривал с ним, и Панкратов рассказывал Ему много интересного про Сибирь, куда он был сослан. Государь относился к нему немножко с иронией и называл его «маленький» человек: он имел маленький рост. А Никольский был грубый, и Они его не любили. Я не помню, причинял ли Никольский Им стеснения, и не помню, плакал ли однажды и по какому поводу от него Алексей Николаевич. Никаких комиссаров к нам не пускалось при большевиках. Кажется, какие-то комиссары приезжали, но солдаты их не признавали. [...] Лично про каждого в отдельности из Особ Августейшей Семьи я могу сказать следующее.

Ольга Николаевна имела, кажется, 23 года. Блондинка, самая светлая из всех.

После болезни Она сильно похудела. У Нее были чудные глаза: голубые, и Она вся была видна в Ее глазах. Она была справедливая, прямая, честная, простая, добрая, откровенная. Она была вспыльчива и имела несколько жесткие манеры. В Ней чувствовался честный человек. Она была отличный музыкант. В этом она имела способности. Она импровизировала. Я не думаю, чтобы Она писала стихи. Стихи, как мне кажется, писала Гендрикова, имевшая к этому способности. Ольга Николаевна была очень скромная. Она любила скромность и в костюмах и не занималась собой или мало занималась. Душой Она больше походила на Отца. Она была очень религиозна. Она, как мне кажется, больше любила Отца.

Татьяна была очень худенькая, как редко видишь, 21 года, высокая, темнее всех, элегантная. Глаза ее были темно-серые. Своими глазами Она отличалась от всех своих сестер. У тех вся душа была видна в глазах. У Нее – нет. Она была замкнутая, гордая, не откровенная. Но Она была самая обстоятельная. Она была также религиозна. Но у Ольги Николаевны религия была в душе, а у Татьяны Николаевны: так надо, от чувства долга. Она была всегда озабоченная и задумчивая. Но нельзя было понять, о чем Она думала. Она играла на пианино. И Она играла лучше всех, но лучше технически, а не душой. В ее игре был слышен техник, но не Ее душа. Она хорошо рисовала и вышивала. Она была самой доверенной дочерью у Матери, и Мать, вероятно, любила Ее больше других, как и Она больше всех любила Мать. Если нужно добиться чего-либо, то тогда нужно было делать это через Татьяну Николаевну.

Марья Николаевна была сложена из широкой кости. Она была очень сильная и меня, например, Она поднимала с земли. Она была светлее Татьяны и темнее Ольги (у Ольги Николаевны волосы были коричневые с золотистым оттенком, а у Марии Николаевны – с светлым). У Нее были очень красивые светло-серые глаза. Она была очень красивая, но сильно похудела после болезни. Она имела большой талант к рисованию и всегда рисовала. Играла Она на пианино, но плохо. Она была менее способная, чем Ольга и Татьяна. Она была нетребовательная, простая. Это была бы хорошая жена и мать. Она очень любила детей. Она была несколько с ленцой. В Тобольске Ей нравилось, и Она мне говорила, что в Тобольске она с удовольствием бы осталась. Я затрудняюсь сказать, кого Она больше любила: Отца или Мать.

Анастасия Николаевна имела 16—17 лет, была низенькая, полная и, одна из всех, не грациозная. Она была немного светлее Марии Николаевны, но волосы Ее не были волнистыми и мягкими, а прямыми и спереди несколько как бы стояли. Ее глаза были серые, красивые, нос не имел никакой горбинки. Если бы Она выросла и похудела, Она была бы самая красивая. Она была очень тонкая, удивительно остроумная, весьма сдержанная. Она была настоящий комик. Всех Она смешила. Сама никогда не смеется. Только глаза блестят. Болезнь на Ней нехорошо отразилась. Она как бы остановилась в развитии, и Ее способности несколько потускнели. Она играла на пианино и рисовала. Но Она находилась в периоде обучения. Немножко Она была с ленцой.

Алексей Николаевич для своего возраста был высокий, очень худенький, болезненный, много страдавший Мальчик. Болезнь Его – известная болезнь Гессенская. В Тобольске Ему было хуже, потому что не было тех способов лечения, как в Царском. Он был веселого нрава, резвый Мальчик. Он очень любил животных и имел доброе сердце. На Него можно было дей-

ствовать, действуя, главным образом, на Его сердце. Требования мало на Него действовали. Он подчинялся только Императору. Он был умный Мальчик, но не особенно любил книги. Мать любила Его безумно. Она старалась быть с Ним строгой, но не могла, и Он большую часть своих желаний проводил через Мать. Неприятные вещи Он переносил молча, без ропота. Он был добрый и в последнее время один из всех любил дарить что-либо. Имел некоторые фантазии: собирал в Тобольске старые гвозди: пригодится на что-нибудь.

Княжны знали хорошо английский язык и французский, плохо немецкий. Алексей Николаевич по-немецки совсем ничего не знал. Его не учили немецкому языку. Отец говорил с Ними по-русски. Мать – по-английски, по-французски.

Государыня была раньше очень красивая, грациозная. Но Она имела больные ноги. Я очень удивился, когда увидел Ее в Тобольске: Она сильно постарела, и у Нее было очень много внизу головы седых волос. У Нее были замечательно мягкие, серые глаза. Она была умная. Но Она издали казалась умнее, чем вблизи. Она была самоуверенная. Она не была гордая, в грубом значении этого слова, но Она постоянно сознавала и никогда не забывала своего положения. Поэтому Она всегда казалась Императрицей. С Ней я никогда не мог чувствовать себя просто, без стеснения. Но я очень любил быть с Ней и говорить. Она была добрая и любила добрые дела. Без цели Она никогда не работала. Она любила «домашние тайны»: что-нибудь приготовить в виде подарка, чтобы раньше этого не знали. Немку в Ней я чувствовал: Она была более бережлива, чем англичанка. Она любила Россию и считала себя русской. Больше всего Она боялась потерять Россию. Сколько раз за царствование Императора Она была в Германии? Про Императора Вильгельма я от Нее не слышал отзывов. Она была искренне религиозна по-православному и искренне веровала. Для Нее самое дорогое было – семья, а потом Православная Церковь. Религиозность Ее была вообще нормальна, а не питалась истеричностью Ее. Характер у Нее был более властный и твердый, чем у Императора, и Она Его подчиняла. Но Она так сильно и глубоко Его любила, что, если только Она заранее знала, что Его желание иное, Она всегда подчинялась. Я никогда не видел борьбы между Ними. Очевидно было, что Она была против отречения Его от Престола. Она никогда Его за это не упрекала. Она любила Его как мужа и отца и любила только одного Его. Это совершенно ясно было каждому, кто был близок к Ним. И в голову никому не могло прийти, чтобы Она способна была стать Ему неверной женой. Это была идеальная пара супругов. Они никогда не расставались, и редко встретишь, особенно в России, такую пару супругов, которые бы так скучали друг по другу, когда Им приходилось расставаться. Государь поэтому и брал с собой Алексея Николаевича в Ставку: это было заменой Жены и вообще Семьи.

Государь был очень хорошо воспитан. Он говорил правильно по-английски (и писал), по-французски и, не могу судить, как – хорошо или плохо – по-немецки. Он был очень аккуратен и терпеть не мог, чтобы у Него переставляли Его вещи.

У Него была великолепная память. Он не особенно любил легкие книги и много читал по общественным наукам, в особенности по истории. Он производил по своей сущности впечатление человека глубоко честного. Он был очень добрый, и сердце Его было жалостливо. Он любил животных, и они Его. Он был очень простой, но сдержанный. Фамильярности Он не любил. Характером Он был веселый и любил разные игры. Любил Он побеседовать и заходил для беседы с солдатами в дежурную комнату, где просто сидел с солдатами и разговаривал. Он глубоко любил Родину и страдал за нее в период революции. После большевистского переворота ясно чувствовалось, что Он страдает не за Себя лично, а за Россию. Он был охотник и любил охоту, но я не знаю, какие ее виды. Это была идеальная в отношении друг к другу семья, совершенно редкая» (*Российский архив VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.* М., 1998. С. 104—108, 114—118)¹⁴³.

¹⁴³ Гиббс беседовал со следователем А. Н. Соколовым на русском языке. Тот факт, что Гиббс давал показания на неродном

Четверо детей снова стали ученикам Гиббса: три младшие Великие Княжны и Алексей Николаевич. В течение долгих лет он хранил две дешевые тетради из Тобольска, каждая подписана: «English». «M. Romanof» [Мария Николаевна] аккуратно написала свое имя на одной обложке. Другая тетрадь принадлежала Анастасии Николаевне. На обложке значилось: «A. Romanova (*Shut-Up!*) Tobolsk 1917—1918». (А. Романова (Молчать!) Тобольск 1917—1918 – **англ.**). Однажды, когда Гиббс вышел из себя, Великая Княжна Анастасия Николаевна, самая разговорчивая из сестер, воспользовалась ситуацией. Когда англичанин велел ей замолчать, она спросила, как это пишется, и взяла фразу себе за прозвище. Великие Княжны, в распоряжении которых были только брызгающие, царапающие бумагу перья, писали удивительно похоже. Это был крупный, тяжелый почерк с сильным наклоном вправо. Анастасия Николаевна начала вести тетради в октябре, вскоре после приезда Гиббса. В них она писала диктанты и «сочинения». Мария Николаевна, главным образом, занималась переложением стихов в прозу. Так, она писала, что атаман острова Ульва обещал лодочнику «*кучу денег*» за то, чтобы он перевез их через воду. Мод Мюллер в стихотворении Уиттера¹⁴⁴ вышла замуж не за судью, а за «*крестьянина*» и «*имела много детей, которыми сама занималась*». Прекрасная невеста позаботилась, чтобы колокола не звонили в тот вечер. Мария Николаевна также пересказала стихотворение Роберта Браунинга¹⁴⁵ об Эрве Риле, французском рыбаке, жившем в XVII веке. «Все французы забыли своих героев и больше не говорят о них», – говорилось в изложении Великой Княжны. В тетради Марии Николаевны можно было найти даже историю «*тростникового стула*» и «*старого кресла*» поэтессы Элизы Кук¹⁴⁶.

Почерк Анастасии Николаевны разобрать несколько сложнее, чем почерк старших Великих Княжон. На страницах ее тетрадей встречаются имена следующих персонажей: «*the young knight Lochinvar who was very brave*» (молодой рыцарь Лончинвар, который был очень храбрым — **англ.**); король Сицилии Роберт: «*He turned back and asked the priest who was sitting behind him what did those words mean. The clerk answered: «He has put down the mighty from their seat and has exalted them of low degree»*» («Он повернулся и спросил священника, сидящего позади него, что означали эти слова. Клирик ответил: «Он низложил могущественных мира сего и возвеличил их низким положением»¹» — **англ.**). Далее по тексту следуют тропы и фигуры речи или непереводаемая игра слов. И еще: «*Three fishers were lost in the roaring «waves»*» («Три рыбака потерялись в ревущих «волнах»» — **англ.**); мужчины должны работать, а женщины должны рыдать. Мэри звала скот домой. Эвелин Хоуп «*lying in the cofen, very pretty*» («лежала в гробу, очень хорошенькая» — **англ.**).

Неожиданно, после нескольких страниц диктантов и изложений, написанных с очаровательной наивностью, орфографическими ошибками и испещренных исправлениями Гиббса, появляется фрагмент собственного творчества Великой Княжны. Анастасия написала небольшое – примерно на страницу – сочинение в форме письма другу об их путешествии на поезде из Царского Села в Тюмень. Гиббс проверил работу и исправил ошибки. Ниже приведен текст сочинения, написанного Анастасией Николаевной морозным зимним утром в Сибири:

«My dear Friend. I will describe to you who [how]¹⁴⁷ we travelled. We started in the morning and when we got into the train I went to sleap [sleep], so did all of us. We were very tierd [tired] because we did not sleap [had not slept] the whole night. The first day was hot and very dusty. At the stations we had to shut our window curtanse [curtains] that nobody should see us. Once in the evening I was loking [looking] out of the window we stoped [stopped] near a little house, but there

языке, объясняет некоторую неточность в соблюдении правил русской грамматики и стилистики.

¹⁴⁴ Уиттер, Джон Гринлиф (1807—1892), поэт эпохи американского романтизма.

¹⁴⁵ Браунинг, Роберт (1812—1889), английский поэт и драматург.

¹⁴⁶ Кук, Элиза (1818—1889), английская поэтесса.

¹⁴⁷ Любопытно отметить, что в письме допущено много грамматических ошибок, которые были исправлены ее учителем Ч. С. Гиббсом. В квадратные скобки мы поместили английские слова в правильном написании. – **Прим. ред.**

was no staition [station] so we could look out. A little boy came to my window and asked: „Uncle, please give me, if you have got, a newspaper.“ I said: „I am not an uncle but an anty [aunty] and have no newspaper.“ At the first moment I could not understand why did he call me „Uncle“ but then I rememberd [remembered] that my hear [hair] is cut and I and the soldiers (which where standing next to me) laught [laughed] very much. On the way many funy [funny] things had hapend [happened], and if I shall have time I shall write to you our travell father on [further on]. Good by [bye]. Dont forget me. Many kisses from us all to you my darling. Your A».

«Мой дорогой друг, я расскажу тебе о нашем путешествии. Мы отправились с утра, и когда сели в поезд, я, как и все, пошла спать. Мы очень устали, потому что не спали всю ночь. В первый день было жарко и очень пыльно. На станциях мы вынуждены были закрывать занавески на окнах, чтобы нас никто не увидел. Однажды вечером я выглядывала из окна, мы остановились возле маленького домика, но там не было станции, так что мы могли выглядывать. Маленький мальчик подошел к моему окну и спросил: „Дядя, дайте мне, пожалуйста, если у вас есть, газету“. Я сказала: „Я не дядя, а тетя, и у меня нет газеты“. В первый момент я не могла понять, почему он назвал меня „дядя“, но потом я вспомнила, что мои волосы отрезаны, и я, и солдаты (которые стояли рядом со мной) очень смеялись. По дороге происходило много смешных вещей, и если у меня будет время, напишу тебе о нашем путешествии позже. До свидания. Не забывай меня. Все тебя целуем, моя дорогая. Ваша А.».

Глава XII

Сибирская зима

В то время как Великие Княжны писали диктанты и постигали премудрости английского синтаксиса на уроках с Гиббсом, в Петрограде, где короткие серые ноябрьские дни сменялись холодными ночами, Временное правительство России исчезло навсегда. Однако период безвластия продлился лишь семь месяцев. Большевики преуспели во всем, и в конце августа генерал Корнилов, Верховный главнокомандующий, решился на отчаянный ход – отправку в Петроград кавалерийских корпусов, чтобы сокрушить Петроградский Совет. Он намеревался ввести военную диктатуру, во главе которой стоял бы он сам (хотя Керенский оставлял за собой кресло в правительстве). Социалист Керенский, боясь давления со стороны правых сил, попросил Совет посодействовать ему. Соглашение, которое они заключили, предполагало освобождение Льва Троцкого и других видных большевиков. Дальнейшие события развивались с поразительной быстротой. Конница генерала Корнилова сразу поладила с недавно сформированными частями красногвардейцев. Они просто посмеялись, как и солдаты из письма Анастасии¹⁴⁸, когда Керенский потребовал возвратить предоставленное им оружие. Большевики обеспечили себе большинство в Петроградском Совете. Ленин, все еще находясь в Финляндии, отправил очередную телеграмму: «История не простит нам, если мы не возьмем власть теперь». В октябре этот плотный коренастый человек с круглой головой и маленькими татарскими глазами вновь прибыл в Петроград. Как раз тогда, когда переодетый Ленин вернулся в город, Центральный комитет большевиков проголосовал большинством голосов (лишь двое высказались против) за немедленное восстание. В назначенный день, 24 октября / 6 ноября, ключевые пункты в Петрограде сдались практически без сопротивления, в то время как жизнь в столице, в целом, шла своим чередом. В то утро крейсер «*Аврора*» поднялся вверх по Неве и стал на якорь у Зимнего Дворца. Над ним развевался красный флаг. На следующий день из Петрограда выехал открытый автомобиль. Он вез маленького человека с квадратным лицом, коротко подстриженными волосами и огненным взором. Это был Керенский, который направлялся к армии на юг. В ранний час 26 октября / 8 ноября остальные члены Временного правительства сдались. Керенский, не получив поддержки, скрывался шесть месяцев и, в конце концов, бежал из страны через Мурманск. В течение остальных пятидесяти лет своей жизни ему никогда больше не довелось побывать в России.

Почта и газеты приходили в Тобольск нерегулярно, и это постоянно беспокоило Николая Александровича. День за днем в ожидании известий он просиживал у себя в кабинете, где на стенах висели портреты Императора Александра II и Царевича, но до него доходили только слухи и немного правды. Вот как это время вспоминал Жильяр:

«Одним из высших лишений во время нашего пребывания в Тобольске было почти абсолютное отсутствие известий. Письма доходили до нас очень нерегулярно и с большим опозданием. Что же касается газет, то мы были ограничены жалким местным листком, печатавшимся на оберточной бумаге, в котором публиковались только старые, запоздавшие на несколько дней телеграммы и чаще всего сокращенные и искаженные известия. Император, однако, с тревогой следил за событиями, происходившими в России. Он понимал, что страна неслась к гибели. Лишь однажды надежда возвратилась к нему, когда генерал Корнилов предложил Керенскому выступить на Петроград, чтобы положить конец агитации большевиков, которая становилась все более и более угрожающей. Его печаль была неизмерима, когда стало ясно, что Времен-

¹⁴⁸ См. письмо Великой Княжны Анастасии в конце предыдущей главы. – Прим. ред.

ное правительство отвергло это единственное средство спасения. Это была, как он понимал, последняя возможность избежать, быть может, угрожающей катастрофы. Я услышал тогда в первый раз, что Император пожалел о своем отречении от престола. Он принял это решение в надежде, что лица, которые желали его удаления, были способны успешно окончить войну и спасти Россию. Он опасался, чтобы его сопротивление не было причиной гражданской войны в присутствии неприятеля, и не пожелал, чтобы кровь даже одного русского была пролита из-за него» (**Жильяр П.** *Трагическая судьба Николая II и Царской Семьи/Петергоф, сентябрь 1905 г.* — Екатеринбург, май 1918 г. М., 1992. С. 140).

Когда Николай Александрович, наконец, получил большой пакет газет с полным, даже чрезмерно подробным описанием восстания, он, по словам Гиббса, был потрясен больше, чем когда-либо. Это был истинный террор: разве для этого он отрекся?

«Я никогда не видел Императора таким потрясенным», – вспоминал Гиббс. «На мгновение он был совершенно не в силах сказать или сделать что-нибудь, и никто не осмелился произнести ни слова. Затем постепенно вновь началась наша обычная жизнь, но с одним отличием. Все те, кто жил вне дома, должны были переехать туда, или их больше не впускали в дом. Надвигающаяся опасность была очевидна для всех, и это сильно нас сблизило».

Какое-то время в доме губернатора все оставалось так, как было изначально с момента заключения в нем Августейшей Семьи и некоторых членов свиты. Тогда у большевистского правительства были другие задачи, которые предстояло решить с помощью лозунгов и обращений. В ноябре 1917 года в одном из таких обращений, подписанном Лениным, говорилось:

«Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы, казахи и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все вы, мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями России! Отныне ваши верования и обычаи, национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете право на это, знайте, что Ваши права, как права всех народов России, охраняются всей мощью революции и ее органов. Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов... Вы сами должны устроить свою жизнь по своему образу и подобию! Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в собственных руках» (*Декреты Советской власти.* М., 1957. Т. I. С. 113—114).

Тобольск, небольшой город в российской глубинке, до поры до времени забытый, замерзал под снежным покровом зимы. В белом здании – доме губернатора на улице Свободы – несмотря на топившиеся печи, часто бывало холодно. В письме к Анне Вырубовой, с которой она была разлучена навсегда, Императрица Александра Федоровна писала:

«...Прошедшее, как сон! только слезы и благодарность. Мирское все проходит: дома и вещи отняты и испорчены, друзья в разлуке, живешь изо дня в день. В Боге все, и природа никогда не изменяется. Вокруг вижу много церквей (тянет их посетить) и горы. Волков везет меня в кресле в церковь – только через улицу – из сада прохожу пешком. Некоторые люди – кланяются и нас благословляют, другие не смеют. Каждое письмо читается, пакет просматривается... Поблагодари добрую Ек. Вик. от нас, очень тронуты. «Father» и Алексей грустят, что им нечего тебе послать. Очень много грустного... и тогда мы тебя вспоминаем. Сердце разрывается по временам, к счастью, здесь ничего нет, что напоминает тебя, – это лучше – дома же каждый уголок напоминал тебя. А дитя мое, я горжусь тобой. Да, трудный урок, тяжелая школа

страдания, но ты прекрасно прошла через экзамен. Благодарим тебя за все, что ты за нас говорила, что защищала нас и что все за нас и за Россию перенесла и перестрадала. Господь один может воздать... Наши души еще ближе теперь, я чувствую твою близость, когда мы читаем Библию, Иисуса Сираха и т. д. ... Дети тоже всегда находят подходящие места – я так довольна их думами. Надеюсь, Господь благословит мои уроки с Беби – почва богатая – стараюсь, как умею – вся жизнь моя в нем. Ты всегда со мной, никогда не снимаю твое кольцо, ночью надеваю на браслет, так как оно мне велико – и ношу всегда твой браслет...

Тяжело быть отрезанной от дорогих после того, что привыкла знать каждую мысль. Благодарю за всю твою любовь, как хотела бы быть вместе, но Бог лучше знает. Учиться теперь не иметь никаких личных желаний. Господь милосерд и не оставит тех, кто на Него уповаet...

Какая я стала старая, но чувствую себя матерью страны и страдаю, как за своего ребенка, и люблю мою Родину, несмотря на все ужасы теперь и все согрешения. Ты знаешь, что нельзя вырвать любовь из моего сердца и Россию тоже, несмотря на черную неблагодарность к Государю, которая разрывает мое сердце, – ведь это не вся страна. Болезнь, после которой она окрепнет. Господь, смилуйся и спаси Россию!...» (**Рассулин Ю. Ю.** *Верная Богу, Царю и Отчеству*. СПб., 2005. С. 211—212).

Вдали от городов, где жизнь проходила под лозунгом «Устраивайте вашу жизнь в полной свободе», бывший Император и его дочери, находясь под арестом, гуляли по пустому двору. Алексей Николаевич, милосердно избавленный от боли, ходил на лыжах или играл, собирая старые гвозди и куски веревок. Солдаты охраны из 2-го полка – редко из 1-го или 4-го¹⁴⁹ – иногда грубо вмешивались, а Никольский, непоколебимый, как скала, осматривал все вокруг, выискивая, к чему бы придраться. Однажды, когда для бывшего Императора прибыл из Петрограда ящик вина, посланный с разрешения Керенского, Никольский выбросил его нераспечатанным в реку¹⁵⁰. Другой ящик был пронесен незаметно. Подозрительный Никольский осмотрел весь дом, комнату за комнатой, но он не знал, что бутылки спрятали в корзину, а человек,

¹⁴⁹ Для охраны Царской Семьи был назначен Отряд особого назначения: «...этот Отряд под начальством полковника Кобылинского был составлен из отборных солдат трех гвардейских стрелковых полков: 1, 2 и 4-го в числе 337 человек с 7 офицерами» (**Панкратов В. С.** *С Царем в Тобольске*. М., 1990. С. 16). Кобылинский отмечал, «...что условия, в которые были поставлены солдаты 1-го и 4-го полков, были иные, чем условия, поставленные для солдат 2-го полка. Первые были одеты с иголочки, и обмундирование у них было в большом количестве. Солдаты 2-го полка, вообще-то худшие по своим моральным свойствам [...] были в грязной одежде, и обмундирования у них было меньше. Эта разница, как я скажу потом, имела впоследствии большое значение» (**Росс Н.** *Гибель Царской Семьи*. Ф/М., 1987. С. 292). Из воспоминаний Жильяра: «Солдаты 2-го полка с первых своих шагов проявили свои революционные амбиции; уже в Царском Селе они причиняли заключенным много неприятностей. Большевицкий государственный переворот только усилил их власть и наглость. Они добились учреждения „солдатского комитета“, который старался внести в наш режим новые ограничения и заменить постепенно своею властью власть полковника Кобылинского» (**Жильяр П.** *Трагическая судьба Николая II и Царской Семьи / Петергоф, сентябрь 1905 г. – Екатеринбург, май 1918 г.* М., 1992. С. 142).

¹⁵⁰ Из воспоминаний комиссара В. С. Панкратова: «За несколько дней до беседы с доктором Боткиным произошла довольно скверная история, которая чуть-чуть не разыгралась в драму. Из дворцового ведомства по просьбе бывшей Царской Семьи были посланы вещи, мебель и ковры, принадлежавшие бывшей Царской Семье. Сопровождать их командировали какого-то военного, который, по-видимому, даже плохо был осведомлен о том, что находится в ящиках, а дворцовое ведомство, не снесясь с Тобольском, где недель пять-шесть назад был винный погром, отправило несколько ящиков вина. Пока кладь шла в вагоне, все обходилось благополучно, но вот при перегрузке с железной дороги на пароход в городе Тюмени один ящик разбился, и из него запахло вином. Один из пассажиров, солдат-тыловик, сразу „унюхал“, как он потом рассказывал, сообщил своим товарищам, тоже тыловикам. По прибытии в Тобольск они пустили утку, что вино везется для офицеров Отряда особого назначения, охранявшего семью бывшего Царя. Ко мне явилось несколько солдат-тыловиков, в том числе и „унюхавший“, в сопровождении нескольких из нашего отряда. Выслушав, в чем дело, я распорядился послать офицера со взводом солдат охранять кладь на берегу, где она была сложена. „Унюхавшему“ тыловику очень это не понравилось. Он начал агитировать тут же против нашего отряда – особенно против офицеров» (**Панкратов В. С.** *С Царем в Тобольске*. М., 1990. С. 40—41). Вследствие чего образовалась толпа недовольных солдат. Чтобы их успокоить, комиссар Панкратов вызвал председателя Тобольского исполкома врача Варнакова и предложил ему отдать вино для больных и раненых, но он отказался. «В таком случае я сейчас же прикажу уничтожить вино. Единственная возможность сберечь его для больных в больницах исчезает... [...] Был составлен протокол, который я подписал. И все вино в присутствии начальника милиции, городского головы и под наблюдением моего помощника [Никольского] и одного офицера было выброшено в Иртыш» (*Там же*. С. 42).

несший ее, следовал за солдатами, немного от них отставая. Таким образом, Николай Александрович мог по-прежнему выпивать по бокалу вина за ланчем и обедом, однако запасы были довольно скудны, поэтому вино держали только для него.

В конце года, когда город был зажат в плотных тисках зимы, семье пришлось придумать какое-нибудь развлечение, чтобы коротать холодные вечера. Днем было проще. Тогда все могли убедить себя в том, что им следует придерживаться заведенного распорядка. У Великих Княжон и Алексея Николаевича уроки шли по три или четыре часа в день. Великая Княжна Ольга, слишком взрослая для школы, страдала от скуки больше остальных, поэтому она начала учить свою сестру Татьяну немецкому языку. Члены семьи могли совершать длительные прогулки, которые состояли в неизменном топтании на одном и том же участке снега. Николай Александрович, полный решимости использовать любую возможность для занятия физическим трудом, построил платформу на крыше теплицы. Другие мужчины помогли ему сделать к ней ступеньки. Императору, который больше всего страдал от жизни взаперти, понравилось сидеть там. Часто в середине дня Алексей Николаевич просил сыграть с ним в одну из своих любимых карточных игр «Тише едешь, дальше будешь», в которую играл, как правило, вместе с Жильяром или с Гиббсом против князя Долгорукова и мадмуазель Шнейдер. В конце почти каждой игры мадмуазель Шнейдер, относившаяся к этому слишком серьезно, клялась, что это – в последний раз. Алексей Николаевич не любил проигрывать. Он становился очень молчаливым и, когда началась следующая партия, начинал играть со сосредоточенным рвением.

В таких заботах проходил день. Но вечером всегда хотелось заняться чем-то еще. После обеда семья собиралась в большой комнате внизу, единственной по-настоящему уютной комнате в доме. Часто Николай Александрович читал вслух. Александра Федоровна играла несколько партий в безик с генералом Татищевым или занималась шитьем. Великие Княжны склонялись над своим рукоделием. Было довольно скучно, но Гиббс предложил другой способ заполнить вечерние часы. Почему бы не играть пьесы по воскресеньям вечером и не репетировать их в течение недели? Здесь он снова мог быть актером – стремление, которое он так и не утратил, – и к тому же еще и постановщиком. Среди его книг оказался сборник коротких английских сценок. Жильяр добавил несколько таких же сценок на французском. В качестве премьеры¹⁵¹ была исполнена одноактная пьеса Антона Чехова «*Медведь*», фарс (российская версия французского «водевиля»). Около тридцати лет назад этот спектакль с успехом шел в Москве и Санкт-Петербурге. В пьесе три действующих лица – «вдовушка с ямочками на щеках, помещица», «нестарый помещик» и «лакей Поповой, старик». Попова, вдова, в течение семи месяцев в глубоком трауре, скорбит по умершему мужу, как Оливия, героиня пьесы Шекспира, после смерти брата. Ее муж был должен деньги Смирнову, который сердито требует выплаты долга. Находясь, как она говорит, «не в настроении», она отказывается выплатить долг до приезда «приказчика». Смирнов выходит из себя. Сначала он исполняет несколько гневных монологов, а затем, когда спор переходит от денег к природе женщин, произносит неистовую речь в присутствии Поповой. За этим следует шумная ссора, в которую вовлечен даже лакей. Смирнов вызывает ее стреляться. «Стреляться, вот это и есть равноправность, эмансипация! Тут оба пола равны! Подстрелю ее из принципа!» Совершенно естественно, эта последняя сцена, полная фарса, заканчивается длительным поцелуем. Спектакль прошел с аншлагом

¹⁵¹ Автор ошибается. Первым из домашних спектаклей, поставленных членами Царской Семьи в Тобольске, была французская одноактная пьеса «Двое робких». Представление состоялось 14 января 1918 г. (по старому стилю). Спектакль «Медведь» по пьесе А. Чехова был действительно единственной постановкой на русском языке. Представление состоялось 18 февраля 1918 г. и было последним новым представлением. В последний раз – 25 февраля (4 марта уже было Прощеное воскресенье) – повторяли английскую одноактную комедию «Упаковка вещей». Всего было поставлено восемь коротких пьес, две из которых были показаны дважды. Сохранившиеся программки (их можно увидеть в книге *Письма царственных мучеников из заточения*, СПб., 1996) были самодельными, в одну восьмую листа писчей бумаги, написанными от руки. Указанные сведения нетрудно установить по изданию *Дневники Николая II и императрицы Александры Федоровны: в 2 томах* / отв. ред. и сост. В. М. Хрусталева. М., 2008.

в переполненной комнате в доме губернатора, с Николаем Александровичем, сумевшим достоверно передать гнев Смирнова (единственная роль, которую он сыграл), Ольгой Николаевной в роли Поповой и Марией Николаевной на замену.

Другие пьесы, для которых Николай Александрович и Александра Федоровна делали настоящие программки, были не такими блестящими. В репертуаре Гиббса нашлось несколько фарсовых сенок, одной из которых была «*The Crystal Gazer*» («*Гадальщица на магическом кристалле*» – англ.) Леопольда Монтегю¹⁵² (конец 1890-х годов). По вине нерадивых работников мнимая гадалка перепутала своих клиентов. Отсюда – комедия с множеством недоразумений о потерянной возлюбленной, которая на самом деле оказалась потерявшейся собакой. «Дело в том, – надменно говорит гадалка, – что я приняла Вас за другого человека. Если Вы настаиваете на визите без предварительной записи, я не в ответе за то, что Вам досталось чужое видение». И так далее. В спектакле приняли участие Великая Княжна Мария Николаевна, Гиббс, игравший гадалщика (в оригинале это была женщина), и пес Шот¹⁵³, изображавший потерявшегося пуделя. Гиббс вспоминал:

«После спектакля Императрица пришла за кулисы, чтобы поближе рассмотреть наш (в особенности мой) грим. Мне приклеили длинную белую бороду. И Императрица сказала, что в этом виде я напомнил ей епископа Уэйкфилдского, доктора Уолшингэма Хау¹⁵⁴».

Татьяна Николаевна играла вместе с Гиббсом в доброй пьеске Х. В. Эсмонта¹⁵⁵ «*In and Out of a Punt*» («*В плоскодонке*» — англ.) (1896 год).

По всей видимости, вечер, когда давали пьесу-фарс Гарри Грэттона¹⁵⁶ «*Packing Up*» («*Упаковка вещей*» – англ.), принес актерам наибольший успех:

«Довольно заурядный, но в тоже время очень забавный фарс. В этой комедии главную роль – роль мужа – исполняла Великая Княжна Анастасия, Великая Княжна Мария играла жену, а небольшая роль швейцара досталась Алексею Николаевичу. Спектакль имел такой оглушительный успех, что все просили повторить его снова. Мы согласились, и во второй раз

¹⁵² Оригинальная фарсовая комедия в одном акте Леопольда Монтегю (1861—1940) выходила несколько раз в конце XIX – начале XX века (например, в издательстве Самуила Френча в Лондоне выходила в 1890, 1893 и 1900 гг.).

¹⁵³ Первой собакой, о которой сохранились сведения, был Шот. Не ясно, какой она была породы. Ольга Николаевна пишет 18 октября 1914 г.: «Алексея Шот умер. Похоронили сегодня на островке, и у него теперь его брат, тоже Шот» (*Августейшие сестры милосердия*. / Сост. Н. К. Зверева. М., 2006. С. 34). Что стало с новым питомцем, долго ли прожил он у Алексея, – неизвестно. Из опубликованных писем и дневников царских детей, начиная с 1914 г. далее упоминается только одна собака Царевича – спаниель (по некоторым источникам спрингер-спаниель) Джой. Уезжая из Царского Села в ссылку в Тобольск, дети берут с собой трех собак. В путешествие отправились Джой, Ортипо и Джемми. Они всегда были с семьей и в дальнейшем стали почти единственной отрадой семейства. В письме от 17 ноября 1917 г. П. В. Петрову Великая Княжна Ольга Николаевна пишет: «Джой, Ортипо и Джем процветают. Двух первых приходится прогонять со двора, где они наслаждаются в помойной яме и едят всякую пакость» (*Письма святых Царственных мучеников из заточения*. СПб., 1998. С. 124).

¹⁵⁴ Хау, Уильям Уолшингэм (1823—1897), епископ англиканской церкви, сын адвоката из Шрусбери (Англия). Окончил школу в Шрусбери, Уэдхем Колледж в Оксфорде и Университетский Колледж в Дареме. В 1846 г. был посвящен в духовный сан и более 30 лет занимался активной приходской деятельностью в Уиттингтоне в Шропшире и в Освестри (был благочинным, 1860). Несколько раз отказывался от повышения, но его энергия и успех сделали его известным, и в 1879 г. он стал викарным епископом в Лондоне с титулом епископа Бедфордского. Он оживил церковную работу – основал Церковный фонд Восточного Лондона и заручился поддержкой большого числа энтузиастов (его популярность была огромной среди всех классов общества). Особенно он любил детей, и его даже называли «детский епископ». В 1888 г. стал епископом Вейкфилда. В 1863—1868 гг. опубликовал комментарии к четырем Евангелиям и книгу для подготовки к Таинству Причащения. Во многом ему помогала жена – Франсис Дуглас (скончавшаяся в 1887 г.).

¹⁵⁵ Эсмонт, Генри Вернон (1869—1922), английский актер и драматург. Начал свою актерскую карьеру в Лондоне, в 1889 г., где имел успех в нескольких комедиях. Писал пьесы, в которых играл вместе со своей женой Евой Мур. Его пьесы пользовались популярностью в Соединенных Штатах Америки, и девять из них были поставлены на Бродвее в 1899—1907 гг. Внезапно скончался в Париже от пневмонии.

¹⁵⁶ Грэттон, Гарри (1867—1951), британский сценический актер, певец, танцор, писатель, известный своей игрой в музыкальных комедиях. Написал сценарий и тексты песен для мюзикла «Хитчи-Ку» (1917), имевшего успех на Бродвее.

зрители принимали пьесу с не меньшим восторгом. Во время первого представления на Алексее Николаевиче был мой старый домашний халат, а мои твидовые брюки с голубыми подтяжками мы положили на кровать. Когда мы играли пьесу „на бис“, этот халат надела Великая Княжна Анастасия. Мой старый чемодан мы использовали как реквизит. Алексей Николаевич, игравший швейцара, уносил его со сцены. Игра детей с самого начала рассмешила зрителей, но особенно сильно они смеялись в конце представления, когда муж, упаковав свои брюки, распахивал халат, будто собираясь его снять, и восклицал: „Однако мы не можем ехать – я упаковал свои штаны“. Аплодисменты очень воодушевили Анастасию Николаевну. По тексту она должна была повернуться спиной к залу, распахнуть халат, вскрикнуть от удивления и, быстро повернувшись к публике, произнести эту реплику. Великая Княжна быстро отвернулась, чтобы зрители не видели, как она распахивает халат. Обнаружив, что она не надела брюки, Анастасия Николаевна поспешно запахла халат. Действие разворачивалось так стремительно, что никто не заметил, как полы халата каким-то образом раздуло, и когда Великая Княжна повернулась к зрителям спиной, все увидели, что халат сзади поднялся выше талии. Когда же она запахла халат, он стал торчком, открыв плотные ножки нашей дорогой Великой Княжны, облаченные в шерстяные кальсоны Императора. Зрители замерли, а секунду спустя, раздался громкий хохот. Император, Императрица, приближенные, слуги – все, кто был в комнате, – лежали на стульях, едва не задыхаясь от смеха. Бедная маленькая Великая Княжна сначала не могла понять, в чем дело, но, увидев, что произошло, она немедленно одернула злополучный халат. Благодаря этой сцене, спектакль удался на славу, и все принялись просить сыграть его еще раз. Однако после этого Великая Княжна, по понятным причинам, была более осторожна. Я всегда вспоминаю этот день, так как это был, вне всякого сомнения, последний раз, когда Императрица так радостно и беззаботно смеялась».

Пьер Жильяр внес свой вклад, пополнив репертуар короткой французской сценкой «*Accident de bicyclette*» («Случай с велосипедом» – фр.) о столкновении между французом и англичанином где-то в Булонском лесу и конфузе, произошедшем с англичанином. В начале весны 1918 года, когда условия содержания узников значительно ухудшились, Гиббс решил поставить отрывок из произведения У. А. Мэкерси: «*Крысы*»¹⁵⁷.

«Эту пьесу мы так и не поставили, но Алексей Николаевич успел выучить довольно большой кусок роли. К сожалению, когда наступил Великий пост, пьеса еще не была готова к постановке, а в пост мы не ставили спектаклей. Алексею Николаевичу очень нравилась его роль в этой пьесе, и мне было очень жаль, что Он не смог получить удовольствия от исполнения ее на сцене».

Гиббс рассказывал, что:

«В понедельник, во вторник, в среду и четверг мы слушали прекрасный канон св. Андрея Критского. Императрица снабдила каждого из нас копией канона на русском языке, чтобы мы могли следить за чтением».

Каждая книга в доме перечитывалась по несколько раз. Гиббс привез в Тобольск некоторое количество книг.

¹⁵⁷ Одноактный диалог, составленный У. А. Мэкерси. Впервые был опубликован в издательстве Самуила Френча в Лондоне в 1880 г. – Прим. ред.

«„Краткая история английского народа“ Джона Ричарда Грина¹⁵⁸ из моей личной библиотеки, – писал он. – Я взял ее с собой в Тобольск, поскольку ожидал ареста и думал, что если это действительно произойдет, это будет хорошее чтение. Когда мы были в Тобольске, Император сказал мне, что больше всего ему нравится история, и спросил, нет ли у меня какой-нибудь серьезной книги, которую он мог бы взять почитать. До этого я снабжал Николая Александровича и членов семьи лишь многочисленными легкими романами».

«Я немедленно предложил Императору эту книгу [„Краткую историю английского народа“]. Его Величество прочитал ее от начала до конца за два часа сразу же после завтрака. Закончил он к 11 часам, как раз к тому времени, когда семья отдыхала, и все дети собирались вместе. Стоит отметить, что Императору довелось читать эту книгу на рубеже 1917 и 1918 годов. Его Величество возвратил книгу, поблагодарив меня, и сказал, что прочел ее с большим удовольствием. Император добавил, что в молодости он читал много подобных книг, однако с тех пор у него не оставалось на это времени. Я очень хотел попросить Николая Александровича надписать ее для меня, но мне было неловко обратиться к нему с подобной просьбой, и поэтому книга осталась не надписанной».

Гиббс обернул книгу в номер французской газеты «Журналь де Деба», которая должна была приходить каждый день, но это редко случалось. Номер датирован четвергом 27 сентября, 1917 года. Семье также доставляли английские газеты «Таймс» – Император говорил, что эту газету семья получала всегда – и «Дейли телеграф». По словам Гиббса, семья просматривала только последнюю газету. Разумеется, для Гиббса также приходили номера «Таймс».

Среди легких книг, которые Гиббс дал почитать Императорской Семье, были романы «Девушка-гвардеец» («*The Maid of Arms*») Роберта У. Чэмберса, «Подопечные мистера Уичерли» («*Mr. Wycherley's Wards*») Л. Аллена Харкера, «Белый пророк» («*The White Prophet*») Холла Кейна, «Под красной мантией» («*Under the Red Robe*») Стэнли Дж. Веймана, «Белая голубка» («*The White Dove*») У. Дж. Локка, «Кумиры» («*Idols*») того же автора, «Дух одного народа» («*The Soul of a People*») Г. Филдинга Холла, «Рождественский гимн птиц» («*The Birds Christmas Carol*») К. Д. Уиггена. Романы «Ярмарка тщеславия» («*Vanity Fair*») У. М. Теккерея, «Старый собор святого Павла» («*Old St. Paul's*») Ульяма Харриса Энсворта и исторический роман Вальтера Скотта «Квентин Дорвард» («*Quentin-Durward*»).

В библиотеке Гиббса можно было также найти рассказы о животных Эрнеста Сетона-Томпсона: «Пути диких животных» («*Wild Animal Ways*»), «История чернобурой лисицы» («*The Biography of a Silver-Fox*»), «Большой Медведь, Король Таллакский» («*Monarch: The Big Bear of Tallac*»). И книгу детского писателя Тальбота Бейнса Рида «Пятый класс в школе св. Доминика» («*The Fifth Form at St. Dominic's*»), которая, как ни странно, тоже оказалась среди вышеперечисленных произведений.

У Гиббса в основном были лишь сокращенные тексты пьес Шекспира: «Шекспир. Избранные пьесы в сокращении» («*Shakespeare. Selected Plays Abridged*»), однако среди них нашелся полный текст пьесы «Как вам это понравится» («*As You Like It*»).

Кроме того, у англичанина имелись также: «Моя книга правдивых историй» («*My Book of True Stories*») – иллюстрированная книга для детей (Blackie & Son Ltd), «Моя книга о храбрых

¹⁵⁸ Грин, Джон Ричард (1837—1883), британский историк. Родился в Оксфорде. Стал священнослужителем (служил в Лондоне), свободное время посвящал историческим изысканиям. По состоянию здоровья в 1869 г. был вынужден оставить церковную службу и устроиться библиотекарем в лондонском районе Ламбет. Автор популярной «Краткой истории английского народа» (издана в 1874 г.), которая сразу вывела его в один ряд с самыми значительными историографами эпохи. В 1877 г. женился на Элис Стопфорд. Она помогала ему в написании новых книг. В этот период расширил свое первое исследование и составил четырехтомную «Историю английского народа» (увидела свет в 1880 г.). Скончался в Ментоне.

людях» («*My Book of Brave Men*») – картинки и рассказы для детей (Blackie & Son Ltd). А также «Молитвослов» (на русском языке) (С.-Петербург, Синодальная типография, 1908).

Алексею Николаевичу нравились следующие книги:

«Копи царя Соломона» («*King Solomon's Mines*») Генри Райдера Хаггарда — книга из моей личной библиотеки в Петрограде. Мы читали ее в Тобольске, начали вскоре после моего приезда. Его Высочество был в совершенном восторге и настоятельно просил, чтобы мы прочли его еще раз – так мы и поступили»;

«Записки о Шерлоке Холмсе» Артура Конан Дойля — действие этого тома заканчивается последней схваткой Холмса и Мориарти у Рейхенбахского водопада: «недорогое издание за 6 пенсов. Алексею Николаевичу очень нравилась эта книга, несмотря на то, что она была слишком сложна для него и не подходила для самостоятельного чтения. Иногда я читал ему это произведение вслух. Разумеется, мы читали и другие рассказы о Шерлоке Холмсе, но в Тобольске у меня этой книги не оказалось»;

«Выброшенные на берег» сэра Сэмюэля Бейкера («*Cast Up by the Sea*») – «я читал эту книгу Цесаревичу, и она очень ему понравилась. Его Высочеству было чрезвычайно интересно, что произойдет с Недом, а когда мы дочитали книгу до конца, он немедленно выразил желание начать сначала. Я читал это произведение во время, до и после Февральской революции. Алексей Николаевич тогда был болен и лежал в постели, и Императрица иногда сидела с нами».

У Гиббса были также книги из серии «Английская литература для детей»: а) «Айвенго», б) «Домби и сын»; в) «Дэвид Копперфилд», г) «Лондонский Тауэр».

«Роман «Айвенго» читали Великие Княжны Татьяна и Анастасия, я же читал его по очереди с Алексеем Николаевичем: одну часть – он, другую – я. Остальные произведения я в основном читал Цесаревичу вслух, когда он болел; книги нравились Ему в той последовательности, в которой они указаны выше.

Один из нескольких учебников – «*Junior Course of English Composition*» («Начальный курс грамматики английского языка» — **англ.**) Джона Несфилда. На форзаце надпись: «*Ольга. 5.11.1909 г. Царское Село. Четверг*». «Имя Ольга (Olga) написано по-английски, после даты стоит буква «g» (сокращенно – *года*), как принято писать по-русски, «Царское Село» написано по-русски, «*четверг (Thursday)*» — по-английски. В правом верхнем углу форзаца карандашом написана цена 1/6. Эта книга была доставлена мною в начале второго года учебы, 5 ноября 1909 года, чтобы мы могли заниматься по ней на моих уроках. По этой книге мы обычно учились именно по четвергам. Многие тексты в самом начале книги, по которым я давал диктанты, Великая Княжна помечала крестиком.

«*First English reader*» («Английский букварь» — **англ.**) Зоненшайна, издан Geo. Routledge & Sons Ltd. Одна из первых книг на английском языке, которую читал Алексей Николаевич. Цесаревич раскрасил картинку на странице 76.

«*Reading in Twelve month*» («Хрестоматия. Чтение на каждый день» – **англ.**) А. Зоненшайна, часть 1. Издана Geo. Routledge & Sons Ltd. Это мой экземпляр первой хрестоматии, которую читал Алексей Николаевич. Слово «shot» («выстрел, стрелок, вспышка») подчеркнуто на страницах 13 (здесь Цесаревич написал перевод этого слова), 14 и 16, так как его любимую собаку тоже звали Шот. Позже Шота¹⁵⁹ обнаружили в Екатеринбурге и отослали Императрице Марии Федоровне в Европу. 1, 2, 3, 5, 6, 8 и 9 тома этой же хрестоматии исчезли; по всей видимости, они находились в багаже Императорской Семьи.

¹⁵⁹ Здесь автор неверно указывает кличку собаки, которую обнаружили в Екатеринбурге после расстрела Царской Семьи. Там был обнаружен спаниель Джой. Более подробно – в сноске в главе XII. – **Прим. ред.**

«Хрестоматия по истории Кембриджа для юных читателей». Одна из тех книг, которые Великая Княжна читали в Царском Селе, а затем взяли с собой в Тобольск для Алексея Николаевича»¹⁶⁰.

В то время никто за пределами замкнутого мира узников не произносил слова «революция». Впрочем, об этом стали говорить все чаще. Гиббс был поражен, узнав, что люди, которые в случае революции лишились бы всего, пускаются в пустые рассуждения на этот счет. И вот она пришла, быстро и сокрушительно, как внезапная смерть к человеку, который лежал больным так много лет, что в его кончину уже и не верилось. Пока заключенные пребывали в непривычной, унылой изоляции в Тобольске, наступление революции стало уже вполне правдоподобным.

Существует молитва в стихах, сочиненная, предположительно, графиней Гендриковой, переписанная Великой Княжной Ольгой Николаевной, и сохраненная Гиббсом в английском варианте:

«Grant us thy patience, Lord,
In these our woeful days,
The mob's wrath to endure,
The torturers' ire;
Thy unction to forgive
Our neighbours' persecution,
And mild, like Thee, to bear
A bloodstained Cross.
And when the mob prevails,
And foes come to despoil us,
To suffer humbly shame,
O Saviour aid us!
And when the hour comes
To pass the last dread gate,
Breathe strength in us to pray,
Father, forgive them!

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И крест тяжелый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.
И в дни мятежного волненья,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и оскорбленья,
Христос Спаситель, помоги.
Владыка мира, Бог вселенной,
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной

¹⁶⁰ Полный список книг, найденных при осмотре дома Ипатьева, приведен в томе следственного дела об убийстве Царской Семьи, который принадлежал лично генерал-лейтенанту М. К. Дитерихсу (см. в конце издания).

В невыносимый страшный час.
И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов»¹⁶¹.

¹⁶¹ Стихотворение «Молитва» посвящалось Их Императорским Высочествам Великим Княжнам Ольге Николаевне и Татьяне Николаевне и принадлежало перу известного поэта Сергея Сергеевича Бехтеева (1879—1954). В 1903 г., закончив Александровский лицей, он издал сборник стихов, посвященный Государыне Императрице Александре Федоровне. Он был братом Зинаиды Сергеевны Толстой (1862—1961), которая поддерживала переписку с Царской Семьей. В октябре 1917 г. это стихотворение-молитва было послано через графиню А. В. Гендрикову Их Императорским Высочествам в Тобольск. Поэт Бехтеев и его близкие проживали тогда в г. Ельце. Из воспоминаний родной сестры поэта Екатерины Сергеевны: «От нашей сестры З. С. Т [олстой] мы получили адрес, как писать в Тобольск нашей дорогой Царской Семье. Несмотря на большевиков, на расстрелы, грабежи и безобразия, мы посылали наши открытки через комиссара Панкратова и Гендрикову дорогим Великим Княжнам. Две мои сестры сами относили открытки на почту, и мы имели счастье получать от Дорогих тоже открытки. Открытки доходили в полном порядке: чистенькие, несмятые. Наконец, ко дню тезоименитства Государя, 6 декабря, мы послали поздравительную телеграмму дорогому Имениннику. А 9 декабря мы имели величайшее счастье получить следующую телеграмму: „Сердечно тронут. Благодарят вас за поздравление. Гендрикова“. [...] Вспоминая нашу жизнь в Ельце, должна сказать, что большевики нас не трогали, несмотря на то, что все знали, что мы монархисты, даже когда наш брат Сергей прожил с нами целый месяц перед отъездом на Кавказ и мы распространяли его некоторые стихотворения» (**Невярович В. К. Певец Святой Руси.** СПб., 2008. С. 174—175).

Глава XIII

Письмо к мисс Джексон

К концу года большевики ужесточили условия содержания узников. В то же время разрабатывались различные планы спасения Царской Семьи, но все они были весьма неопределенными и трудноосуществимыми. То, что в теории казалось удачным, было сложно претворить в жизнь. И хотя многие монархические группировки работали над этим, у них не было никаких четких планов, а ненужное соперничество еще больше мешало им¹⁶². Многое, казалось,

¹⁶² «Когда Царская Семья находилась уже в Екатеринбурге, туда так же, как и ранее в Тобольск, посылались для ее освобождения отдельные люди и группы. Среди известных наиболее значительной была группа Малиновского—Ярцова. В это время заканчивался перевод туда из Петрограда Академии Генштаба. В числе слушателей ее находились офицеры: капитан Г. В. Ярцов и капитан Малиновский. Капитан Дмитрий Аполлонович Малиновский был послан монархистами из Петрограда для организации побега Царской Семьи. Удалось сначала собрать группу из пяти человек, а затем привлечь еще семь офицеров: капитана Ахвердова, капитана Мягкова, капитана Делингаузена, ротмистра Бартенева, капитана Дубинина, капитана Дурасова, капитана Семчевского, капитана Баумгардена, капитана Гершельмана. По-видимому, еще одним участником группы был офицер Соболев К. Л., судя по его показаниям следствию. Они установили связь с лицами, посещавшими дом Ипатьева, у них уже был план этого дома и схема размещения в нем членов Царской Семьи. Сведения им поставляли через мать капитана Ахвердова Марию Дмитриевну, его денщика по фамилии, видимо, Котов, доктора Деревенко и монахинь местного монастыря. Им удалось передать Царской Семье на пасху кулич, сделанный из найденной хорошей муки. А из продуктов их очень скромных тогда рационов они выделяли и передавали свой сахар. Однако освободить Царскую Семью им не удалось. В основном это было вызвано: отсутствием финансовой поддержки, тщательной организацией большевистской охраны Царской Семьи, а также гораздо большим количеством охраны по сравнению с малочисленностью группы. Следует учесть и наличие большого числа вооруженных большевиков в городе и его окрестностях. Большое значение имел и недостаток времени для детальной разработки плана побега. За два дня до взятия Екатеринбурга чехами 37 слушателей Академии ушли к чехам, в том числе и участники группы. Некоторые из них затем помогли следствию по делу об убийстве Царской Семьи: Малиновский, Ярцов, Бартенев, Соболев. Другая группа офицеров-монархистов в количестве около 20 человек была послана подпольной монархической организацией Маркова 2-го. С ней отправился и ранее посылавшийся в Тобольск офицер Седов. Во главе ее находился генерал Дмитрий Иванович Аничков, ранее занимавший должность начальника школы прапорщиков в Петрограде. Уехали они в Екатеринбург в конце июня 1918 г. Добирались по несколько человек. Прибыл туда лишь известный русский патриот П. Н. Шабельский-Борк. Остальные же почти все были арестованы в Перми. По документам он значился тогда комиссаром флотилии Шабельским, в следственном деле обозначен как Попов-Шабельский. В Екатеринбург он приехал лишь 16 июля (по новому стилю). А вскоре было объявлено об убийстве Государя...» (**Корнеев А.** *Русский вестник*. 28.05.2005). «В марте из Москвы в Тобольск прибыл В. Н. Штейн. Он привез Царской Семье 250 тыс. руб. от московской монархической организации. Часть этих денег, вероятно, дал бывший царский министр земледелия А. Кривошеин. В воспоминаниях А. Столыпина есть эпизод, как в дом его родственника Штейна, собиравшегося в Сибирь, ночью пришел Кривошеин, передал ему деньги со словами: «Бога ради, спасите Их!» (**Платонов А. О.** *История цареубийства*. М., 2001. С. 228). «По показаниям В. И. Гурко, А. В. Кривошеина, А. А. Трепова, Н. Д. Тальберга, Д. Б. Нейдгардта и князя А. А. Ширина-Шихматова, данным ими Н. Соколову, московские организации имели связь с Тобольском, и им удалось в период между январем и апрелем передать Их Величеству деньги через посредство генерала Татищева. Организации на месте, которая могла бы иметь решающее значение в деле спасения Царской Семьи, создать им не удалось» (**Марков С. В.** *Покинутая Царская Семья*. М., 2002. С. 474). Член тайной монархической организации впоследствии писал: «Выбор людей для связи у нас был ограничен: помимо особых качеств и личной преданности, надо было выбирать из числа людей, лично известных и пользующихся доверием Царственных узников. Среди лиц, окружающих Их, было очень мало тех, кто бывал при Дворе или во Дворце, другие же изменили или отвернулись от Царской Семьи. В течение зимы подготавливался план освобождения. Нашелся и верный шкипер дальнего плавания, который брался войти со своей шхуной в начале лета в устье Оби и в условленном месте ожидать прибытия беглецов. Разработан был план прекращения во время бегства телеграфной связи вдоль Оби и морского побережья. Постепенно к местам действия стягивались группы офицеров из Сибири и с Урала. В Петрограде была образована офицерская группа генерала З., которая должна была явиться на месте ядром спасательного отряда. [...] Неудачи в деле налаживания связи, а главное, недостаточность необходимых денежных средств привели к тому, что несколько месяцев были потрачены бесполезно, и к весне 1918 года подготовка операции была далеко не закончена. В это время пришла условная телеграмма из Тобольска о внезапном вывозе Государя, Государыни и одной из Великих Княжон и о предстоящем увозе остальных членов Семьи. Пришлось действовать ускоренно. Группа ген. З., составом в восемнадцать человек, была отправлена одиночным порядком по разным маршрутам к Екатеринбургу. Все офицеры выехали с чужими паспортами под вымышленными именами. Но и эти срочные отправки задержались из-за недостатка в деньгах» (**Платонов А. О.** *История цареубийства*. М., 2001. С. 228). «Поздней осенью 1917-го года мой однополчанин штабс-ротмистр Николай Яковлевич Седов был послан Марковым 2-м в Тобольск, дабы информировать его о создавшемся на месте положении» (**Марков С. В.** *Покинутая Царская Семья*. М., 2002. С. 475). «Седов не подавал вестей всю зиму, так что его сочли погибшим. Позднее выяснилось, что виновником его пропажи был Соловьев. Он сумел убедить Седова, что дело спасения Царской Семьи налажено, что все с согласия Государя подготовлено и что всякое постороннее вмешательство только повредит успеху» (**Платонов А. О.** *История цареубийства*.

зависит от некоего Бориса Соловьева¹⁶³, действовавшего из Тюмени. Этот авантюрист рекомендовал себя Александре Федоровне, так как был зятем Распутина. Его сложные шпионские игры оказались совершенно бесполезны. Кроме того, он вполне мог быть двойным агентом, работающим на большевиков (предавая лояльных монархии офицеров) и немцев. Соловьев был частью преступного мира, и его интриги никак не могли помочь Царской Семье, которая к тому времени уже привыкла жить иллюзорной надеждой на спасение.

В декабре, находясь в Доме губернатора, Гиббс написал письмо мисс Маргарет Джексон¹⁶⁴, которая жила в Лондоне в доме призрения для гувернанток, расположенном в районе Риджентс-парк. Это письмо англичанин отослал в Петроград, надеясь, что оно будет передано по дипломатической почте. Более тридцати лет назад в Гессен-Дармштадте мисс Маргарет Джексон учила принцессу Аликс Гессенскую, будущую Императрицу Александру Федоровну, для которой она всегда оставалась «Мэджи». Они постоянно переписывались: мисс Джексон интересовалась политикой, и Александра Федоровна охотно беседовала с ней на эту тему. Но в тот раз, как ни удивительно, мисс Джексон написал именно Сидней Гиббс. К этому вопросу он подошел осторожностью. Среди своих бумаг Гиббс хранил два или три текста – исправленные черновики и заключительный текст письма:

М., 2001. С. 228). «Н. Н. Родзевич, глава южнорусских монархических организаций, отправил в июле 1918-го года на средства Толстого-Маразли из Одессы в Екатеринбург своего доверенного человека для информации. Последний прибыл в Екатеринбург после 17-го июля, и никакого положительного результата его поездки не дала» (Марков С. В. *Покинутая Царская Семья*. М., 2002. С. 475).

¹⁶³ Соловьев Борис Николаевич (1893—1926), родился в Симбирске, сын казначея Святейшего Синода, действительного статского советника Николая Васильевича Соловьева (друга и почитателя Распутина). Поручик, участник Первой мировой войны. В дни февральского переворота использовался Императрицей как доверенное лицо для передачи ее писем Императору. В марте 1917 г. назначен обер-офицером для поручений и адъютантом председателя Военной Комиссии Временного комитета Государственной думы А. И. Гучкова. 5 октября 1917 г. женился на дочери Г. Е. Распутина Матрене (Марии). Их дети: Татьяна (1919—?) и Мария (1920—?). По поручению А. А. Вырубовой и монархистов осуществлял нелегальную связь с Царской Семьей в Тобольске. Состоял секретарем при банкире К. Ярошинском. В январе 1918 г. привез Царской Семье в Тобольск письма, посылки и деньги. Затем обосновался в Тюмени с целью подготовки освобождения Романовых. Осуществлял контроль и допуск своих сторонников в Тобольск, но в ряде случаев его роль оказалась роковой. По утверждению исследователя О. А. Платонова, его миссия в Тобольске имела под собой цель не допустить спасения Царской Семьи. Подвергался арестам как советскими, так и белогвардейскими властями. Давал свидетельские показания следователю Н. А. Соколову (29.12 и 31.12.1919 г.). С 1920 г. – в эмиграции вместе с женой. Врачался в правых монархических кругах в Германии. Скоропостижно скончался в Париже летом 1926 г. Оставил заметки и воспоминания.

¹⁶⁴ Джексон, Маргарет Хардкасл – «Мэджи» – (1837—1918), англичанка, родилась в Лондоне. Служила при леди Мод Герберт, но оставила свой пост из-за неожиданного перехода хозяйки в католичество. Была сначала гувернанткой при принцессе Луизе Маргарите Прусской, затем поступила на службу при Гессенском дворе в качестве наставницы и гувернантки принцессы Аликс (будущей Императрицы Александры Федоровны) и ее сестер. Дети ее обожали. При этом она пользовалась доверием у старшего брата Аликс – Эрнста Людвиг. Маргарет была убеждена в необходимости женского образования, что видно из того, как она обучала юных принцесс. После смерти матери принцессы Алисы королева Виктория обязала мисс Джексон посылать ей регулярные отчеты о своей работе. Она оказала большую помощь Аликс и ее сестрам в Новом дворце после смерти принцессы Алисы. Мисс Джексон была образованной женщиной либеральных взглядов, часто обсуждала вопросы политики даже с детьми, и через нее они познакомились со многими прогрессивными новыми идеями. «Она увлекалась лордом Биконсфилдом*», – писал в своих воспоминаниях родной брат Императрицы Эрнст Людвиг (*Ernst Ludwig, Grogerzog von Hessen und bei Rein. Erinneretes*. Eduard Roether Verlag, Darmstadt, 1983. P. 60). Ненавидела слухи и прививала детям такие черты характера, как, например, повышенное чувство ответственности, что оказало влияние на их дальнейшую жизнь. Сохранилось несколько ее фотографий, в том числе во время визита в Комптон, в Истборне, где она видна из-за кареты среди остальной свиты. Оставалась при детях до того времени, когда они выросли, и ушла на пенсию, когда принцессе Аликс было только пятнадцать лет и ее образование еще не было закончено. Казалось, что у нее к тому времени появилось то, что королева Виктория называла «плохим характером». Она стала сестрой церкви Св. Катерины с мая 1889 г. и проживала по адресу: округ Св. Катерины, 8, в доме для гувернанток на Риджентс Парк в Лондоне. Округ Св. Катерины состоял из трех маленьких домиков, одним из которых владела «Мэджи». По выходе на пенсию получила благодарность и льготы от королевы Виктории. В 1901 г. в Лондоне помогала принцессе Алисе Баттенберг готовиться к конфирмации. В книге баронессы Буксгевден приводятся письма принцессы Аликс до и после ее свадьбы, адресованные «Мэджи». Они обменивались корреспонденцией многие годы, из чего видно, что принцесса Аликс очень любила свою старую гувернантку. Мисс Джексон скончалась 28 января 1918 г. Это значит, что она, вероятно, не смогла бы вовремя получить письмо от Гиббса. Предположительно, похоронена на кладбище Кенсэл Грин в Лондоне. *Дизраэли, Бенджамин (1804—1881), лорд Биконсфилд, британский государственный и политический деятель, один из основателей консервативной партии.

«Уважаемая мисс Джексон,

Вы прочтете в газетах о множестве разных изменений, которые у нас произошли. В августе Временное правительство решило перевести нас из Царского в Тобольск, небольшой город, расположенный далеко в Сибири, в 300 верстах от ближайшей железнодорожной станции. Переезд уже осуществлен, и мы обживаемся на новом месте, в резиденции бывшего губернатора. Город сам по себе, пожалуй, лучше, чем можно было ожидать, но, тем не менее, ничем не примечательный. Он примостился у подножия крутого холма, на вершине которого высится главный собор с местной святыней, палаты архиерея и большое здание – нынешняя судебная палата. Хотя в городе проживает всего лишь 25000 жителей, в нем более двадцати церквей, и их шпили и колокольни, зачастую причудливой и любопытной формы, придают городу особую прелесть. Фасады церквей, как и положено, окрашены в белый цвет, крыши – в бледно-зеленый. Некоторые церкви увенчаны небольшим куполом с позолоченным крестом. Кресты, сверкающие в ослепительном свете северного солнца на фоне бледно-голубого неба, являют собой восхитительное зрелище.

Наш дом, или, скорее, дома, так как их два, – они стоят по разным сторонам улицы – лучшие в городе. Тот, в котором живет Семья, полностью изолирован. Рядом разбит небольшой садик. Двор расширили за счет участка дороги и обнесли забором как место для прогулок. Другой дом, стоящий почти напротив, занят правительственными должностными лицами и содержит помещения для свиты. Дом губернатора не очень большой, но комнаты светлые и приятные. Как почти во всех русских домах, поднявшись по главной лестнице, вы входите в приемную, по одну сторону от нее – кабинет, по другую – гостиная. Затем идет спальня и комната, в которой спят все четыре дочери. Последняя – светлая и уютная комната с четырьмя походными кроватями, рядом разложены личные вещи каждой из дочерей. У младшего своя комната, которая служит ему спальней и классной. От комнат сестер она отделена коридором. Столовая внизу, рядом с кухней, что очень удобно. Дни проходят однообразно, не считая воскресных дней, праздников, а также дней, им предшествующих, когда добрый старый священник, в чьем приходе мы живем, читает молитвы. По воскресеньям нам обычно разрешают ходить в приходскую церковь, присутствовать на богослужении и причащаться. В остальные дни молитвы читаются дома. Службы служатся очень хорошо и прочувствованно. Теперь есть даже небольшой хор, который поет, в самом деле, хорошо. По утрам мы обычно даем уроки младшим детям, затем идем на ланч, после чего все вместе гуляем и работаем на небольшом огороженном участке. Поскольку места очень мало, наши занятия не отличаются разнообразием; прогулки, пилка бревен и все такое прочее помогают занять время и дают необходимую для здоровья физическую нагрузку. К счастью, все держится хорошо и пребывают в хорошем настроении, несмотря на текущие события. О том, что происходит в мире, мы узнаем только из газет, которые в эти отдаленные места идут долго и с нерегулярными интервалами.

От Вас не было писем целую вечность! Вероятно, они просто не дошли. Попробуйте написать снова. Может быть, следующее достигнет места назначения. Расскажите обо всех, как они живут и чем занимаются. Я слышал, Дэвид вернулся из Франции, как здоровье его отца и матери? Что кузены, они тоже на Фронте?

Теперь стало очень холодно и выпал снег, хотя для этих краев холодная погода установилась удивительно поздно. Осень оказалась по-настоящему величественной и прекрасной. Еще неделю назад по утрам было очень темно, особенно когда мы шли к церкви через пустынный городской сад. Но теперь, когда часы перевели на час назад, уже становится довольно светло, прежде чем мы выходим из дома. Когда на улице сыро и темно, дует резкий холодный ветер, а через каждые несколько ярдов стоят солдаты, это производит несколько пугающее и гнетущее впечатление. Но радует то, что есть возможность ходить в церковь, потому что службы очень утешают. Совершает богослужение тот же самый священник, но ему еще помогает дьякон, а также хор. Все очень красиво и благоговейно. Служба длится чуть более часа, затем все

собираются и, при свете только что взошедшего солнца, отправляются в обратный путь, как правило, в том же порядке, в котором пришли».

На первый взгляд, это обычное письмо с нейтральными описаниями. Но почему же в таком случае Гиббс решил написать такое длинное письмо совершенно незнакомому человеку, с которым его не связывало ничего, кроме рода деятельности? В предпоследнем абзаце можно найти подсказку: «Я слышал, Дэвид вернулся из Франции, как здоровье его отца и матери?..» Дэвидом звали в своей семье принца Уэльского¹⁶⁵. Тогда становится ясно, что письмо, которое также содержало приблизительный план Дома губернатора, было, главным образом, от Александры Федоровны – об этом говорят некоторые фразы – и предназначалось королю Георгу¹⁶⁶ и королеве Марии¹⁶⁷. Таким образом, письмо, адресованное мисс Джексон, являлось, по сути, криком о помощи.

Ответа не пришло. Гиббс был обеспокоен этим. Семнадцать месяцев спустя, находясь во Владивостоке, он написал письмо не названному официальному лицу в Лондон. О содержании письма можно судить только по сохранившемуся отрывку его черновика:

«Британская верховная комиссия
Владивосток.
1 мая 1919 года

Сэр,

Находясь в Тобольске, куда я прибыл вместе с семьей последнего Императора, я написал по просьбе Ее Величества письмо. Оно было адресовано некоей мисс Джексон, однако в действительности предназначалось королю и королеве Англии. В то время для членов Императорской Семьи, как, разумеется, и для меня, связаться с внешним миром было весьма затруднительно, так как за содержанием писем, отправляемых нами, строго следили. Таким образом, по понятным причинам, Императрица не могла писать сама, и Ее Величество оказала мне честь, воспользовавшись моими услугами. Не будучи лично представленным мисс Джексон, я все же написал ей письмо, в котором постарался ознакомить ее с этими и некоторыми другими подробностями нашей жизни. Затем ее Величество попросила меня отослать его. Мы были уверены, что мое письмо, написанное соотечественнице в Англию, покинет дом, не вызвав подозрений. И в самом деле, позже я узнал, что оно благополучно достигло Петрограда. Письмо отправили из Тобольска 15 декабря 1917 года, а затем переслали с прочей корреспонденцией из Петрограда в Лондон на адрес дома призрения для гувернанток, расположенного в районе Риджентс-Парк. Императрица была убеждена, что мисс Джексон доставит письмо королеве, однако у меня не было возможности удостовериться, действительно ли оно было получено. Теперь я пишу к Вам с просьбой, навести справки на случай, если письмо все же не дошло до адресата».

На этом нить обрывается. В королевских архивах Виндзора нет сведений об этом письме. Однако в архивах есть и другие документы, имеющие отношение к Гиббсу, по которым можно

¹⁶⁵ **Дэвид, принц Уэльский** (1894—1974), старший правнук королевы Виктории по прямой мужской линии. После смерти деда, Эдуарда VII, 6 мая 1910 г. 15-летний принц автоматически стал наследником британского престола, а 2 июня 1910 г. его отец, Георг V, дал ему титул принца. После смерти отца 42-летний принц Уэльский был провозглашен королем Эдуардом VIII Великобританским и Ирландским и оставался таковым на протяжении 10 месяцев: с 20 января по 11 декабря 1936 г.

¹⁶⁶ **Георг V** – «Джорджи» – (1865—1936), король Великобритании и Ирландии, второй сын принца и принцессы Уэльских (позже Эдуарда VII и королевы Александры). Его мать приходилась родной сестрой Императрице Марии Федоровне. Георг V был очень внешне схож со своим двоюродным братом Николаем II.

¹⁶⁷ **Мария** – «Мэри» – (1867—1953), королева Англии, супруга английского короля Георга V.

судить о том, что королевская семья все же была заинтересована в нем и любой информации об августейших узниках.

Глава XIV

Место назначения неизвестно

Несмотря на все старания полковника Кобылинского, недовольные солдаты охраны в Тобольске стали проявлять все большую агрессию. Возмущенные скверной пищей и невыполненными обещаниями о прибавке к жалованью, они направили свой гнев против заключенных, живших в относительной роскоши. Е. С. Кобылинский вспоминал:

«Подшло Рождество. 25 декабря вся Августейшая Семья была у ранней обедни. После обедни начался молебен» (Росс Н. *Гибель Царской Семьи*. Ф/М., 1987. С. 297). В конце молебна дьякон по приказу «доброго старого священника¹⁶⁸», как его называл Гиббс в своем письме, прочел молитву по чину с многолетием Царствующему Дому, не возглашавшуюся после отречения Императора. «В этот же день, придя в церковь, – продолжал Кобылинский, – я обратил внимание, что солдат было больше, чем всегда. Чем это объяснить, я не знаю. Может быть, это потому произошло, что все-таки был большой праздник. Когда молебен стал подходить к концу, я вышел из церкви, чтобы приказать солдату созвать караул. Больше я в церковь сам не входил и конца молебна не слышал. Когда молебен кончился, и Семья вышла из храма, бывший там [комиссар] Панкратов сказал мне: «Вы знаете, что сделал священник? Ведь дьякон отхватил многолетие Государю, Государыне и вообще всем, именуя их так. Солдаты, как услышали это, подняли ропот». Вот из-за этого пустячного, но совершенно никому не нужного поступка о. Васильева и поднялась целая история. Солдаты стали бунтовать и вынесли решение: убить священника или, по крайней мере, арестовать его. Кое-как, с превеликим трудом, удалось уговорить их самим не предпринимать никаких репрессивных мер, а подождать решения этого дела в Следственной комиссии. Епископ Гермоген¹⁶⁹ тогда же услали о. Васильева

¹⁶⁸ **Васильев Алексей Павлович** (? —1930), священник, настоятель Благовещенской церкви в г. Тобольске. Назначен Тобольским епископом Гермогеном духовником Царской Семьи в период тобольской ссылки (осень 1917 – май 1918 гг.). Жена – Лидия Ивановна. Дети: Дмитрий, Александр, Георгий. Младший Георгий учился в Духовной академии в Петрограде и в то же время служил в Министерстве путей сообщения. Участвовал в установлении нелегальных связей монархистов между Петроградом и Тобольском. Приходил в губернаторский дом совершать богослужения. Царская Семья ему доверяла, и ее сношения с внешним миром в значительной степени осуществлялись через него. Перед отправкой Царской Семьи из Тобольска о. Алексею было поручено вынести чемоданчик с ценностями, принадлежавшими Августейшей Семье. При содействии начальника охраны полковника Кобылинского и служителя Александра Петровича Кирпичникова ценности были вынесены из охраняемого дома и скрыты от большевиков о. Алексеем вместе с женой и сыном Александром. Позднее вынесена также из охраняемого помещения Кирпичниковым шпага Цесаревича в золотой оправе, с рукоятью червленого золота. И ее было поручено хранить о. Алексею, который прятал ее в дымоходе, а во время обысков перепрятал под крыльцо Благовещенской церкви. После окончания гражданской войны о. Алексей подвергался гонениям от советских властей. В 1929—1930 гг. вместе с женой выехали из Тобольска в Омск к сыну Александру, покинувшему Тобольск еще в 1922 г. и находившемуся в Омске. О. Алексей умер в дороге, после продолжительной болезни, на станции Тара Тобольской губ. Оставшиеся ценности хранила его жена и сын Александр. В 1934 г. они были арестованы и находились под следствием, которое проводило Уральское ОГПУ в 1922—1941 гг. Репрессированы.

¹⁶⁹ **Гермоген (Долганёв Долганов) Георгий Ефремович**; 1858—1918), епископ Тобольский, священномученик. Выходец из богатой купеческой семьи. В 1892 г. принял монашеский постриг, в 1901 г. хиротонисан во епископа, в 1903 г. назначен епископом Саратовским и Царицынским. В 1911 г., будучи введен в заблуждение, позволил себе дерзкие выпады против Их Величеств по поводу их отношений с Распутиным. Отказался подчиниться воле Императора, за что был удален с кафедры и сослан в Жировицкий монастырь. После революции раскаялся и называл Царскую Семью «многострадальным святым Семейством». Есть свидетельства, что после убийства Распутина владыка, под воздействием бывшего ему видения, раскаялся в обличии Распутина. В 1917 г. назначен на Тобольскую кафедру. Во время заключения Царской Семьи в тобольском губернаторском доме тайно посылал царственным узникам просфоры, молитвы и благословения, поддерживал с ними переписку. В 1918 г., несмотря на запрет властей, провел крестный ход, во время которого безбоязненно открыто благословил царственных узников. За три дня до Пасхи был схвачен большевиками и доставлен в екатеринбургскую тюрьму. После полторамесячного заточения в июне 1918 г. в числе других пленников вместе с Отрядом карательной экспедиции тобольского направления, возглавляемым П. Д. Хохряковым, был отправлен на пароходе обратно в Тобольск для предания «публичному суду». На пути в Тобольск Хохряков узнал, что город захвачен белыми, и начал лично убивать пленников. В числе первых был

в Абалакский монастырь¹⁷⁰, пока не пройдет острота вопроса. Я поехал к нему и попросил дать другого священника. Был назначен соборный священник о. Хлынов¹⁷¹.

Этот случай, во-первых, совершенно разладил мои отношения с солдатами: они перестали доверять мне и, как им ни доказывал обратное, они стояли на своем: «А! Значит, когда на дому служба бывает, всегда их поминают». И постановили: в церковь совсем Семью не пускать. Пусть молятся дома, но каждый раз за богослужением должен присутствовать солдат. Едва мне удалось вырвать решение, чтобы Семья посещала церковь хотя бы в двенадцатые праздники. С решением же их, чтобы за домашними богослужениями присутствовал солдат, я бороться был бессилён. Таким образом бестактность о. Васильева привела к тому, что солдаты все-таки пробрались в дом, с чем до того времени мне удавалось благополучно бороться. [...]

Пошла демобилизация армии. Стали увольняться солдаты. Стали уходить и мои стрелки. Вместо уезжавших, солдат более старых годов, стали мне присылать из Царского пополнения, солдат более молодых годов и более развращенных там в самом котле политической борьбы.

епископ Гермоген. Как показали потом на следствии матросы парохода, пьяные большевики пытали его, а затем 16/29 июня 1918 г. живого, с привязанным к скрученным рукам двухпудовым камнем, утопили в р. Тура как раз напротив с. Покровского, родины Григория Распутина (ГФ ГАТО. Ф. 772. Оп. 2. Д. 5. Л. 108). Тело мученика прибило к берегу, и после ухода красных епископ был временно похоронен в ограде сельской церкви, а позднее его тело было торжественно перенесено в Тобольск и при огромном стечении народа погребено в пещере, где ранее почивали мощи святителя Иоанна (Максимовича), митрополита Тобольского и всея Сибири. «В дни заточения Царскую Семью поддерживал епископ Тобольский Гермоген, осознавший прошлую свою вину перед Государем. Примечательно, что, будучи утоплен большевиками, отпет он был на родине Распутина в Покровском, в храме, построенном иждивением Григория Ефимовича, с которым, как мы помним, в самый день его убийства чудесным образом примирился. Впоследствии тело умершего Владыки перевезли в Тобольск в Софийский Успенский собор, где оно простояло пять суток, не проявляя признаков тления. Священномученик был погребен в склепе, устроенном в Иоанно-Златоустовском приделе, на месте, где ранее почивали мощи святителя Иоанна Тобольского» (**Фомин С. В. Последний Царский святой.** СПб., 2003. С. 526). Определением Святейшего Синода Русской Православной Церкви от 31 марта 1999 г. Преосвященный Гермоген был канонизирован в лике новомучеников и исповедников Российских. Память – 16/29 июня и в день Собора новомучеников и исповедников Российских (в первое воскресенье после 25.01 / 7.02).

¹⁷⁰ Имеется в виду Свято-Знаменский Абалакский мужской монастырь.

¹⁷¹ **Хлынов Владимир Александрович** (ок. 1876—не ранее 1932), протоиерей, кандидат богословия, клирик Тобольской епархии. Родился в Екатеринбурге. В 1897 г. окончил Тобольскую духовную семинарию по I разряду, в 1901 г. – Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия и правом преподавания в семинарии. В 1901 г. назначен учителем греческого языка в Тобольское духовное училище. В 1902—1903 гг. преподавал арифметику в 3-м классе Тобольского епархиального женского училища. 14 сентября 1905 г. рукоположен во диакона, 18 сентября того же года – во священника, с назначением законоучителем Тюменского реального училища и настоятелем Александровской домово-церковной церкви училища. 23 февраля 1912 г. утвержден членом благочиннического совета градо-Тюменского благочиния на трехлетие 1912—1914 гг. В 1915 г. упоминается председателем Тюменского уездного отделения епархиального училищного совета. С 5 июля 1917 г. – настоятель Тобольского кафедрального собора. 16 июля того же года возведен в сан протоиерея. В июле 1917 г. вошел в состав Временного Совета Православно-церковного общества единения клира и мирян. Первый выборщик избирательного собрания, избравшего членов от Тобольской епархии на Всероссийский церковный Собор 1917—1918 гг. Епархиальным Съездом депутатов духовенства и мирян Тобольской епархии 1917 г. избран председателем епархиального Комитета Съездов духовенства и мирян. Был назначен на место уволенного священника о. Алексея (Васильева), который по требованию тобольского Совета рабочих депутатов был отстранен от церковной службы в губернаторском доме. Первый раз служил в соборном храме 1/14 января 1918 г. Из воспоминаний П. Жильяра: «Сегодня утром мы пошли в церковь, где служил в первый раз новый священник. Что же касается отца Василия (виновника происшествия, упомянутого в предыдущей главе), то он был сослан в Абалакский монастырь по распоряжению архиепископа Гермогена. [...] *Пятница, 18 января.* В 3 часа дня пришли священник и певчие. Четыре монахини, приходившие петь ранее, были заменены певчими из хора одной из тобольских церквей. Сегодня водосвятие, и новый священник в первый раз совершает богослужение у нас на дому. Когда Алексей Николаевич в свою очередь подошел приложиться к кресту, который держал священник, последний склонился над ним и поцеловал его в лоб» (**Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и Царской Семьи / Петергоф, сентябрь 1905 г.** — Екатеринбург, май 1918 г. М., 1992. С. 144). О. Владимир остался служить в губернаторском доме до увоза Царской Семьи в Екатеринбург. Через о. Владимира Государь просил передать владыке Гермогену (Долганову) земной поклон и просьбу простить его за отстранение от кафедры. В ответ владыка передал земной поклон и в свою очередь просил прощения. В 1918 г. упоминается председателем Совета Тобольского Иоанно-Димитриевского епархиального братства, председателем Правления пенсионной кассы, членом Попечительства о бедных духовного звания. В мае 1919 г. вновь избран председателем Совета епархиального братства. Находился на Соловках в 1920-х гг. После освобождения вернулся в Тюмень, где служил в церкви пророка Божия Илии. Арестован в 1930 г. В 1932 г. проходил по групповому делу архиепископа Синеокова-Андреевского (Тюменская обл., 1932 г.). В протоколе дела назван сподвижником епископа священномученика Гермогена (Долганова). Осужден в 1932 г. как член контрреволюционной организации «Союз Спасения России» и приговорен к двум годам ссылки в Северный край. Дальнейшая судьба неизвестна. Реабилитирован прокуратурой Тюменской области 12 января 1990 г.

Партия Писаревского стала расти все больше. Все больше и больше стало прибывать к нам большевиков. В конце концов, Панкратов – «маленький человек» как называл его Николай Александрович, – был объявлен под влиянием, конечно, агитации Писаревского «контрреволюционером» и изгнан солдатами. Он уехал. Уехал и Никольский. Солдаты же отправили в центр телеграмму, прося прислать к ним уже «большевистского» комиссара. Пока комиссар не ехал.

Не знали, к чему придаться. Решили: запретить свите гулять, пусть сидят все и не гуляют. Стал я доказывать всю нелепость этого. Тогда решили: пусть гуляют, но чтобы провожал солдат. Надоело им это, и постановили: каждый может гулять в неделю два раза, не более двух часов, без солдат.

Как-то однажды, желая проводить уезжающих старых, хороших солдат, Государь и Государыня поднялись на ледяную гору, устроенную для детей. Руководствуясь, конечно, одним чувством бессильной злобы, солдаты тотчас же срыли эту гору, мотивируя, однако, свой поступок тем, что кто-нибудь из посторонних может подстрелить их, а они будут отвечать.

Как-то однажды Государь надел черкеску, на которой у него был кинжал. Увидели это солдаты и подняли целую историю: их надо обыскать, у них есть оружие. Кое-как удалось уговорить эту потерявшую всякий стыд ватагу, что не надо производить обыска. Пошел я сам и просил Государя отдать мне кинжал, рассказав ему о происшедшем. Государь передал кинжал (его потом увез Родионов), Долгорукий и Жильяр передали мне свои шашки. Повесили мы их у меня в канцелярии на видном месте.

Я привел Вам слова Керенского, когда мы уезжали из Царского. Семья действительно ни в чем не нуждалась в Тобольске. Но деньги уходили, а пополнений мы не получали. Пришлось жить в кредит. Я писал по этому поводу генерал-лейтенанту Аничкову¹⁷², заведовавшему хозяйством гофмаршальской части, но результатов никаких не было“ (*Там же*. С. 297—298). В своей агонии Временное правительство забыло об обязательствах по содержанию тобольских узников. „Наконец, повар Харитонов стал мне говорить, что больше «не верят», что скоро и отпускать в кредит не будут. Пришлось мне обратиться к управляющему Тобольским отделением Государственного банка Черняховскому. Он посоветовал мне обратиться к купцу Янушкевичу, монархисту, имевшему в банке свободные деньги. Под вексель, за моей, Татищева и Долгорукого подписями, Янушкевич дал мне 20 000 рублей. Я просил, конечно, Татищева и Долгорукого молчать об этом займе и не говорить об этом ни Государю, ни кому-либо другим из Августейшей Семьи. Но все эти истории были мне тяжелы. Это была не жизнь, а сущий ад. Нервы были натянуты до последней крайности. Тяжело ведь было искать и «выпрашивать» деньги для содержания Августейшей Семьи. И вот, когда солдаты вынесли постановление о снятии нами, офицерами, погон, я не выдержал. Я понял, что больше нет у меня власти, и почувствовал полное свое бессилие. Пошел я в дом и попросил Теглеву доложить Государю,

¹⁷² **Аничков Дмитрий Иванович** (1866—?), генерал-лейтенант, заведующий хозяйством гофмаршальской части Министерства Императорского двора и уделов. Окончил Николаевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище и Академию Генштаба. Служил на командных и штабных должностях. Участник Русско-японской войны. Офицер лейб-гвардии Уланского Его Величества полка. С 1908 г. – в отставке. Позже по армейской кавалерии состоял в распоряжении Е. В. князя Сергея Георгиевича Романовского, герцога Лейхтенбергского. Генерал-майор, начальник школы прапорщиков в Петрограде. В 1917—1918 гг. – член организации В. М. Пуришкевича «Русский народный союз им. Михаила Архангела». В июне 1918 г. был послан во главе группы офицеров в Екатеринбург для спасения Царской Семьи. Был арестован. Позже в Добровольческой армии и ВСЮР. В эмиграции – в военном лагере на Галлиполийском полуострове (Турция). Интересно, что один из офицеров группы П. Н. Попов-Шабельский, встретившись в Мюнхене в июне 1921 г. со следователем Соколовым, рассказал: «В конце июня 1918 года в составе группы офицеров под начальством генерала Дмитрия Ивановича Аничкова я отправился в г. Екатеринбург для спасения Государя Императора и Его Семьи. Ехали мы пачками, и в Екатеринбург прибыл я один, а остальная группа почти вся была арестована в Перми» (*Российский архив. VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1920 гг.* М., 1998. С. 304). «Марков 2-й удостоверяет, что им была организована группа из 18 офицеров под начальством генерала Х., которая с конца июня 1918-го года стала концентрироваться в районе Екатеринбурга, но «из-за недостатка денег, препон со стороны большевистских застав группа генерала Х. только в июле месяце стала стягиваться к Уралу. Некоторые офицеры достигли Екатеринбурга 7 (20) июля. Но было уже поздно» (*Высший монархический совет. №121 от 28 апреля 1924 г.* С. 5).

что мне нужно его видеть. Государь принял меня в ее комнате. Я сказал ему: «Ваше Величество, власть выскальзывает из моих рук. С нас сняли погоны. Я не могу больше Вам быть полезным. Если Вы мне разрешите, я хочу уйти. Нервы у меня совершенно растрепались. Я больше не могу». Государь обнял меня за спину одной рукой. На глазах у него навернулись слезы. Он сказал мне: «Евгений Степанович, от себя, от жены и от детей я Вас очень прошу остаться. Вы видите, что мы все терпим. Надо и Вам потерпеть». Потом он обнял меня, и мы поцеловались. Я остался и решил терпеть.

Пришел как-то ко мне солдат 4-го полка Дорофеев (к этому времени физиономия отряда уже совершенно изменилась) и сказал мне, что у них было собрание отрядного комитета, и решили они комитетом, чтобы и Государь снял погоны, что для этого его и послали, чтобы вместе со мной пойти и снять их с Государя. Я стал отговаривать Дорофеева от этого. Вел он себя в высшей степени вызывающе, по-хулигански грубо, называя Государя «Николашкой». Я говорил ему, что нехорошо выйдет, если Государь не подчинится их решению. Дорофеев ответил мне: «Не подчинится – тогда я сам с него сорву их». – «А если он тебе по физиономии за это даст?» – «Тогда и я ему дам». Что было делать? Стал я говорить ему, что все это не так просто, что Государь наш – двоюродный брат английскому королю, что из-за этого могут выйти большие недоразумения, и посоветовал им, солдатам, запросить по этому поводу Москву. На этом я Дорофеева кое-как поймал, и с этим он от меня ушел. Телеграмму они дали. Я же отправился к Татищеву и через него просил Государя не показываться солдатам в погонах. Тогда Государь стал сверху надевать романовский черный полушубок, на котором у него не было погон.

Для детей были устроены качели, которыми пользовались, конечно, главным образом княжны. Во время караула 2-го полка, когда караульным был унтер-офицер большевик Шикун, солдаты вырезали штыками на качелях совершенно непозволительную похабщину. Государь видел это, и ее убрали» (*Там же*. С. 298—299).

Затем большевики в центре, вдруг вспомнив о Тобольске, телеграфировали из Петрограда, что в дальнейшем Царская Семья должна получать только солдатский паек, квартиру и отопление; никто не должен тратить больше 150 рублей в неделю. Чтобы выполнить это, Семье пришлось вести строгую экономию.

«Не помню, какого числа получил я телеграмму от комиссара над бывшим Министерством двора Карелина. В телеграмме говорилось, что у народа нет средств содержать Царскую Семью. Пусть она содержится на свои средства. Советская власть дает солдатский паек, квартиру, отопление и помещение. Это было, конечно, едва ли не самым главным ухудшением положения Семьи при большевиках. В телеграмме еще говорилось, что Семья не может тратить больше 600 рублей в месяц на человека. Распоряжение это ухудшило, конечно, стол Семьи. Оно отразилось и на положении лиц свиты. На свои средства Августейшая Семья содержать ее уже не могла. А если у кого-либо из нее не было личных средств, то эти лица должны были уходить» (*Там же*. С. 299). Около дюжины слуг пришлось уволить. За каждой трапезой подавали только два блюда: суп и мясо – никакого масла, сливок или кофе.

«По поводу суточных денег солдаты еще раз послали в Москву солдата Лупина, большевика. Вернувшись оттуда, он, конечно, в соответствующих красках рисовал положение в Москве и привез радостное известие для солдат: суточными будут удовлетворять не по 50 копеек, как было при Временном правительстве, а по 3 рубля. Ну, тут уже все солдаты стали большевиками: вот, что значит комиссары! Временное правительство по 50 копеек обещало, да и то едва получили, а комиссары по 3 рубля дают» (*Там же*. С. 299).

В начале апреля [н. с.] – новый приказ. Все должны покинуть дом Корнилова и перейти под охрану вместе с семьей. Единственным исключением были Гиббс, которому позволили

оставить соседнюю маленькую комнату, и доктора: Деревенко и Боткин. В доме стало очень тесно, однако Кобылинский все же изыскивал возможности оградить семью от неудобств. Баронессе Буксгевден, желавшей присоединиться к Александре Федоровне, было отказано в посещении семьи, и ей пришлось поселиться в городе. Позже ее квартира подверглась унижительному обыску¹⁷³.

«Этот же Лупин привез бумагу¹⁷⁴, в которой говорилось, что Татищев, Долгорукий, Гендрикова и Шнайдер¹⁷⁵ должны считаться арестованными. Он же привез известие, что скоро нас всех сменят, т. е. весь состав охраны: приедет новый комиссар и привезет с собой новый отряд. В солдатах, как я думаю, говорило тогда чувство страха перед этим будущим новым комиссаром, и они постановили: всех лиц свиты перевести в Губернаторский дом и считать всех арестованными, в том числе и прислугу. Тогда и были все переселены, кроме Гиббса (англичанин не любил ни с кем жить и поселился один в отдельном особом помещении), в Губернаторский дом.

Пришлось сделать кое-какие перегородки в доме. Рядом с комнатой Чемодурова, за счет передней, устроили комнату для Демидовой, Теглевой и Эрсберг. Комнату Демидовой перегородили холщовой перегородкой, и здесь поселились Татищев и Долгорукий. В комнате Эрсберг и Теглевой поселилась Шнайдер с двумя своими горничными¹⁷⁶. В комнате Тутельберг –

¹⁷³ Обыск на квартире баронессы С. К. Буксгевден был произведен отрядом латышей, которым командовал комиссар Родионов. Этот отряд прибыл в Тобольск задолго до отъезда Царской Семьи и чинил там свои безобразия. Баронесса С. К. Буксгевден писала: «Сразу после прибытия в Тобольск Яковлева тобольский городской совет обратил внимание на меня. Это вылилось в форму посещения на дому, впервые, как я поселилась в городе. В 3 часа утра меня разбудили громким стуком. Я вскочила с постели и, открыв дверь, оказалась перед лицами банды вооруженных солдат. Я читала плакаты, развешанные на улицах, в которых население предупреждалось спрашивать постановление на обыск, так как было много красногвардейцев, ходивших по поводу реквизиции вещей для собственной нужды без санкции совета. Я спросила человека, который казался начальником, не произошла ли ошибка и действительно ли у него был ордер на обыск моей комнаты. С иронической усмешкой он представил документ, в котором я прочитала, что посещение дома и обыск было предписано произвести в комнатах гражданки Буксгевден. [...] Я впустила их в мою комнату, попросив разрешения накинуть халат, поскольку я была в ночной рубашке. „Незачем“, – сказали они и приказали мне стоять в стороне и дать им мои ключи. Поеживаясь, я села на стол в центре комнаты, и через несколько минут один из солдат пожалел меня и протянул мне халат и тапки, после того, как он их потряс, чтобы убедиться, что там не было ничего спрятанного. По этой же причине они заставили меня причеститься. [...] Операция проходила в полном молчании. Солдаты, бывшие литовцами, работали весьма систематично и, как обычно в таких случаях, открывали каждую коробку и даже маленькие тюбики с лекарствами и просматривали каждый лист бумаги. То там, то здесь, когда они читали некоторые мои письма, тот или иной задавали мне вопросы, помечая мои ответы в записную книжку. Они работали в течение двух часов, только шепотом изредка общаясь между собой. Они были очень тщательными, исследуя каждый уголок, заглядывая в печь и вентилятор, просовывая свои перочинные ножи между досками, прощупывая каждую подушку и кресло. [...] Время, казалось, текло бесконечно долго, пока главный солдат после короткой консультации со своими помощниками не повернулся ко мне и объявил, что так как никаких компрометирующих документов им обнаружено не было, то я свободна! Они ушли, и можно вообразить облегчение после их ухода, особенно когда я заметила, провожая их до двери, что не только коридор был полон вооруженных людей, но все выходы были заперты, а весь дом был окружен стражей. После того, как мы с мисс „Матер“ обсудили наших посетителей, я подумала, что было бы приятно освежиться. Хотя было еще 6 часов утра. [...] Мисс „Матер“ принесла мне несколько кусков сахара и печенья, которые она тайно хранила, когда неожиданно мы услышали совершенно ужасный стук. Мы взглянули друг на друга – неужели наши посетители вернулись? Я открыла дверь, и в комнату вторглась новая банда красногвардейцев. Эта группа была более развязной, чем первая, и на каждом человеке было огромное количество всякого рода убийственного оружия. [...] Хотя у этих официальных лиц не было никакого письменного подтверждения, мисс „Матер“ вступила в разговор, сказав, что, так как ей нечего было скрывать, они вполне могли удостовериться в правоте ее слов и проверить ее вещи. Несколько человек приступили к выполнению этого, а остальные уселись к столу, выпили наш бесценный кофе и в считанные минуты съели все, что у нас было на столе! Эта группа была не менее усердной, чем первая, но трудилась она с большим трудом, будучи неграмотной. Конечно, они не понимали ни слова по-английски. Они удовлетворились тем, что приказали мне перевести из первой „подозрительной иностранной книги“, на которую они напали. Этой книгой оказался „Сборник общих молитв“, и я с большим удовольствием сделала перевод о крещении младенцев, о чем шла речь на открытой ими странице. Они сказали, что этого достаточно» (Буксгевден С. К. *Минувшее*. М., 2012. Т. I. С. 423—426).

¹⁷⁴ Примечание от руки в экземпляре генерала Дитерихса: «30 марта» (Росс Н. *Гибель Царской Семьи*. Ф/М., 1987. С. 601).

¹⁷⁵ Вариант написания фамилии Шнейдер.

¹⁷⁶ При гоф-лектрисе Шнейдер находились горничные Екатерина Живая и Мария (фамилия неизвестна).

Гендрикова со своей воспитательницей Николаевой¹⁷⁷. Тутельберг поселилась под парадной лестницей за перегородкой. Вот путем такого уплотнения удалось нам не нарушить покоя Августейшей Семьи. Гиббс поселился во флигеле, но рядом с кухней. Таким образом, арестовали положительно всех, даже и прислугу. Только некоторым из прислуги разрешалось ходить в город, в случаях неотложной надобности» (*Там же*. С. 299).

Новости из центра были ужасными. Ленину, перенесшему столицу из Петрограда в Москву, нужен был мир, чтобы построить новую Россию. Армия, которой сказали, что война закончится, была приведена в смятение. Не думая о будущем и желая дать себе передохнуть, Ленин согласился на дикие требования Германии: срок ультиматума практически истек, когда он вместе с коллегами все же приехал на подписание договора. Германская штаб-квартира Восточного фронта находилась в Брест-Литовске, и там 18 февраля / 3 марта большевики передали четыре тысячи квадратных миль, включающие территории Финляндии, Эстонии, Ливонии, Курляндии, Литвы, Русской Польши. Когда об этом стало известно в Тобольске, Государь Николай Александрович был поражен¹⁷⁸. Большевики знали, что Германия хотелось бы захватить бывшего Царя как символ России для подкрепления договора, поэтому они решили перевести его от отряда охраны, подчиненного старому правительству Керенского, в другое место заключения с более жесткими условиями. События приняли пугающий оборот. Фанатичному областному Совету Екатеринбургa, заслужившему репутацию бунтарского города горняков, не терпелось схватить семью Императора. Совет отправил соответствующее требование в Москву, и вскоре, так и не дождавшись ответа из столицы, выслал в Тобольск отряд. В это же самое время отряд большевиков из Омска, власти которого соперничали с Екатеринбургом, прибыл в Тобольск, чтобы распустить местное правительство и установить новый порядок.

«Как я уже говорил, Лупин привез известие о предстоящем приезде к нам особого комиссара. Комиссар нам был прислан, но не тот, о котором говорил Лупин. К нам, именно к охране Семьи, был прислан из Омска комиссар еврей Дуцман¹⁷⁹. Он поселился у нас в Корниловском доме, но положительно ничем себя не проявлял. Никогда он в дом не приходил. Его скоро выбрали секретарем губернского совдепа, где он все время и находился. В составе совдепа тогда заправилами были: Дуцман, еврей Пейсель, латыш или еврей Дислер. Кроме того, в заседаниях совдепа, очевидно, принимал участие еврей Заславский¹⁸⁰. Он был, как я понимаю,

¹⁷⁷ Имеется в виду старушка Викторина Владимировна Николаева, состоявшая воспитательницей при графине Анастасии Васильевне Гендриковой. Она приехала вместе с дочерью доктора Боткина Татьяной в Тобольск 14 сентября [27 н. с.] 1917 г.

¹⁷⁸ Пьер Жильяр оставил такую запись в своем дневнике: «*Вторник, 19 марта*. [1918] После завтрака говорили относительно Брест-Литовского договора, который был только что подписан. Император высказывался по этому вопросу с большой грустью: «Это такой позор для России, и это равносильно самоубийству. Я никогда не думал, что император Вильгельм и германское правительство могут опуститься до такой степени, чтобы пожимать руку этим негодьям, которые предали свою страну. Однако я уверен, что это не принесет им благополучия, это не спасет их от гибели». Немного спустя князь Долгоруков сказал, что в газетах приводится условие, согласно которому немцы требуют передать им царское семейство живым и невредимым. Император на это воскликнул: «Если это не проделка, чтобы меня дискредитировать, то это оскорбление для меня!» Императрица вполголоса сказала: «После того, что немцы причинили Императору, я предпочитаю скорее умереть в России, чем быть спасенною ими» (*Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и Царской Семьи / Петергоф, сентябрь 1905 г. — Екатеринбург, май 1918 г.* М., 1992. С. 148).

¹⁷⁹ **Дуцман Владимир Алексеевич** (1895—1971), латыш, член РСДРП с 1913 г., комиссар, член Тобольского совета народных депутатов. «В фондах Тобольского музея хранится его автобиография, где он пишет: „Я был назначен от Запсибсовета комиссаром по охране б. Царя и прибыл в Тобольск 26 февраля [1918], а вскоре вслед за мной туда прибыл из Омска отряд красногвардейцев под командой Демьянова“. Вместе с ним начинается большевистская страница тобольского заточения Царской Семьи, главным содержанием которой стала подготовка к ее убийству» (**Платонов О. А.** *История царевубийства*. М., 2001. С. 230).

¹⁸⁰ **Заславский Семен Савельевич** (1890—1953), в 1904 г. вступил в РСДРП. Большевик, участвовал в революционно-подрывной работе партии. Трижды подвергался тюремному заключению и ссылке в Сибирь и отбывал срок в царских тюрьмах. После февральской революции — на Урале. Участник II съезда Советов и штурм Зимнего дворца. По поручению

представителем Екатеринбургa или, вернее, Уральского областного совета. Цель его прибытия в Тобольск для меня самого не ясна. Должен сказать, что в то время большевики омские вели борьбу с большевиками екатеринбургскими. Первые, т. е. омские, хотели считать Тобольск в своей сфере – Западной Сибири, а большевики екатеринбургские – в своей Уральской. Так вот, Дуцман был представителем омских большевиков, а Заславский – екатеринбургских. Меня берет подозрение, не из-за нас ли тогда приехал Заславский в Тобольск, т. е. не было ли уже тогда у екатеринбургских большевиков мысли взять нас из Тобольска и перевести в Екатеринбург?» (*Там же*. С. 299—300).

Больше недели большевики из Омска и Екатеринбургa ждали момента, чтобы захватить Семью, но от Всероссийского центрального исполнительного комитета не поступало никаких распоряжений. И именно тогда, 9/22 апреля, в Тобольск прибыл новый комиссар из Москвы.

«После приезда Лупина все мы ожидали приезда нового комиссара. Разнесся слух, что едет сам Троцкий. Приехал комиссар Яковлев¹⁸¹. Он прибыл в Тобольск 9-го апреля вечером

Уральского областного исполкома в начале апреля 1918 г. с группой товарищей был направлен в Тобольск для установления там советской власти и взятия под контроль охраны Царской Семьи. Вскоре избран членом исполкома местного совдепа. Когда отряд красновардейцев численностью в 150 человек под командой Хохрякова и Заславского прибыл в Тобольск, который в тот момент находился во власти комиссара из Омска Демьянова, между последним и Заславским произошли крупные недоразумения. Начались переговоры по прямому проводу Демьянова с Омском и Заславского с Екатеринбургом по вопросу о судьбе царственных узников. Причина этого заключалась в том, что одной из целей прибытия отряда была организация убийства Царской Семьи. Заславский требовал перевести узников в тюрьму, и только нежелание солдат охраны нести службу в условиях тюрьмы позволило отклонить это предложение. «Подготовка убийства Царя уральскими боевиками, руководимыми из Москвы, осуществляется в несколько этапов. Ключевую роль в ней играли боевики 1905—1907 годов. Боевики были «вооружены» предписанием Уральского облисполкома: не допустить побега или освобождения Николая II и, если понадобится, – расстрелять его на месте. Это положение легло в основу их дальнейших действий. В связи с этим особо ценно признание председателя Уральского облисполкома А. Белобородова: «...мы считали, что, пожалуй, нет даже надобности доставлять Николая в Екатеринбург, что, если предоставляются благоприятные условия... он должен быть расстрелян...» (**Платонов О. А.** *История царского убийства*. М., 2001. С. 230—231). Только охрана под командой полковника Кобылинского, состоящая в основном из георгиевских кавалеров, и максимально предупредительные меры чрезвычайного комиссара ВЦИК и Совнаркома В. В. Яковлева (Мячина) позволили сорвать злоеший план. Позже участвовал в боях с чехословаками и на Дальнем Востоке в рядах народно-революционной армии. По состоянию здоровья в 1924 г. был вынужден оставить военную службу и перешел на хозяйственную работу. Уволен на пенсию в 1948 г. Умер в Москве.

¹⁸¹ **Яковлев Василий Васильевич** («Антон», Стоянович; настоящие фамилия, имя, отчество – Мячин Константин Алексеевич; 1886—1938), профессиональный революционер, уральский боевик-террорист. В 1908 г. ездил в Швейцарию. В 1909 г., после очередного грабежа, скрывается на Капри (Италия) у Горького. С февральской революцией вернулся в Россию. Участвовал в октябрьском перевороте. Один из организаторов Всероссийского ЧК. В начале 1918 г. – один из руководителей акции по разгону Учредительного собрания. По личному поручению Я. М. Свердлова прибыл в Тобольск 22 апреля 1918 г. в качестве чрезвычайного комиссара с отрядом охраны. При себе имел мандат за подписями председателя Совнаркома Ленина и Свердлова с предписанием вывезти Царскую Семью из этого города на Урал (а также личное письмо Свердлова для Уральского облисполкома о его миссии). 26 апреля увез Их Величества и Великую Княжну Марию Николаевну по направлению к Тюмени. Встретив противодействие некоторых красновардейских отрядов, предпринял попытку в обход Уралсовета доставить узников в европейскую часть России, но был задержан в Омске. Ввиду его обвинения Уральским облисполкомом в контрреволюционной попытке увезти Николая II без санкции Екатеринбургa комиссар отказался от дальнейшей эвакуации царских детей из Тобольска на Урал и уехал в Уфу, а затем для доклада Я. М. Свердлову в Москву. Завершение перевозки семьи Романовых в Екатеринбург было поручено матросу П. Д. Хохрякову. По указанию Я. М. Свердлова поезд с Царской Семьей был возвращен в Екатеринбург, где 30 апреля царственные узники были сданы в руки местного совдепа. В Москве назначается командиром Урало-Оренбургского фронта, а затем командиром в Уфу на формирование 2-й армии. Здесь переходит на сторону Комитета Учредительного собрания (КомУча). С приходом к власти адмирала А. В. Колчака подвергается аресту. Направлен в Омск, передан чешской контрразведке. Однако благополучно скрывается в Харбине под новой фамилией Стоянович. Там вновь принимает участие в революционных выступлениях. В марте 1928 г. обращается с «покаянным письмом» к Сталину. Ему позволяют вернуться на Родину. По возвращении в Москву его арестовывают, производится следствие и выносятся приговор – расстрел, который был заменен десятилетним заключением. За примерный труд (с 1929 г.) на Соловках и Беломоро-Балтийском канале в августе 1933 г. досрочно освобождается со снятием судимости и восстановлением в гражданских правах. Зачислен снова в органы НКВД, где занимает руководящие должности по линии тюрем и лагерей. Сначала он становится начальником Осиновской группы 2-го отделения Сиблага ОГПУ, с 1936 г. получает назначение в Томск на должность начальника Томского распределпункта НКВД, а затем начальника Анжерской КМР. В 1938 г. расстрелян. Автор воспоминаний: **Яковлев В. (Мячин К.)**. *Последний рейс Романовых // Урал*. 1988. №8.

и остановился в Корниловском доме. Вместе с ним прибыл какой-то Авдеев¹⁸² (его помощник, как я его считал), телеграфист¹⁸³, через которого Яковлев сносился по телеграфу с Москвой и Екатеринбургом, и какой-то молоденький мальчишка.

Наружность Яковлева такова. Ему на вид года 32—33, жгучий брюнет, волосы на голове большие, косым рядом, причем он имеет привычку встряхивать головой и рукой поправлять волосы спереди назад. Усы черные, подстриженные по-английски, борода бритая, глаза черные, нос прямой, тонкий, лицо белое, но со смугловатым оттенком, длинное, чистое. Лоб прямой, средний, подбородок острый, уши средние, не торчащие, глаза черные, жгучие, южного типа. Роста выше среднего, худой, но мускулистый и сильный. Хорошо сложен, лицо довольно красивое. Видимо, русский, производит впечатление энергичного мужчины. Одет он был в матроску, а под ней вязаную фуфайку, черные суконные брюки и высокие сапоги. Речь у него отрывистая, но без каких-либо дефектов. Руки его чистые и пальцы тонкие. Он производил впечатление интеллигентного человека и, во всяком случае, если и не вполне интеллигентного, то «бывалого» и долго жившего где-либо за границей. Выходя от Жильера, он простился с ним: «Вопюю». Это тонкость. Так говорят только люди, умеющие хорошо говорить по-французски. [...] Сам же Яковлев говорил про себя, что он из Уфы или из Уфимской губернии. С ним прибыл отряд красноармейцев, очень молодых, конных и пеших. Про отряд Яковлев говорил, что его он набрал тоже в Уфе или Уфимской губернии. Вообще, идея была та, что его, Яковлева, в Уфе знают, и он сам там людей знает, почему он и привез набранный там отряд. Отряд его разместился частью в Корниловском доме, частью в помещениях, в которых жили мои солдаты.

10-го [23 апреля по н. с.] утром Яковлев пришел ко мне вместе с Матвеевым¹⁸⁴ и откомендовался мне «чрезвычайным комиссаром». У него на руках было три документа. Все эти

¹⁸² **Авдеев Александр Дмитриевич** (1887—1947), по профессии слесарь, работал на екатеринбургской фабрике братьев Злоказовых. В 1912 г. примкнул к большевикам и стал участником их подрывной деятельности. Несколько раз арестовывался и сидел в Крестах. После октябрьского переворота лично отвез хозяина фабрики в тюрьму и занял его место. Возможность безнаказанного присвоения чужого имущества и доступ к неограниченной власти были главными причинами, приведшими его к большевикам. С 1917 г. – член Уральского областного совета. Участвовал в перевозе первой группы Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург, первый комендант Ипатьевского дома. Отличался грубостью и невежеством. Следователь Соколов писал о нем: «Авдеев – самый яркий представитель отбросов рабочей среды: типичный митинговый крикун, крайне бестолковый, глубоко невежественный, пьяница и вор» (**Соколов Н. А.** *Убийство Царской Семьи*. М., 1998. С. 158). Камердинер Николая II Т. И. Чемодуров вспоминал: «Александр Дмитриевич Авдеев, человек лет 35—40, блондин с маленькими усами и бритой бородой; одет был в рубаху защитного цвета, шаровары, высокие сапоги и носил при себе казашку шашку; почти постоянно он был пьян или навеселе; не могу сказать, чтобы он лично оскорблял или стеснял Государя и членов его Семьи, но в то же время и не шел навстречу, в смысле удовлетворения тех или иных нужд домашнего обихода» (**Росс Н.** *Гибель Царской Семьи*. Ф/М., 1987. С. 62). Подобранный им охрана из рабочих Злоказовской фабрики начала разворовывать имущество Августейших узников. Руководство области признало его непригодным в исполнении своих обязанностей, особенно в связи с намечавшимся тайным уничтожением Царской Семьи, после чего 4 июля 1918 г. он был смещен с должности и отправлен на фронт. Участник Гражданской войны. Позже комиссар 10-й стрелковой дивизии, действовавшей на Урале, в Поволжье и на Северо-Западе. В 1920 г. был вызван в Москву и направлен в Киргизскую АССР военным комиссаром. Позже нарком труда, председатель республиканской контрольной комиссии РКП (б), член президиума ЦИК Казахстана. В связи с туберкулезом отошел от дел, получил персональную пенсию. Автор воспоминаний: *Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге. Из воспоминаний коменданта*. Красная новь. 1928. №5; *С секретным поручением в Тобольск*. Пролетарская революция. 1930. №9.

¹⁸³ **Галкин Сергей Терентьевич** (1890 – после 1961), родился в д. Галкино Вятской губернии. Вступил в партию большевиков в марте 1917 г. С 1918 г. – комиссар почт и телеграфов Уфимской губернии. Был назначен телеграфистом и секретарем комиссара Яковлева, и вся связь с Москвой и Екатеринбургом осуществлялась через него. В апреле 1918 г. был включен в отряд Яковлева, обеспечивавший перевозку Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург. Позже политкомиссар 2-й армии, председатель Уфимской губчека, председатель губпрофсовета. После ухода с работы получил персональную пенсию. Автор воспоминаний: *Как перевозили Николая II из Тобольска в Екатеринбург*. Март 1957. С. 1—10. Рукопись остается не опубликованной до сих пор и находится в личном архиве М. К. Касвинова – автора книги *«Двадцать три ступени вниз»*.

¹⁸⁴ **Матвеев Петр Матвеевич**, во время февральской революции – подпрапорщик 2-го гвардейского стрелкового полка. Выбран членом гарнизонного комитета в Царском Селе. В числе других был включен фельдфебелем роты в Отряд особого назначения полковника Е. С. Кобылинского по охране Царской Семьи и перевозу ее в Тобольск. Поддерживал большевиков. Заместитель председателя, затем председатель отрядного комитета. Советской властью произведен в прапорщики. В начале 1918 г. ездил в Петроград и Москву для решения вопросов о Романовых. Участвовал в сопровождении Царской Семьи из Тобольска в Екатеринбург с комиссаром Яковлевым. Служил затем в Красной армии. Автор воспоминаний: *Царское Село –*

документы имели бланк «Российская Федеративная Советская Республика». Документы имели подписи Свердлова¹⁸⁵ и Аванесова¹⁸⁶. Первый документ был на мое имя. В нем мне предписывалось исполнять беспрекословно все требования чрезвычайного комиссара товарища Яковлева, на которого возложено поручение особой важности. Неисполнение мною его требований влекло за собой расстрел на месте. Второй документ был на имя нашего отряда. Он аналогичен по содержанию с первым. Санкция была в нем такова: суд революционного трибунала и также расстрел. Третий документ был удостоверение в том, что предъявитель удостоверения есть такой-то, на которого возложено поручение особой важности. О сущности же поручения в документах не говорилось.

Не говоря мне ничего о цели своего приезда, Яковлев заявил, что он желает говорить с отрядом. К 12 часам я собрал отряд. Яковлев, с первых же слов, заявил солдатам, что вот-де их представитель товарищ Лупин был в Москве и хлопотал о суточных деньгах, что деньги он привез, причем каждому будет выдано по 3 рубля суточных. Затем он предъявил свое удостоверение, содержание которого было оглашено Матвеевым. Солдаты стали осматривать удостоверение, стали особо подробно рассматривать печать на нем, видимо, питая некоторое сомнение к личности Яковлева. Он это сразу же понял и снова начал говорить солдатам о суточных, о том, что вот-де теперь они все отпускаются, и т. д. [...]

11 апреля Яковлев опять потребовал собрать отряд. На собрание от совета явились: Заславский и студент Дегтярев, бывший тобольский комиссар юстиции. Имя его Николай. Он был из Омска и, следовательно, являлся представителем в Тобольском совете, так сказать, сибирских интересов, а не уральских, как Заславский. Студент стал держать к солдатам речь, все содержание которой сводилось к обвинениям Заславского в том, что он искусственно нервировал отряд, создавая ложные слухи о том, что Семье угрожает опасность, что под дом ведутся подкопы (слухи такие действительно были, и одна ночь была тревожная; пошли они от совета же, и я лично узнал об этом от него же, когда был там по поводу перевода Семьи в тюрьму; этим тогда совет и мотивировал свое решение перевести Семью «на гору») и т. п. Идея речи заключалась именно в этом. Заславский защищался, но бесполезно. Его оштрафовали, и он удалился. Он приехал в Тобольск за неделю, приблизительно, до прибытия Яковлева и уехал из Тобольска часов за 6, приблизительно, до отъезда Яковлева. Яковлев во время этого, так сказать, судбища над Заславским принял сторону Дегтярева» (*Там же*. С. 300—302).

Когда приехал Яковлев, Алексей был тяжело болен. Зимой он чувствовал себя хорошо и с наступлением весны с большим оживлением принялся за новые игры. Цесаревич неудачно упал, пытаясь съехать по внутренней лестнице губернаторского дома на лодке с полозьями, на которой он катался с ледяной горки¹⁸⁷. Последовало кровоизлияние – кровотечение в паху –

Тобольск – Екатеринбург. Записки и воспоминания о Тобольском заключении Царской Семьи // Уральский рабочий. 16 сентября, 1990 (ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 149).

¹⁸⁵ **Свердлов Яков Михайлович** (настоящие фамилия, имя, отчество – Розенфельд Янкель Мовшевич; 1885—1919), член РСДРП с 1901 г. Один из главных организаторов убийства Царской Семьи в Екатеринбурге и уничтожения Великих Князей в Алапаевске. Согласно действия с Лениным, руководил «делом Романовых», их перевозкой из Тобольска в Екатеринбург и последующим физическим уничтожением семьи.

¹⁸⁶ **Аванесов Варлаам Александрович** (1884—1930), член РСДРП с 1903 г., меньшевик. В 1917—1919 гг. – член Президиума и секретарь ВЦИК. С 1918 г. являлся комиссаром по делам Армении при Наркомнаце. С марта 1919 г. – член Президиума ВЦИК при ВЧК, а с августа 1919 г. по 1924 г. работал в Особом отделе ВЧК. В 1924—1925 гг. – заместитель наркома внешней торговли. С 1925 г. – член Президиума ВСНХ.

¹⁸⁷ Из письма Анастасии Николаевны от 4/17 апреля 1918 г.: «У брата есть маленькая лодочка, в которой мы, так сказать, катаемся (это большое воображение!), воды все-таки недостаточно и мы отталкиваемся от дорожек палками, [...] ну маленькое развлечение!» (Алферьев Е. Е. Письма Святых Царственных Мучеников из заточения. СПб., 1998. С. 302; Из письма Государыни от 6/19 апреля 1918 г.: «Sunbeam» уже неделю болен в постели. Когда тебе писала, был здоров. От кашля, если что-нибудь тяжелое поднял, внутри кровоизлияние, страшно страдал» (там же: С. 305—306).

которое, как сказал Жильяр, было хуже, чем в Спале¹⁸⁸. Оно принесло невыносимую муку. Правую ногу парализовало. Было слышно, как мальчик кричал: «Я хочу умереть, мама; я не боюсь смерти, но я боюсь того, что они могут сделать с нами здесь¹⁸⁹». Гиббс сидел рядом с ним, когда «...пришел в нашу комнату Государь с Яковлевым и еще каким-то человеком, кажется, своим помощником. Он смотрел на Алексея Николаевича. Государь сказал Яковлеву: «Мой Сын и Его воспитатель» (*Российский архив VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.* М., 1998. С.108).

Через три дня Яковлев сказал Кобылинскому, что ему приказано увезти Николая Александровича из Тобольска: куда – он не сказал.

«12 апреля [25 н. с.] утром Яковлев пришел ко мне. Он сказал мне, что по постановлению „Центрального Исполнительного Комитета“ он должен увезти всю Семью. Я спросил его: „Как же? А Алексей Николаевич? Ведь он же не может ехать. Ведь он болен“. Яковлев мне ответил: „Вот в том-то и дело. Я говорил по прямому проводу с Циком [имеется ввиду ВЦИК]. Приказано всю семью оставить, а Государя (он называл Государя обыкновенно „бывший Государь“) перевезти. Когда мы с вами пойдем к ним? Я думаю ехать завтра“. Я предложил ему пойти после завтрака часа в 2. Тут он ушел от меня. Я отправился в дом и, кажется, через Татищева просил Государя ответить, когда он может принять меня с Яковлевым. Государь назначил после завтрака в 2 часа» (*Там же.* С. 302).

Из-за болезни Алексея семья должна была повременить с отъездом. Гиббс вспоминал:

«Через несколько дней я опять дежурил около Алексея Николаевича. Он был очень болен и страдал. Императрица обещала после завтрака прийти к Нему. Он все ждал, ждал, а Она все не шла. Он все звал: „Мама, Мама“. Я вышел и посмотрел через дверь. У меня сохранилось впечатление, что среди зала стояли Государь, Императрица и Яковлев» (*Российский архив VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.* М., 1998. С.108—109).

Император категорически отказался ехать. После чего комиссар Яковлев сказал ему, что он может взять с собой всех, кого пожелает. Они отправятся на следующее утро в четыре утра.

«В 2 часа мы вошли с Яковлевым в зал. Посредине зала рядом стояли Государь и Государыня. Остановившись на некотором отдалении и поклонившись им, Яковлев сказал: «Я должен сказать Вам (он говорил, собственно, по адресу одного Государя), что я чрезвычайный уполномоченный из Москвы от Центрального исполнительного комитета, и мои полномочия заключаются в том, что я должен увезти отсюда всю семью, но так как Алексей Николаевич болен, то я получил вторичный приказ выехать с одним Вами». Государь ответил Яковлеву: «Я никуда не поеду». Тогда Яковлев продолжал: «Прошу этого не делать. Я должен исполнить

¹⁸⁸ «Кризис был вызван падением Алексея Николаевича в Беловеже: желая сойти с маленькой лодки, он толкнул корму с левой стороны против обшивки, и напряжение послужило причиной внутреннего кровоизлияния, довольно обильного. Ребенок был на пути к выздоровлению, но из-за недостаточного благоразумия в Спале неожиданно ухудшилось состояние его здоровья. Кровеносная опухоль образовалась в складке в паху и должна была повлечь за собою тяжелое заражение. [...] Результатом болезни в Спале была временная атрофия нервов левой ноги, которая отчасти потеряла свою чувствительность и оставалась согнутой, так что ребенок не мог ее вытянуть» (*Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и Царской Семьи / Петергоф, сентябрь 1905 г. — Екатеринбург, май 1918 г.* М., 1992. С. 12—13). «Пятница, 12 апреля Алексей Николаевич слег в постель, так как со вчерашнего дня чувствует сильную боль в паху, появившуюся в результате сделанного им усилия» (там же, с. 149). В этот день Цесаревич серьезно заболел. У него случился сильный приступ гемофилии. Он сильно страдал и, несмотря на некоторое временное улучшение, ему не удалось выздороветь полностью до самой мученической кончины.

¹⁸⁹ В воспоминаниях и дневниках Гиббса этой фразы обнаружить не удалось; источник неизвестен.

приказание. Если Вы отказываетесь ехать, я должен или воспользоваться силой, или отказаться от возложенного на меня поручения. Тогда могут прислать вместо меня другого, менее гуманного человека. Вы можете быть спокойны. За Вашу жизнь я отвечаю своей головой. Если Вы не хотите ехать один, можете ехать, с кем хотите. Будьте готовы. Завтра в 4 часа мы выезжаем».

Яковлев при этом снова поклонился Государю и Государыне и вышел. Одновременно и Государь, ничего не сказав Яковлеву на его последние слова, круто повернулся, и они оба с Государыней пошли из зала. Яковлев направлялся вниз. Я шел за ним. Но Государь, когда мы выходили с Яковлевым, сделал мне жест остаться. Я спустился с Яковлевым вниз и, когда он ушел, поднялся наверх. Я вошел в зал, где были Государь, Государыня, Татищев и Долгорукий. Они стояли около круглого стола в углу зала. Государь спросил меня, куда его хотят везти. Я доложил Государю, что это мне самому неизвестно, но из некоторых намеков Яковлева можно понять, что Государя хотят увезти в Москву. Так я думал тогда вот почему. Когда Яковлев пришел ко мне 12 апреля утром и впервые сказал мне, что он увезет Государя, он мне при этом говорил, что он вернется вторично за Семей. Я его спросил: «Когда же Вы думаете вернуться?» На это Яковлев сказал: «Ну что же? Дней в 4—5 доеду, ну там несколько дней и назад. Через 1 1/2 – 2 недели вернусь». Вот почему я и доложил тогда Государю, что Яковлев, видимо, хочет увезти его в Москву. Тогда Государь сказал: «Ну, это они хотят, чтобы я подписался под Брестским договором. Но я лучше дам отсечь себе руку, чем сделаю это». Сильно волнуясь, Государыня сказала: «Я тоже еду. Без меня опять его заставят что-нибудь сделать, как раз уже заставили», и что-то при этом упомянула про Родзянко. Безусловно, Государыня намекала на акт отречения Государя от престола.

На этом разговор кончился, и я пошел в Корниловский дом к Яковлеву. Яковлев спросил меня: «Кто же едет?» И еще раз повторил, что с Государем может ехать, кто хочет, лишь бы не много брали вещей. Я снова пошел в дом и просил Татищева узнать, кто именно едет, обещав зайти через час. Когда я пришел, Татищев сказал мне, что едут: Государь, Государыня, Мария Николаевна, Боткин, Долгорукий, Чемодуров, лакей Седнев¹⁹⁰, девушка Демидова. Яковлев снова сказал: «Мне это все равно». У Яковлева, я уверен в этом, была в то время мысль: как можно скорее уехать, как можно скорее увезти. Встретившись с противодействием Государя ехать одному, Яковлев думал: «Все равно, пусть берут, кого хотят; только бы уехать, только бы скорей». Вот почему он так часто и повторял тогда слова: «Мне все равно, пусть едет еще, кто хочет», не выражая на словах второй части своей мысли: «Только бы поскорей». Об этом он не говорил, но все его действия обнаруживали это желание, – он страшно торопился. Поэтому он и обусловил: не много вещей, чтобы не задержать время отъезда» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 302—303).

Гиббс вспоминал: «Я не слышал, что они говорили. (12/25 апреля) Я опять пришел к Алексею Николаевичу. Он стал плакать и все звал: „Где Мама?“ Я опять вышел. Мне кто-то сказал, что Она встревожена, что Она поэтому не пришла, что встревожена; что увозят Государя. Я опять стал сидеть. Между 4 и 5 часами Она пришла. Она была спокойна. Но на лице

¹⁹⁰ **Седнев Иван Дмитриевич** (1886—1918), родом из г. Углича. Крестьянин Ярославской губернии, бывший матрос императорской яхты «Штандарт», лакей при Великих Княжнах. Помогал Деревенько в присмотре за наследником. Добровольно уехал с Царской Семей в Тобольск, находился при них в Тобольске и Екатеринбурге. «Высокого роста, лет 30, волосы на голове были черные, косым рядом, усы и борода бритые... ходил в пиджаке, в крахмальном белье с галстуком, брюках и ботинках» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 274). В Тобольске вместе с дядькой Цесаревича К. Г. Нагорным протестовал против расхищения охраной ценностей Августейших узников. По прибытии в Екатеринбург 14/27 (по другим данным, 15/28) мая 1918 г. был арестован и переведен в тюрьму. Вместе с Нагорным написал заявление с просьбой об освобождении. В ответ оба сразу были выведены за город и расстреляны за «предательство дела мировой революции». Позже камердинер государя Т. И. Чемодуров опознал найденные возле железнодорожной насыпи тела. У него остались жена, трое детей, престарелая мать и сестра. 1 ноября 1981 г. канонизирован Русской Православной Церковью Заграницей как святой мученик Иоанн.

Ее остались следы слез. Чтобы не беспокоить Алексея Николаевича, Она стала рассказывать „с обыкновенными манерами“, что Государь должен уехать с Ней, что с Ними едет Мария Николаевна, а потом, когда Алексей Николаевич поправится, поедет и все мы. Алексей Николаевич не мог спросить Ее, куда Они едут, а я не хотел, чтобы не беспокоить его. Я скоро ушел. Они собирались в дорогу и хотели быть одни. Они все тогда обедали одни наверху. Вечером мы все были приглашены в будуар Государыни (красная комната), где был чай» (*Российский архив VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг. М., 1998. С.108—109*).

Позже все собрались к чаю в будуаре Александры Федоровны с прекрасными акварелями на стенах. Помолившись с Алексеем, Александра Федоровна вновь взяла себя в руки и теперь спокойно сидела на софе. Комнатная девушка Императрицы Анна Степановна Демидова была в ужасе: «Ох, господин Гиббс! Я так боюсь большевиков, — говорила она. — Не знаю даже, что они с нами сделают».

«В 11 часов в тот вечер для Императорской Семьи был накрыт вечерний чай, и к нему Они пригласили всю свиту. Это был самый скорбный и гнетущий вечер, который я когда-либо посещал. Говорили мало, не было притворного веселья. Атмосфера была серьезной и трагичной – подходящая прелюдия неизбежной катастрофы. После чая члены свиты спустились вниз и просто сидели и ждали, пока в 3 часа утра не был дан приказ выезжать», – писал Гиббс.

«В этот день я в дом больше не входил. Там было не до меня, и я не решался идти к ним. В доме в это время шли сборы, и Государыня, как мне говорил Жильяр, страшно убивалась. Очень выдержанная женщина, она плакала, мучась между принятым решением быть около Государя и необходимостью оставить самого любимого в семье – сына. Я обращаю Ваше внимание хотя бы вот на это обстоятельство. Почему Государыня так убивалась? Если бы тогда она знала, что ее везут в Екатеринбург, чего бы убиваться? Екатеринбург не так далеко от Тобольска. Безусловно, она, как и все в доме, чувствовала из всех действий, всех поступков Яковлева догадывалась, что вовсе не в Екатеринбург их везут, а далеко, в Москву; что цель их увоза туда не их личное благополучие, а что-то необходимое, что-то связанное с государственными интересами; что там в Москве Государю и ей придется на что-то решиться, что-то серьезное, ответственное предпринять. Так текли и мысли Государя. Он их и высказал в словах о Брестском договоре» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи. Ф/М., 1987. С. 303**).

В рассеивающихся предрассветных сумерках во внутренний двор Дома губернатора завели лошадей, запряженных в «тарантасы», которые приготовили для тяжелой поездки в Тюмень. Тарантасы, походившие на большие плетеные корзины, подвешенные на двух гибких шестах, были ненамного лучше убогих крестьянских телег без рессор и сидений. Только у одного из них был верх. На заднем дворе Губернаторского дома члены Царской свиты в спешке набрали соломы, чтобы постелить на сиденья. В крытом тарантасе они положили матрац для Государыни. Яковлев помог Александре Федоровне надеть меховое пальто доктора Боткина и вынес другое пальто для самого доктора. Стоя на застекленной веранде под светом звезд, Николай Александрович и Александра Федоровна прощались с провожавшей их свитой. «Император каждому пожал руку и что-то сказал, – писал Гиббс. — Мы все также поцеловали руку дорогой Императрицы».

Продолжая свой рассказ, Гиббс говорил, что «в 2 часа ночи были поданы „кареты“ (коробки), а одна с верхом. Я с Ними прощался в передней. Государь сел с Яковлевым, а Государыня с Марией Николаевной (которую сестры звали „Машка“). Потом Они уехали. С Ними уехал Боткин, Чемодуров, Долгорукий, Демидова и Седнев. Мы не знали, куда Они уехали. Мы никто не думали, что Их везут в Екатеринбург. Мы все думали, что их везут или

на восток или в Москву. Так думали и Дети» (*Российский архив VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1922 гг.* М., 1998. С. 110).

По воспоминаниям полковника Кобылинского: «В 4 часа утра были поданы сибирские «кошевы» – плетеные тележки на длинных дрожинах, одна была с верхом. Сиденье было без [из?] соломы, которое держалась при помощи веревок, прикрепленных к бокам кузова тележки. Вышел Государь, Государыня и все остальные. Государь меня обнял, поцеловал, Государыня дала мне руку. Яковлев сел с Государем. Он хотел и требовал, чтобы с Государыней сел Матвеев. Но она это категорически отклонила и села с Марией Николаевной. Яковлев уступил. Долгорукий сел с Боткиным, Чемодуров – с Седневым, Демидова – с Матвеевым. Впереди и сзади было несколько подвод с солдатами нашими и пешими из яковлевского отряда, причем на этих подводах было два пулемета и конная охрана из отряда Яковлева. Еще несколько подвод было с вещами. Какие вещи были взяты в это время из Тобольска, я не знаю. Отъезд состоялся часа в 4 с чем-нибудь [26 апреля]» (**Росс Н.** *Гибель Царской Семьи.* Ф/М., 1987. С. 304).

Через несколько минут весь этот небольшой отряд, сопровождаемый по бокам кавалерийским эскортом, со скрипом и звоном направился прочь из Тобольска в холодной серости рассвета. Стоявшие позади три Великих Княжны вернулись в слезах в свою комнату. Алексей Николаевич долго плакал. «Уехали, и создалось чувство какой-то тоски, уныния, грусти. Это чувство замечалось и у солдат. Они сразу стали много сердечнее относиться к детям. Помню, тогда же удалось добиться поставить в зале походную церковь» (**Росс Н.** *Гибель Царской Семьи*» Ф/М., 1987. С. 303).

Путешествие в Тюмень было очень трудным. Предстояло переправиться по подтаявшему льду на другой берег Иртыша, притом, что вода в реке была лошадям по грудь. За этим последовал пеший переход через реку Тобол, гораздо более опасный, поскольку лед там был еще тоньше. Лошадей меняли несколько раз. Задолго до прибытия в Тюмень экипажи встретила Красная кавалерия и сопровождала их последние четырнадцать миль. На станции Яковлев пошел телеграфировать в Москву, по предположению Николая, это был пункт назначения, а пленников тем временем пересадили в специальный поезд. Пока ждали сигнала к отправлению, Яковлев принял единоличное решение ехать кружным путем через Омск, посчитав, что, если они поедут прямым путем, их может захватить Уральский областной Совет Екатеринбурга.

Впрочем, уже было слишком поздно. Как только поезд покинул Тюмень, Екатеринбург предупредили. Уральский Совет осудил действия Яковлева и передал сообщение Западно-сибирскому Совету в Омске, потребовав остановить Царскую Семью. В шестидесяти милях от Омска войска заблокировали железнодорожную линию. Яковлев, приказав отряду ждать, взял паровоз с один вагоном и отправился в город, чтобы снова связаться с Москвой¹⁹¹. Яков Свердлов, председатель Всероссийского Центрального исполнительного комитета, бесстрастно ответил, что выхода нет, и Яковлев должен сдать заключенных товарищам из Екатеринбурга. Иными словами, это был смертный приговор.

Несколько часов спустя на вокзале Екатеринбурга, где толпа кричала: «Покажите нам Романовых!», обязанности по содержанию августейшей четы были официально переданы Областному совету. (Князь Долгоруков был сразу отправлен в тюрьму, и больше его не видели).

Вот как вспоминал об этом полковник Кобылинский:

«И дорбогой Яковлев страшно торопился. Гнали вовсю (об этом мне самому потом говорили ямщики на станциях, когда я уезжал в Тюмень). Когда приезжали на станцию, сейчас же

¹⁹¹ Более подробно об этом см.: **Яковлев В. (Мячин К.)** *Последний рейс Романовых.* Урал. 1988, №8.

перепрягали лошадей и мчались дальше. Перепрягали лошадей и в с. Покровском на станции, как раз против дома Распутина. Мне передавали, что у его дома стояла жена, у окна сидела дочь. Обе они крестили уезжавших. Я просил Лебедева и Набокова (порядочные люди) телеграфировать мне с дороги, как будут ехать. От Лебедева я получил телеграмму из с. Ивлева, от Набокова – из с. Покровского. Они кратко телеграфировали: «Едем благополучно». С одной из железнодорожных станций была получена телеграмма: «Едем благополучно. Христос с Вами. Как здоровье маленького? Яковлев». Это, очевидно, телеграмма Государя или Государыни, поданная с разрешения Яковлева и им подписанная.

20 апреля¹⁹² отрядным комитетом была получена от Матвеева телеграмма, извещавшая о приезде в Екатеринбург. Точных выражений телеграммы я не помню. Нас же всех эта телеграмма огорошила: что такое случилось, почему в Екатеринбург? Все были этим поражены, так как все были уверены, что Государя с Государыней повезли в Москву. Стали ждать возвращения солдат нашего отряда. Когда они вернулись, Лупин сделал доклад нашему отряду, ругательски ругая екатеринбургских большевиков. Мне же Лебедев и Набоков рассказали следующее.

Когда прибыли в Тюмень, Государя, Государыню и других поместили в классный вагон (больше ничего о вагоне, об удобствах не могу сказать). Вагон этот охранялся нашими шестью солдатами. Из Тюмени поехали на Екатеринбург, на какой-то станции узнали, что через Екатеринбург не проедут, что там их задержат (вот тут-то Яковлев и ошибся: Заславский раньше его на несколько часов выехал из Тобольска и, как я думаю, предупредил о предстоящем отъезде из Тобольска). Узнав об этом, Яковлев кинулся на Омск, чтобы оттуда держать путь: Челябинск – Уфа и т. д. Как я понял тогда Набокова, они были под самым Омском, как их поезд задержали. Яковлев вышел узнать, в чем дело. Оказалось следующее: Екатеринбург известил Омск, что Яковлев объявляется вне закона, что он везет Семью в Японию. Тогда Яковлев отправился в Омск и говорил по прямому проводу с Москвой. Возвратившись назад, он сказал: «Я получил приказание ехать в Екатеринбург». Поехали в Екатеринбург. Здесь Государя, Государыню, Марию Николаевну, Боткина, Чемодурова, Седнева, Демидову отправили в дом Ипатьева, а Долгорукого – прямо в тюрьму. Всех наших солдат сначала задержали в вагоне. Затем их всех вывели поодиночке, обезоружили и куда-то посадили. Продержали их в заключении несколько дней и выпустили. Можно было понять, что отношение к ним, нашим арестованным солдатам, было различное: к Лебедеву, Набокову относились хуже, к другим лучше, особенно к Матвееву, и освобождение их состоялось в разное время. Матвеев ходил зачем-то к Голощекину¹⁹³ и Белобородову¹⁹⁴. Когда всех их освободили и они были уже в вагоне, чтобы

¹⁹² Здесь, видимо, автор воспоминаний невольно ошибся. Николай Александрович, Александра Федоровна, Мария и сопровождающие их лица были привезены в Екатеринбург 17 апреля (30 апреля по н. с.). — **Прим. ред.**

¹⁹³ **Голощекин Филипп Исаевич** (настоящие имя и отчество – Шая Исаакович; 1876—1941), революционер. Родился в г. Невель Витебской губернии в семье подрядчика. Окончил четыре класса, затем зубоврачебную школу, получил профессию зубного техника. В 1903 г. вступил в партию большевиков. Участвовал в террористических акциях. В 1909 г. эмигрировал в Париж, познакомился с В. И. Лениным. По возвращении в Россию в декабре 1909 г. арестован и сослан в Нарымский край, откуда в следующем году совершает побег. Вел подрывную работу на Урале – в Екатеринбурге и Перми. В 1912 г. был избран членом ЦК РСДРП. После очередного ареста сослан в Тобольскую губернию, откуда совершил побег. На Урале в марте 1913 г. был снова арестован и выслан в Туруханский край, где вместе с Я. М. Свердловым и другими большевиками пробыл до февральской революции. Чрезвычайно сблизился со Свердловым и был с ним на «ты». Приезжая в Москву, жил на кремлевской квартире Свердлова. После победы февральской революции из Нарыма приезжает в Петроград и до мая 1917 г. работает в ЦК. В конце мая выезжает на Урал как представитель ЦК партии. Избирается членом и секретарем Пермского комитета РСДРП (б), затем членом и секретарем областного комитета. Участвует в работе VI съезда РСДРП (б). Был членом Пермского, затем Екатеринбургского Советов, членом исполкома Уральского областного Совета. Участвовал в организации Красной гвардии, на протяжении ряда месяцев стоял во главе ее областного руководства. По приезде в ноябре 1917 г. в Екатеринбург вместе с другими добивается ликвидации созданного здесь из представителей ряда социалистических партий и беспартийных Объединенного революционного комитета народной власти. В марте 1918 г. встречался с Лениным. Речь в основном шла о Царской Семье, находившейся в тобольской ссылке. Уральские большевики хотели завладеть Романовыми, убить их или перевезти в Екатеринбург. Дело осложнялось тем, что Тобольск и его власть были в административном ведении Омска, западносибирского руководства. После встречи с Лениным и Свердловым и возвращения в Екатеринбург ему

возвращаться в Тобольск, к ним приходил Яковлев и говорил, что он сложил с себя полномочия, что он едет в Москву и что солдаты должны с ним ехать, чтобы там, в Москве, доложить о случившемся. Ясно было, что для Яковлева, как говорили наши солдаты, остановка в Екатеринбурге была фактом проявления неповиновения екатеринбургских большевиков приказанию центра» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 304—305).

Бывший Царь говорил, что поехал бы куда угодно, только не на враждебный Урал. Теперь же он оказался в самом его центре. В ту ночь Николай Александрович ночевал в доме Ипатьева¹⁹⁵ со зловещим названием «Дом особого назначения». У дверей дома бывшего

как члену президиума облизполкома было поручено руководство всей партийной работой на Урале. Он, комиссар юстиции, непосредственно контролирует сформированный им облчека. С февраля 1918 г. – военный комиссар Уральского облвоенкомата, с мая – военный комиссар Уральского военного округа. Наряду с П. Л. Войковым и Б. В. Дидковским член «тройки» по делам Царской Семьи. К ним активно подключается А. Г. Белобородов. Они добиваются перевода Царской Семьи на Урал и заключения их под стражу в доме Ипатьева. В мае 1918 г. выезжал в Москву по вопросу о Царской Семье. В июле 1918 г. через Голощекина, вновь побывавшего в Москве, реализуется приказ Ленина и Свердлова о расстреле Романовых. До конца 1918 г. являлся главным политическим комиссаром 3-й армии Восточного фронта. Весной и летом 1919 г. – член РВС Туркестанской армии. С октября 1919 г. по май 1920 г. – член Комиссии ВЦИК и СНК РСФСР по делам Туркестана. С августа 1920 г. – уполномоченный ВЦИК и СНК по продовольствию в Костромской губернии. На протяжении нескольких месяцев 1921—1922 гг. – секретарь Уральского бюро ЦК РКП (б), затем председатель Самарского губисполкома и Самарского губкома РКП (б). С октября 1924 г. по лето 1933 г. – секретарь ЦК партии Казахстана. Многие годы был членом коллегии ЧК, ГПУ, НКВД. Летом 1933 г. из Казахстана отозван, некоторое время работал в Наркомате Рабоче-Крестьянской инспекции, а осенью был назначен главным арбитром при СНК СССР. В середине октября 1939 г. по указанию Л. П. Берии арестован, осенью 1941 г. вместе с группой особо важных заключенных, числящихся за внутренней тюрьмой НКВД, вывезен в Куйбышевскую область, где 28 октября 1941 г. расстрелян близ п. Барбыш.

¹⁹⁴ **Белобородов Александр Георгиевич** (1891—1938), родился в п. Александровский завод Пермской губернии. Сын рабочего. Окончил церковно-приходскую школу. Рабочий Надеждинского завода. Член РСДРП (б) с 1907 г. С шестнадцати лет участвовал в революционной работе и после ареста в 1908 г. четыре года провел в Пермской губернской тюрьме. Освободившись, продолжил революционно-боевую деятельность. Снова был арестован и отбывал ссылку в Белебее и Тюмени в 1914—1916 гг. С апреля 1917 г. – член Уральского областного Комитета. По рекомендации Свердлова был направлен в Екатеринбург, где в марте 1918 г. был выбран председателем исполкома Уральского облсовета. Включился в подготовку перевозки и уничтожения Царской Семьи. Участвовал в переговорах по этому поводу с центром. После сдачи Екатеринбурга в июле 1918 г. эвакуировался в Пермь, а затем в Вятку, где возглавил военно-революционный комитет. В 1919 г. – председатель Вятского ревкома, уполномоченный Совета рабочей и крестьянской обороны в подавлении Вёшинского восстания донских казаков. В 1920—1921 гг. – член ЦК РКП (б), на военно-политической работе в Реввоенсовете республики и на юге страны. В 1921—1927 гг. – заместитель наркома, с 1923 г. – нарком НКВД. С этой должности был снят и исключен из партии вместе с Сафаровым и Сосновским в связи с принадлежностью к троцкистской оппозиции. В 1929 г. написал «покаянное письмо», в котором признал свои ошибки. В 1930 г. восстановлен в партии и направлен в Ростов-на-Дону в качестве уполномоченного Комитета заготовок при СНК РСФСР по Азово-Черноморскому краю. Но в августе 1936 г. вновь арестован за связь с троцкистами. В мае 1937 г. направил заявление на имя И. В. Сталина, в котором сдал всех хорошо знакомых ему лиц, разделявших взгляды троцкистов. Содержался в Лубянской тюрьме. 10 февраля 1938 г. расстрелян на полигоне «Коммунарка» по приговору выездной сессии ВКВС. В 1958 г. реабилитирован, в 1962 г. восстановлен в партии.

¹⁹⁵ Дом, в котором находились Августейшие узники в Екатеринбурге, принадлежал Николаю Николаевичу Ипатьеву. «Дом Ипатьева имел неполных два этажа; его левый фас, выходящий в Вознесенский переулок, задний фас, обращенный к садику, и часть правого фаса, выходящего на передний двор, были расположены по нисходящему склону возвышенности, почему нижний этаж дома начинался от левого угла домика низким полукруглым оконцем и, постепенно увеличиваясь по высоте, огибал левый фас дома, задний и часть правого фаса. Поэтому передний фас имел один этаж с большими окнами, высоко отстоящими от земли. Под ним отдушины-окна подвала. Парадное крыльцо дома, выходящее на Вознесенскую площадь, имело лишь три-пять наружных ступенек и ступенек восемь уже за входной дверью внутри вестибюля и приводило прямо во второй этаж дома, где была помещена Царская Семья. Парадное крыльцо нижнего этажа выходило в Вознесенский переулок из сеней, в которые открывалась справа дверь комнаты, где произошел расстрел. В правом фасае дома на передний двор выходили две рядом расположенные двери черных ходов из верхнего и нижнего этажей. [...] К заднему фасау дома для верхнего этажа примыкала небольшая терраса-балкон на деревянных столбах; с нее лесенка спускалась в садик – место прогулок заключенных. За передним двором располагался задний двор с каретником, сараями и службами, а с левой стороны забором он отделялся от садика. От стены дома, отгораживая садик, по Вознесенскому переулку и позади садика шел высокий, 2-саженный дощатый забор. В общем, все владение Ипатьева представляло собой маленькую усадьбу, очень маленькую, в центре густонаселенного окраинного квартала города Екатеринбурга» (**Марков С. В. Покинутая Царская Семья.** М., 2001. С. 616—617). «Сам дом, по свидетельствам последнего его владельца, был построен в 1870-х гг. До Н. Н. Ипатьева у него было еще два владельца. Первый из них – статский советник Иван Иванович Редикорцев. В справочнике, изданном в Екатеринбурге в 1889 г., он значится владельцем усадьбы („каменный двухэтажный дом, службы и баня“) по адресу: „Вознесенский проспект, 49—9“. Следующим владельцем был купец И. Г. Шаравьев. [...] Сам дом был необычен даже для состоятельного Екатеринбургца. По свидетельству очевидцев, он „был в полном порядке, с ванной, горячей водой и электрическим освеще-

Императора поприветствовали презрительными словами: «Гражданин Романов, Вы можете войти»¹⁹⁶. Все узники были строго обысканы¹⁹⁷. Позже Александра Федоровна начертила

нием“. Николай Николаевич, по словам Р. Вильтона, был крупным коммерсантом; за дом он выложил 6000 рублей. ... На месте Ипатьевского дома стояла когда-то „деревянная Вознесенская церковь, которую разобрали, когда на вершине горки поставили каменный собор. Но на месте алтаря старой церкви, чтобы не попиралась святыня, по существовавшему благочестивому обычаю была возведена деревянная часовня“. Действительно, вплоть до 1919 г. на многих снимках Ипатьевского дома, сделанных со стороны Вознесенского проспекта, перед ним хорошо видна небольшая часовня („часовня Спасителя“). Следует подчеркнуть, что **комната, в которой совершилось убийство Святых Царственных Мучеников и верных Их слуг, находилась как раз напротив „часовни Спасителя“, устроенной на месте алтаря храма Божия»** (Там же. С. 619—620). «... По всей видимости, в 1908 или 1909 году дом у Шаравьева снимала или купила родственница Ипатьева или его жены, Евгения Федоровна Поппель, а Ипатьев до 1918 года мог в нем только иногда проживать... в сознании горожан особняк на Вознесенском проспекте не был Ипатьевским домом: его называли домом Поппель, или, реже, домом Шаравьева. Между тем, когда Царская Семья была доставлена в Екатеринбург, ей с самого начала объявили, что ее привезли **в дом Ипатьева!**.. Таким образом, можно с полной уверенностью говорить о том, что особняк на Вознесенском проспекте стал домом Ипатьева исключительно перед самым приездом Царской Семьи в Екатеринбург, что дом этот никогда не был в полном смысле домом Ипатьева, что он использовался им в основном с коммерческой целью... Особняк на углу Вознесенского проспекта и Вознесенского переулка был выбран революционерами для заключения и убийства Царской Семьи неслучайно... Дому сознательно было присвоено название Ипатьевского, и он сразу был объявлен Домом Особого Назначения (ДОН). Само название – дом Ипатьева – было искусственно создано и внедрено в сознание целых поколений. Тем самым изначально извещалось о предстоящем убийстве Царской Семьи и о том, что это убийство будет носить характер мести Царскому Дому Романовых» (**Мультипли П. В. Свидетельства о Христе до смерти...** СПб., 2006. С. 612, 614, 616). «Дом был куплен Ипатьевым лишь в начале 1918 г. у М. Г. Шаравьева. Сам он поселился на верхнем этаже, а в нижнем располагалась контора местного агентства по черным металлам. [...] 27 апреля 1918 г. к Ипатьеву пришел комиссар Желинский и предложил ему очистить дом к 29 апреля. 24 июля, незадолго до эвакуации города красными, было решено вернуть дом хозяину, но Ипатьева в городе не оказалось, и ключи были переданы его родственнице. Дом оставался пустым до прихода белых. Предоставленный было в распоряжение следствия владельцем, занявшим его лишь частично, дом Ипатьева был занят в начале октября ген. Гайдой под свой штаб и личную квартиру. Хотя позже сам Гайда из дома выселился, различные военные учреждения в нем остались и еще в начале 1919 г. над ним развевался бело-зеленый сибирский флаг. Обитатели дома относились беспечно к занимаемым помещениям, громили комнаты, обрывали обои и пр. Лишь в марте дом был окончательно очищен от штабов и арендован Омским правительством у Ипатьева. Намечалось его приобрести в казну» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 567). Летом 1919 г. городом снова овладела Красная армия, которая расположила в нем свой штаб. Затем в 1922 г. дом занимал Ермаков Андрей Георгиевич, командир 6-го полка дорожно-транспортного отдела ГПУ Пермской железной дороги. В 1927 г. в здании был открыт Уральский музей Революции. В экскурсию по музею входило посещение подвала, где было совершено убийство Царской Семьи. Музей расформировали в 1932 г. В последующие годы в этом доме находились Антирелигиозный музей, Совет безбожников, ректорат Урало-Сибирского коммунистического университета, общежитие для эвакуированных, отделение Института культуры, областной партархив. Во время Второй мировой войны в доме хранились экспонаты коллекции Эрмитажа, которые были эвакуированы из Ленинграда. С 1946 по 1971 г. здание занимали различные советские конторы: областной партийный архив, учебный центр, областное управление культуры, управление «Союзпечать». В 1974 г. дому был присвоен статус историко-революционного памятника всероссийского значения. «В 1960-х гг. в Свердловск началось своеобразное паломничество из близких и дальних мест, посмотреть на „царские места“. В немалом количестве стали приезжать и столичные молодые интеллигенты в поисках исторических корней России. Осенью 1977 г., в ночное время, дом был снесен по приказанию властей» (Там же. С. 567).

¹⁹⁶ На допросе у следователя Соколова шофер первого автомобиля, на котором перевозили Царскую Семью со станции в дом Ипатьева, сообщил следующее: «Когда мы прибыли на станцию Екатеринбург I, здесь от народа я услышал, что в Екатеринбург привезли Царя. Голошкеин сбежал на станцию и велел нам ехать на Екатеринбург II. Все мы опять поехали в автомобилях на Екатеринбург II. Там мы подъехали на машинах к одному месту, где стоял вагон 1 класса, окруженный солдатами. Оттуда вышел Государь Император, Государыня Императрица и одна из дочерей их. Я хорошо помню, что Государь был одет в шинель солдатского сукна, то есть цвета солдатского сукна, как носили в войну офицеры. Я хорошо помню, что погон на ней не было. Помнится также мне, что пуговицы на его шинели были защитные. Фуражка его была офицерского фасона из защитного сукна, с козырьком также защитного цвета и таким же ремешком, но сукном ни козырек, ни ремешок обшиты не были. Государыня была в черном пальто, пуговиц на нем я не заметил. Княжна также была в каком-то темном пальто. Их посадили в мой автомобиль. Еще в мой автомобиль сел какой-то, должно быть, прибывший с ними комиссар. [...] Опять мы поехали к тому самому дому, обнесенному забором, про который я уже говорил. Командовал здесь всем делом Голошкеин. Когда мы подъехали к дому, Голошкеин сказал Государю: „Гражданин Романов, можете войти“. Государь прошел в дом. Таким же порядком Голошкеин пропустил в дом Государыню и княжну и сколько-то человек прислуги, среди которых, как мне помнится, была одна женщина. В числе прибывших был один генерал [ген.-майор, князь Василий Александрович Долгоруков]. Голошкеин спросил его имя, и, когда тот себя назвал, он объявил ему, что он будет отправлен в тюрьму» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 493—494).

¹⁹⁷ Из дневника Николая II: «17 апреля. Вторник. [...] Долго не могли раскладывать своих вещей, так как комиссар, комендант и караульный офицер все не успевали приступить к осмотру сундуков. А осмотр потом был подобный таможенному, такой строгий, вплоть до последнего пузырька походной аптечки Аликс. Это меня взорвало, и я резко высказал свое мнение комиссару» (*Дневники Императора Николая II.* М., 1990. С. 675). А вот как об этом рассказывает камердинер Государя Т. И. Чемодуров: «Как только Государь, Государыня и Мария Николаевна прибыли в дом, их тотчас же подвергли тща-

на стене своей спальни «свастику»¹⁹⁸ – левосторонний гамматический крест на удачу и добавила дату: 17/30 апреля 1918 года. Это было очень трогательно.

Тем временем председателем Уральского Совета была подписана расписка¹⁹⁹:

«Рабочее и Крестьянское правительство Российской Федерации Республики Советов Уральской Области Совета рабочих крестьянских и солдатских депутатов Президиум №1 Екатеринбург, 30 апреля 1918 г.

РАСПИСКА

1918 г. апреля 30 дня, я нижеподписавшийся Председатель Уральского Областного Совета Раб. Кр. и Солд. депутатов, Александр Георгиевич Белобородов получил от комиссара Всероссийского Центрального комитета, Василия Васильевича Яковлева доставленных им из Тобольска: (1) бывшего царя Николая Александровича Романова, (2) бывшую царицу Александру Федоровну Романову, (3) бывшую великую княжну Марию Николаевну Романову для содержания под стражей в г. Екатеринбурге.

А. Белобородов
член Обл. Исполн. Комитета
Б. Дидковский²⁰⁰»

тельному грубому обыску, обыск производил некий Б. В. Дидковский и Авдеев – комендант дома, послужившего местом заключения. Один из производивших обыск выхватил ридикюль из рук Государыни и вызвал замечание Государя: «До сих пор я имел дело с честными и порядочными людьми». На это замечание Дидковский ответил: «Прошу не забывать, что Вы находитесь под следствием и арестом» (**Соколов Н. А.** *Убийство Царской Семьи*. М., 1998. С. 161—162).

¹⁹⁸ Пьер Жильяр в своей книге «Трагическая судьба Николая II и Царской Семьи / Петергоф, сентябрь 1905 г. – Екатеринбург, май 1918 г.» дает такой комментарий: «Совастика – индийский религиозный символ, состоящий из равностороннего креста, линии которого загнуты влево; если они загнуты вправо, по направлению движения солнца, знак называется: свастика». В своих показаниях следователю Соколову Жильяр упоминает следующее: «Я был с [следователем] Сергеевым и мистером Гиббсом в доме Ипатьева. Я видел комнату, где были следы пуль в стене и на полу. Стена и пол были уже выбелены. В доме я нашел «два египетских знака», которые Ее Величество имела обыкновение ставить часто на Своих вещах, как знак благополучия: порт-бонер. Она их делала вот так... Один из таких знаков я нашел в спальне Ее Величества на обоях около кровати, другой был на косяке у окна какой-то комнаты, где был египетский знак и дата, написанные карандашом: «17/30 апреля», день приезда Их Величеств в Екатеринбург» (**Росс Н.** *Гибель Царской Семьи*. Ф/М., 1987. С. 235). А вот как он описывает этот эпизод в своих воспоминаниях: «Через день после моего прибытия в Екатеринбург я первый раз попал в дом Ипатьева. Я обошел все комнаты верхнего этажа, бывшие местом заключения Царской Семьи. [...] Затем я заметил на стене у окна в комнате, где помещались Их Величества, любимый знак Императрицы – *sauvastika*, который она повсюду ставила для счастья. Она нарисовала этот знак карандашом и пометила внизу: 17/30 апреля – день их заключения в дом Ипатьева. Тот же самый знак, но без даты, был нарисован также на обоях на стене, на высоте кровати, на которой спал Алексей Николаевич» (**Жильяр П.** *Трагическая судьба Николая II и Царской Семьи / Петергоф, сентябрь 1905 г. – Екатеринбург, май 1918 г.* М., 1992. С. 158—159). «Следует подчеркнуть, что именно Н. А. Соколов первым из следователей обратил внимание на «знак». Во французском издании своей книги он, в частности, пишет: «В протоколе Наметкина речь не идет о знаке, нарисованном на оконном проеме, обращенном в сторону Вознесенского проспекта, на восток. Было трудно его обнаружить, учитывая то, что рисунок был сделан тонкими линиями (*la finesse du dessin*). Первым его заметил Жильяр во время посещения дома со следователем Сергеевым. Он сохранился вплоть до того времени, когда я занялся этим делом. Я запечатлел его на фотографии №21. (Для консервации этого знака я его покрыл стеклом и запечатал своей печатью. Именно таким этот знак представлен на фотографии в книге Жильяра.)» (**Фомин С. В.** *Скорбный Ангел*. М., 2005. С. 728—729). «Один из первых таких «знаков» был поставлен Императрицей вслед за подписью «А» на маркированной Ей Рождественской открытке, отправленной 5 декабря 1917 г. из Тобольска подруге Ю. А. Ден» (*Там же*. С. 716). «Что же касается пристрастия Ее Величества к свастике, – писала ближайшая подруга Государыни Ю. А. Ден, – то в глазах Ее Величества она представляла собой не амулет, а некий символ. По Ее словам, древние считали свастику источником движения, эмблемой божественного начала» (**Ден Ю.** *Подлинная Царица. Воспоминания близкой подруги Императрицы Александры Федоровны*. СПб., 1999. С. 56).

¹⁹⁹ Акт передачи Царской Семьи комиссаром Яковлевым в руки уральских большевиков был закреплен документом, содержание которого позже было многократно опубликовано.

²⁰⁰ **Дидковский Борис Владимирович** (1883—1937), революционер, геолог, педагог, ректор Уральского государственного университета. Родился в Житомире в семье офицера. Учился в Киевском кадетском корпусе, в 1900—1904 г. был студентом Электротехнического института и вольнослушателем физико-математического факультета Петербургского университета. В 1913 г. закончил Женевский университет в качестве бакалавра математических и геологических наук. В 1913

—1917 г., вернувшись в Россию, занимался геологическими исследованиями Северного Урала, получив место главного геолога Николае-Павдинского горного округа. Провел топографическую и геологическую съемку округа, поиск и разведку месторождений платины, золота, угля, железа и т. д. До 1907 г. был вместе с социал-демократами, но в 1907 г. ушел к анархистам. В марте 1917 г. вступил в РСДРП (б), был председателем продовольственной управы в Верхотурье, руководил вооруженными отрядами, участвовал в Петроградском съезде депутатов, где готовил правительственное постановление о национализации уральской промышленности. Вернувшись, с октября 1918 г. руководил обороной Кытлымо-Павдинского района. В 1920—1923 гг. служил управляющим районного рудного управления Екатеринбургa, с августа 1920 г. – председатель Горного совета ВСНХ на Урале, был в составе организационного комитета Уральского государственного университета, преподаватель высшей математики и проректор по административно-хозяйственной части Уральского университета, в 1921—1924 гг. – ректор Уральского государственного университета. В 1930—1936 гг. – управляющий Уральского геологического треста, директор Уральского геолого-разведочного НИИ. 30 января 1937 г. арестован. Расстрелян 13 августа 1937 г. как «активный участник антисоветской террористической организации правых на Урале». В 1956 г. реабилитирован.

Глава XV

Последнее путешествие

Для остальных членов семьи и свиты эти дни стали наиболее тягостными за все пребывание в Тобольске. Из Тюмени получили телеграмму, но толком все равно ничего не было известно. Жильяр вспоминал:

«Спустя некоторое время один из кучеров, отвозивших Государя и других лиц, привез коротенькую записочку от Марии Николаевны. Она писала, что едут в очень тяжелых условиях: плохая дорога, плохие экипажи. Потом пришла на имя Кобылинского телеграмма от Набокова, извещавшего о прибытии в Тюмень.

Совершенно неожиданно для нас 20 апреля была получена Кобылинским телеграмма от Матвеева, что Государь и все другие оставлены в Екатеринбурге. Это для нас было полной неожиданностью. Все мы думали, что Государя везут в Москву.

24 апреля от Государыни пришло письмо. Она извещала в нем, что их поселили в двух комнатах Ипатьевского дома, что им тесно, что они гуляют лишь в маленьком садике, что город пыльный, что у них осматривали все вещи и даже лекарства. В этом письме в очень осторожных выражениях она давала понять, что надо взять нам с собой при отъезде из Тобольска все драгоценности, но с большими предосторожностями.

Она сама драгоценности называла условно «лекарствами». Позднее, на имя Теглевой, пришло письмо от Демидовой, писанное, несомненно, по поручению Ее Величества. В письме нас извещали, как нужно поступить с драгоценностями, причем они были названы «вещами Седнева». [...]

Мы стали готовиться в дорогу. С драгоценностями мы поступили так. Часть их положили в чемодан. Часть княжны надели на себя. Часть использовали вместо пуговиц. Это было сделано таким образом. Отпоролы на некоторых костюмах княжон пуговицы и драгоценные предметы, обернутые ватой и обшитые затем шелком, пришили к костюмам вместо пуговиц» (**Росс Н.** *Гибель Царской Семьи*. Ф/М., 1987. С. 233).

В начале апреля 1918 г. в Тобольск неожиданно для «чрезвычайного» комиссара Демьянова²⁰¹ – начальника омского отряда Красной гвардии – прибыл екатеринбургский отряд красногвардейцев численностью 150 человек²⁰². Вместе с этим отрядом прибыли Хохряков²⁰³

²⁰¹ **Демьянов Авраамий Федорович** (1893—1952), в партии большевиков с 1917 г. Участник революционного движения в городах Западной Сибири. Начальник отряда Красной гвардии Омска. В связи со слухами о подготовке побега Царской Семьи был направлен в Тобольск для взятия ее под охрану в свои руки. Это была попытка западносибирских большевиков завладеть Царской Семьей. 26 марта 1918 г. с отрядом красногвардейцев в 100 человек прибыл в Тобольск. Как комиссар Западносибирского совета он имел обширные полномочия в Тобольском уезде, однако миссию выполнить не смог, так как с помощью центра положением в городе овладели уральские большевики.

²⁰² Нигде не сообщается подлинная фамилия командира этого отряда – Шидтня. (В материалах Н. А. Соколова он фигурирует как Шиндер.) «На самом же деле подобный отряд действительно существовал, но посылался из Екатеринбурга в Тобольск значительно ранее – 10 апреля 1918 года, и даже не под командой Родионова (который прибыл в Тобольск немногим позднее), а под командой упоминаемого выше Шидтня. Подтверждением же сему является документ, находящийся в личном деле одного из фигурантов Предварительного Следствия С. С. Заславского: «Областной Исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских, солдатских депутатов Урала / 10 апреля 1918 года / УДОСТОВЕРЕНИЕ / тт. Хохрякову, Заславскому, Авдееву. Тобольск. В Ваше распоряжение поступает наш отряд около 80 человек, под командой тов. Шидтень. / №1899/1 / Замест. Пред. Обл. Совета / Дидковский» (**Жук Ю. А.** *Гибель Романовых*. М., 2009. С. 198—199).

²⁰³ **Хохряков Павел Данилович** (1893—1918), родился в д. Хохряки (Хохряково) Вятской губернии в крестьянской семье. Окончил три класса церковно-приходской школы. В период Первой мировой войны (с 1915 г.) – матрос Балтийского флота. Оказался на броненосце «Император Александр II», который после февральского мятежа был переименован в «Зарю Свободы». Корабль, на котором нес службу Хохряков, был старым и всю войну простоял в Кронштадте – тыловой базе Бал-

и Заславский. Хохряков был назначен комиссаром вместо Яковлева после того, как в отрядный комитет пришла телеграмма из Москвы. Между Демьяновым и Заславским произошли крупные трения по вопросу о судьбе Царской Семьи. Вскоре Демьянов был отозван в Омск, а омский отряд возглавил его помощник Перминов²⁰⁴. На своих местах остались комиссар Дуцман, латыши и екатеринбургский отряд.

Большевики отстранили Кобылинского от командования. Полковник Кобылинский вспоминал:

«... Хохряков выписал из Екатеринбурга какого-то Родионова²⁰⁵. Родионов и стал у латышей начальником отряда. Спустя некоторое время после назначения Хохрякова нашим комиссаром вместо Яковлева он получил от кого-то из Москвы телеграмму, в которой говорилось, что ему поручается перевезти всю остальную семью в Екатеринбург²⁰⁶. [...] Он уже распоряжался не как председатель совдепа, а как чрезвычайный комиссар по охране Семьи. Некоторое время после назначения его комиссаром, но еще до замены нашего отряда латышами, когда караул несли еще наши солдаты, я однажды хотел пройти в дом. Солдаты меня не пропустили, сославшись на приказ Хохрякова. Я обратился к Хохрякову. Он мне сказал: „Они

тийского флота. Служил на броненосце кочегаром. В 1916 г. тайно вступил в РСДРП. Вел революционную работу. После февральской революции – председатель партийного комитета «Заря Свободы». Создает отряды Красной гвардии. «Хохряков принял активное и непосредственное участие в массовых убийствах офицеров броненосца, в частности командира корабля капитана 1-го ранга Н. И. Повалишина. Постоянно выступая на митингах, ораторствуя на собраниях, расправляясь с офицерами, Хохряков вскоре обратил на себя внимание большевистских вождей и, прежде всего, Свердлова. По личному распоряжению и рекомендации Свердлова он (в августе 1917 г.) во главе отряда матросов направляется в Екатеринбург. Хохряков встретил Октябрьский переворот, будучи председателем Петроградского ВРК и начальника Центрального штаба Красной гвардии г. Екатеринбурга. Будучи членом Облчека, он возглавлял отдел по борьбе с контрреволюцией. В Екатеринбурге Хохряков тесно сошелся с другим свердловским ставленником – Я. М. Юровским, вместе с которым совершал грабежи и насилия над мирным населением Екатеринбурга» (**Мультигули П. В.** *Свидетельства о Христе до смерти...* СПб., 2006. С. 244). Ш. И. Голощекиным направлен в Тобольск (весной 1918 г.) для контроля над положением в городе, губернии и для овладения Царской Семьей. Избран председателем местного совета, но заменить охрану Царской Семьи своей не смог. В апреле участвовал в подготовке перевозки первой группы Августейших узников в Екатеринбург, а в мае 1918 г. организовал перевоз остальных ее членов. С лета 1918 г. командовал Тюменской военной флотилией, после ее поражения – красногвардейскими отрядами на востоке Среднего Урала. Организатор убийства епископа Гермогена (Г. Е. Долганова) и других священнослужителей на р. Туре. 17 августа 1918 г. погиб в бою близ ст. Крутиха. Похоронен в Перми.

²⁰⁴ **Перминов Дмитрий Васильевич** (1881—1919), секретарь Алапаевского исполкома. Был расстрелян белыми войсками.

²⁰⁵ По наиболее распространенной версии, настоящее имя Родионова – Я. М. Свикке. Есть сведения о том, что чекист Свикке никогда не был Родионовым, а присвоил себе эту фамилию и никогда не командовал упомянутым отрядом. Эксперт-криминалист Ю. А. Жук в своем исследовании пишет: «... в первичном варианте расшифровки упомянутой выше стенограммы «Совещания старых Большевиков по вопросу пребывания Романовых на Урале» имеется стенограмма Уральского Облсовета и Комиссара жилищ Уральской области А. Н. Жилинского, который дополнил рассказ Я. М. Юровского личными воспоминаниями: «Начался момент их (Царской Семьи. – **Ю. Ж.**) привоза. Приехали и осмотрели дом: Филипп, Белобородов, Дидковский, Чуцкаев. Все нашли подходящим, сдали под охрану Родионову, который убит при Невьянском восстании (начавшемся 12 июня 1918 г.). [...] Когда подошла машина, Родионов принимает ее на парадном крыльце, просит пройти. Начинают обыскивать ее (Государыню Императрицу. – **Ю. Ж.**), она начинает протестовать и говорит, что у нее здесь медикаменты, которые знает доктор Боткин и которые не подлежат осмотру со стороны мужчины. Родионов заявляет: «Я начальник караула и должен знать все, что есть у вверенных мне под охрану людей» (**Жук Ю. А.** *Гибель Романовых*. М., 2009. С. 197—198). Гиббс рассказывал, что «его Татищев знал, но он не мог припомнить хорошо, кто он такой и где он его видел. Его также знала и Буксгевден. Татищев думал, что он видел Родионова в Берлине, а Буксгевден – в Вержболове. Татищев состоял при императоре Вильгельме и думал, что он видел Родионова в русском посольстве в Берлине. Татищев его спрашивал, чем он занимался раньше. Но Родионов не желал говорить и отвечал: «Я забыл». Нам было это очень интересно. Татищев так и шутил и называл Родионова «мой знакомый». А я помню случай такой. В 1916 году я был в Петрограде у своего знакомого Дитвейлера, кажется, еврея, русского подданного, который служил в кабельном заводе. Я имел с ним разговор и спросил его, где он был. Он мне сказал, что он был у такого-то, которому фамилию я теперь забыл. Я Дитвейлера спросил, кто он такой. Он мне сказал: «Должно быть, германский шпион». При этом он мне сказал, что там же был офицер Родионов» (*Российский архив. VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1920 гг.* М., 1998. С. 110).

²⁰⁶ «В марте Уральский комитет большевиков создает специальную тайную (чрезвычайную) тройку по подготовке и осуществлению перевода Царской Семьи из Тобольска. В нее входят заместитель председателя Уралоблсовета Дидковский, комиссар по снабжению Войков и комиссар по юстиции Голощекин, поддерживающий постоянный контакт со Свердловым. Конкретное выполнение операции возлагается на группу чекистов во главе с 24-летним Павлом Хохряковым» (**Платонов О. А.** *История царевубийства*. М., 2001. С. 231).

меня не поняли“. Я продолжал после этого в течение нескольких дней ходить в дом. Но скоро прибыл Родионов, и состоялась замена нашего караула латышским отрядом. Латыши как-то сразу заняли все посты и не пропустили меня в дом. Это было за несколько дней до отъезда Семьи. [...] Родионов еще при мне, как только появился у нас, пришел в дом и устроил всем форменную переключку. Это поразило меня и всех других. Хам, грубый зверь, сразу же показал себя. После этого как-то сразу латыши заняли посты неожиданно для меня, и я уже не мог попасть в дом. Николаева же и Карпов говорили мне, что латыши держали себя таким образом. Была в доме в это время одна, всего-навсего, кажется, служба. Латыши обыскали священника, обыскали, грубо „ощупывая“, монашенку, перерыли все на престоле. Во время самого богослужения Родионов поставил латыша около престола следить за священником. Это так всех угнетало, на всех так подействовало, что Ольга Николаевна плакала и говорила, что если бы она знала, что так будет, то она и не стала бы просить о богослужении. Когда меня не пустили больше в дом, я и сам не выдержал и заболел: слег в постель» (Росс Н. *Гибель Царской Семьи*. Ф/ М., 1987. С. 305—306).

Перевезти в Екатеринбург других членов семьи – Алексея Николаевича и Великих княжон Ольгу Николаевну, Татьяну Николаевну и Анастасию Николаевну – было поручено комиссарам Хохрякову и Родионову. Причем последний был назначен начальником всего конвоя.

Родионову «...было лет 28—30, роста ниже среднего, светлый шатен, не представляю хорошо его прически. Усы подстригал, бороду брил. Глаза, кажется, голубые. Носа, рта, лба не представляю. Человек он неинтеллигентный и производил отталкивающее впечатление. Морда у него какая-то „бабская“, с ехидной улыбкой. В нем чувствовался жестокий зверь, но зверь хитрый. Буксгевден уверяла, что во время одной своей заграничной поездки она видела его на одной из пограничных станций в форме русского жандарма. Я бы сказал, что в нем действительно чувствовался „жандарм“, но не хороший, дисциплинированный солдат-жандарм, а кровожадный, жестокий человек с некоторыми приемами и манерами жандармского сыщика» (Там же. С. 306).

Алексей Николаевич, которого нельзя было переносить, лежал в кровати в кабинете своего отца, а Гиббс и Жильяр по очереди читали ему вслух. Гиббс начал читать «Следопыта». Он вспоминал:

«Следопыт» Джона Фенимора Купера: на титульном листе дарственная надпись на русском языке «Ольге от бабушки на Рождество, Гатчина, 1907 год», сделанная Вдовствующей Императрицей Марией Федоровной. Это последнее произведение, которое я читал с Алексеем Николаевичем. Книга взята из библиотеки детей в Царском Селе. Она издана в 1903 г. издательством «Блэки энд сан, Лимитед», заложена тесемчатой закладкой на страницах 54—55, второй конец которой на страницах 98—99. Иллюстрации Альфреда Пирса. На внутренней стороне обложки карандашом проставлена цена: 3/-. Сохранилось несколько моих набросков на листе грубого картона, или скорее плотной бумаги для рисования, которые я сделал, чтобы пояснить подробности истории. Лучше всего вышло индейское каноэ. Я читал эту книгу Цесаревичу в Тобольске, когда он болел. Это было после отъезда Императора и Императрицы в Екатеринбург. Я рисовал, а он лежал в постели в рабочем кабинете Императора. Если не ошибаюсь, этот лист бумаги я взял в коробке из-под конфет, где хранились карты и некогда любимая настольная игра Его Высочества «Тише едешь – дальше будешь».

Гиббс сохранил эти рисунки. Он сохранил также несколько меню, которые составлялись официально и изо дня в день записывались искусным почерком на бумаге, увенчанной Императорским двуглавым орлом. После того как Николай Александрович, Александра Федоровна

и Мария Николаевна покинули Тобольск, узникам подавали следующие блюда (следует помнить, что блюдо в действительности могло отличаться от описанного в меню):

«22 апреля 1918 года:

Завтрак:

Суп бульон с кореньями

Холодное мясное блюдо

Обед:

Ветчина холодная

Жаркое индейка

Салат

23 апреля 1918 года:

Завтрак:

Щи свежие

Эскалоп телячий с гарниром

Обед:

Галантин из индейки холодный

Жаркое утки дикия

28 апреля 1918 года:

Завтрак:

Суп русский с перлов. [ой] круп. [ой]

Рябчики с рисом

Обед:

Жаркое дикия утки

Салат

Каша рисовая на молоке

29 апреля 1918 года:

Завтрак: Борщ

Котлеты телячьи рубленые с гарн. [иром]

Обед: Ростбиф с гарниром

Макароны запеченные»

Наконец, к 6/19 мая самочувствие Алексея улучшилось. После перенесенной болезни мальчик больше не мог ходить, но он достаточно окреп для путешествия, поэтому ехать решили на следующий же день.

«Только один раз после отъезда Императора и Императрицы произошел вечер, – писал Гиббс [это был последний вечер перед отъездом], – когда нас пригласили и подали последнюю оставшуюся бутылку хорошего старого вина, которое уничтожили люди партии. Когда это происходило, мы слышали коменданта,²⁰⁷ шпионившего в коридоре. Времени хватило

²⁰⁷ Татищев, служивший в российском посольстве в Берлине, припоминал, что ему доводилось видеть там Родионова. Он

только на то, чтобы спрятать бутылку и наши стаканы под стол, покрытый длинной скатертью, когда он вошел. Комендант загадочно осмотрел комнату. При этом он выглядел очень комично. И мы немедленно почувствовали себя мальчишками, которых застали за шалостью в гимназии. Ситуация была настолько смехотворная, что, когда мы встретились глазами друг с другом, не могли более сдерживаться и разразились диким приступом неконтролируемого смеха. Комендант стал еще более таинственным, чем обычно, и не знал, что ему делать. Но поскольку смех редко сопутствует заговору, он покинул комнату и ушел».

На следующий день в полдень все стояли на пристани, чтобы подняться на борт парохода «Русь», запомнившийся всем с прошлого лета. Матрос Нагорный – дядька Цесаревича, ранее служивший на яхте «Штандарт» вместе с вероломным боцманом Деревенко, нес на руках Алексея Николаевича. Теглева вспоминала:

«До Тюмени мы ехали на пароходе, том же самом, на котором мы ехали до Тобольска. Родионов запретил Княжнам запирать на ночь Их каюты, а Алексея Николаевича с Нагорным он запер снаружи замком. Нагорный устроил ему скандал и ругался: „Какое нахальство! Большой Мальчик! Нельзя в уборную выйти!“ Он вообще держал смело себя с Родионовым, и свою будущую судьбу Нагорный предсказал сам себе» (*Российский архив. VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1920 гг. М., 1998. С. 128—129*).

Гиббс плыл на пароходе вместе с Августейшими детьми. Баронессе Буксгевден также было позволено присоединиться к ним. По прибытии в Тюмень «Русь» была пришвартована к берегу, куда уже был подан поезд. Пассажиры в пальто и шляпах ждали распоряжений в главном салоне парохода. Вошел товарищ Родионов со списком пассажиров. Сначала он назвал имена членов императорской свиты и некоторых слуг, они встали и вышли. Августейшие дети, вызванные следом, также стали неспеша выходить на берег. Нагорный нес Алексея Николаевича. Затем Родионов вернулся. «Остальные!» – сказал он коротко. Когда Гиббс, Жильяр и другие сопровождающие подошли к поезду, некоторых из них попросили пройти в вагон четвертого класса²⁰⁸. Это был простой отапливаемый грузовой вагон (теплушка). Великие Княжны и Цесаревич разместились в обыкновенном пассажирском вагоне. Позже Гиббс вспоминал, что они так и не попрощались.

После полуночи 10/23 мая поезд достиг окрестностей Екатеринбурга. На главном вокзале сделали небольшую остановку, чтобы комиссар Родионов мог обо всем доложить начальству.

«Затем, – рассказывал Гиббс, – мы продолжали ехать всю ночь вперед и назад, останавливаясь ненадолго в каких-то недоступных местах, чтобы поменять направление. Наконец, в 7 часов утра мне показалось, что наша стоянка продолжалась дольше, чем обычно, и я выглянул в окно. Я увидел, что мы стояли на обособленном участке дороги, рядом с путями, где ожидали местные дрожки²⁰⁹. Вскоре я увидел, как три Великих Княжны спускаются с поезда и забираются в них. Наконец, из поезда вынесли больного Цесаревича и отнесли к ним. Как только все Они оказались на дрожках, был отдан приказ, и лошади со своим эскортом пошли рысью».

Жильяр вспоминал:

ничего больше не добавил, но позже подтвердил, что Родионов выведывал планы русских революционеров. – **Прим. автора.**

²⁰⁸ Августейших детей разместили в вагоне второго класса. С ними ехали: генерал-адъютант Татищев, гоф-лектриса Императрицы Шнейдер, доктор Деревенко, баронесса Буксгевден, графиня Гендрикова, дядька Наследника матрос Нагорный, помощница няни Августейших детей Эрсберг. Все остальные ехали в теплушке. – **Прим. ред.**

²⁰⁹ Легкий одноместный или двухместный открытый экипаж на рессорах. – **Прим. ред.**

«Приблизительно часов в 9 утра поезд остановился между вокзалами. Шел мелкий дождь. Было грязно. Подано было 5 извозчиков²¹⁰. К вагону, в котором находились дети, подошел с каким-то комиссаром²¹¹ Родионов. Вышли княжны. Татьяна Николаевна имела на одной своей руке любимую собаку²¹². Другой рукой она тащила чемодан, с трудом волоча его. К ней подошел Нагорный и хотел ей помочь. Его грубо оттолкнули. Я видел, что с Алексеем Николаевичем сел Нагорный. Как разместились остальные, не помню. Помню только, что в каждом экипаже был комиссар, вообще, кто-то из большевистских деятелей.

Я хотел выйти из вагона и проститься с ними в последний раз, и даже не думал, что буду отстранен от них» (**Росс Н.** *Гибель Царской Семьи*. Ф/М., 1987. С. 234).

Некоторое время спустя в сплошной серой пелене дождя состав перевели обратно на запасной путь главного вокзала Екатеринбургa. Прибывшая охрана увезла Татищева, графиню Гендрикову и мадмуазель Шнейдер в городскую тюрьму. А четверых слуг, среди которых были повар и лакей, забрали в дом Ипатьева²¹³.

Гиббс вспоминал, что «потом приходил Нагорный и брал и увозил с собой вещи и кровати для Детей. Когда уезжал Государь, тоже были взяты несколько кроватей. Все кровати были одинаковые: походные, никелированные, образца кровати Александра II во время турецкой кампании, удобные, но тяжелые» (*Российский архив VIII. Н. А. Соколов. Предварительное следствие 1919—1920 гг.* М., 1998. С. 111).

Наконец, в пять часов к остальным сопровождающим – учителям и домашним слугам – пришел комиссар Родионов и, к их огромному удивлению, сказал: «Господа, вы свободны. Можете ехать, куда угодно» (*Там же*. С. 111). Баронессу Буксгевден пересадили в их вагон. В городе же тем временем лил проливной дождь.

²¹⁰ «На первом ехал цесаревич Алексей, Нагорный и, вероятно всего, Хохряков – он город знал. На втором и третьем извозчиках ехали Ольга Николаевна и Анастасия Николаевна, хотя сейчас нельзя установить порядок очередности их экипажей. С одной из них сидел комиссар Родионов. На четвертом – Татьяна Николаевна с собачкой и Заславский. На пятом извозчике ехал Белобородов и конвой» (**Зайцев Г.** *Романовы в Екатеринбурге*. Екатеринбург, 1998. С. 61).

²¹¹ Имеется в виду комиссар Уральского исполкома Семен Савельевич Заславский (1890—1953). – **Прим. ред.**

²¹² Собака по кличке «Ортипо», маленький французский бульдог, был подарен Великой Княжне Татьяне Николаевне штабс-ротмистром Лейб-Гвардии Уланского Ее Величества полка Дмитрием Яковлевичем Маламой в октябре 1914 г.

²¹³ Представитель Екатеринбургского исполкома, а позже комендант Дома особого назначения Авдеев вспоминал: «Вместе с указанными членами Семьи в дом были допущены повар Харитонов, его помощник мальчик-поваренок, слуги Седнев и Трупп и на несколько дней матрос Нагорный» (**Авдеев А. Д.** *Николай Романов в Тобольске и Екатеринбурге. Из воспоминаний коменданта // Красная новь*. №5, 1928). В августе 1919 г. на допросе у следователя Н. А. Соколова камердинер Государыни А. А. Волков сообщил: «Спустя некоторое время явился к нашим вагонам Родионов и выделил из одного вагона Гендрикову, Шнайдер и Татищева, а из другого – меня, Харитонova и Седнева Леонида. Нас повели к вокзалу, где были извозчики. У извозчиков был тот самый комиссар или еще кто, который вместе с Родионовым перевозил и детей. У меня с собой был саквояж, а в нем было: 4 000 денег, белье, сапоги, одна моя фотографическая портретная карточка и две карточки-открытки, бритвы, туфли, записная книжечка, продовольственная книжка. В отдельных местах были у меня сухари и банка с вареньем. Этот комиссар с Родионовым не позволили мне брать с собой сухарей и варенья, и эти вещи были оставлены ими у себя. Татищев сел один на извозчика. Я также сел один. Гендрикова села со Шнайдер. Родионов с неизвестным комиссаром сели также на одного извозчика и поехали сзади нас. Харитонов с Седневым также сели вместе. Подъехали мы к дому Ипатьева, где была Семья. Я видел, что дом был обнесен забором, но не могу сказать, закрывал он ворота или же нет. Тут у дома Ипатьева ссадили Харитонova и Седнева. Нас же остальных повезли дальше. Я спросил извозчика: „Далеко ли до дома?“. Я думал, что нас везут куда-либо еще. Молчит. Я опять его спросил: „Ты куда нас везешь?“. Опять молчит. И привезли нас в тюрьму» (**Росс Н.** *Гибель Царской Семьи*. Ф/М., 1987. С. 451).

Глава XVI

Дом особого назначения

Дом особого назначения стоял на невысоком холме. Сам Екатеринбург – город горняков и рабочих-металлургов, раскинулся на восточном склоне «Красных» Уральских гор. Построенный на угловом участке на довольно крутом склоне Вознесенской горки, этот красный двухэтажный каменный особняк с маленьким усадебным садом принадлежал богатому купцу Н. Н. Ипатьеву²¹⁴. В апреле 1918 года он получил распоряжение съехать в течение двадцати четырех часов. Перед прибытием Николая Александровича и Александры Федоровны практически вплотную к стене особняка был возведен деревянный забор, скрывавший дом и сад и поднимавшийся до окон второго этажа. Позже поставили другой забор, который скрыл здание до самого карниза, а также главный вход и ворота. Комнаты первого этажа превратили в караульные и служебные помещения, второй этаж стал тюрьмой с двойными окнами, которые закрасили белой краской, чтобы никто не мог выглянуть на улицу. В доме и на улице большевики установили сложную систему часовых и постов с пулеметами²¹⁵.

²¹⁴ **Ипатьев Николай Николаевич** (1869—1938), родился в Москве в семье известного архитектора Н. А. Ипатьева. Брат Владимира Николаевича Ипатьева (1867—1952), известного химика, создателя химической оборонной промышленности Российской империи (Император Николай II отметил деятельность В. Н. Ипатьева, произвел его в генерал-лейтенанты. В 1916 г. ученый был избран в действительные члены Императорской академии наук). Н. Н. Ипатьев закончил 3-й Московский кадетский корпус и поступил в Николаевское инженерное училище в Петербурге, которое успешно закончил в 1888 г. и был направлен поручиком в инженерные войска, а затем поступил в Николаевскую инженерную академию, которую закончил в 1894 г. по первому разряду. Был направлен в звании инженера-поручика на строительство железнодорожных магистралей. Преимущественно работал на Урале и в Сибири. В 1904 г. женился на М. Ф. Гельцер, московской актрисе из семьи еврейских театралов. В 1906 г. вышел в отставку штабс-капитаном. Переезжает в Екатеринбург. Начал заниматься железнодорожными подрядами. Участвует в строительстве железной дороги Екатеринбург – Кунгур – Пермь. Дела его шли прекрасно, и он пользовался в железнодорожном строительном мире наилучшей репутацией. В Екатеринбурге жил в доме своей (или жены) родственницы г-жи Е. Ф. Поппель по адресу: Вознесенский проспект, 49—9 (более известен как дом Ипатьева), где проживал в квартире на втором этаже. С 1914 г. – член Уральского общества любителей естествознания. В 1914—1918 гг. – гласный Городской думы, занимал пост инженера железнодорожных войск. «...Незадолго перед революцией судебные власти начинают подозревать Ипатьева в мошенничестве, и, возможно, лишь революция спасла его от судебного разбирательства» (**Мультипли П. В. Свидетельства о Христе до смерти...** СПб., 2006. С. 608). В начале 1918 г. приобретает дом за огромную по тем временам сумму – 6000 рублей. «...Но даже после приобретения дома Ипатьев опять-таки в нем не жил, он, по его словам, лишь „расставил в нем мебель“ на верхнем этаже, а нижний сдал „для помещения конторы, агентства по черным металлам“. Позже было установлено и название этой фирмы – „Макшеев и Голландский“. Здесь необходимо отметить, что Ф. Ф. Макшеев был инженером путей сообщения и состоял в масонских ложах „Космос“, „Астрея“ и „Гермес“. Хорошо знал таких эсеров и кадетов, как Н. Д. Авксентьев, Н. В. Чайковский, которые, к слову сказать, в 1918 году были во власти Сибирского правительства и Комуча, Л. Д. Кандаурова, а также Б. В. Савинкова. Точных сведений о Голландском на сегодняшний день не имеется, но, по всей вероятности, по национальности он был русским евреем» (*Там же*. С. 612—613). В конце апреля 1918 г. по распоряжению Исполнительного комитета Екатеринбургского Совета срочно был выселен из дома, в который заключили Царскую Семью. «Когда в Екатеринбурге образовался Комитет общественной безопасности, то Н. Н. Ипатьев вошел в его исполнительную секцию. Кроме Ипатьева, в исполнительной секции разные должности занимали: эсер А. Кошечев, анархист П. Жебелев, кадет А. Ардашев (двоюродный брат Ленина), большевики А. Парамонов, С. Мрачковский, П. Быков и Я. Юровский. Знал хорошо Ипатьев и П. Войкова» (*Там же*. С. 609—610). После ухода большевиков был избран в восстановленную Городскую думу, стал одним из ее руководителей, назначен государственным контролером Временного областного правительства Урала, избран членом Совета Уральского торгового-промышленного союза. Преподавал в горном институте. Под угрозой прихода красных перебрался во Владивосток. Затем эмигрировал в Чехословакию, где жил долгое время и занимался преподавательской деятельностью. Скончался в Праге. Похоронен в крипте Успенского храма на Ольшанском кладбище.

²¹⁵ Государь отметил в своем дневнике: «25 апреля / 8 мая. Сегодня заступил караул, оригинальный и по свойству, и по одежде. В составе его было несколько бывших офицеров, и большинство солдат были латыши, одетые в разные куртки, со всевозможными головными уборами. Офицеры стояли на часах с шашками при себе и с винтовками. Когда мы вышли гулять, все свободные солдаты тоже пришли в садик смотреть на нас; они разговаривали по-своему, ходили и возились между собой. До обеда я долго разговаривал с бывшим офицером, уроженцем Забайкалья; он рассказывал о многом интересном, так же как и маленький караульный начальник, стоявший тут же; этот был родом из Риги». Примечательно, что этот караул нес службу в доме Ипатьева до 2/15 мая, состоял из бывших фронтовиков и был неизменно, со слов Царя, предупредителен. 2/15 мая этот отряд был полностью заменен, и Николай II пишет в своем дневнике: «Ни одного лишнего солдата в саду не было. Караульный начальник с нами не разговаривал, т. к. все время кто-нибудь из комиссаров находился в саду и следил за нами,

Когда из Тобольска прибыли остальные члены семьи и свита, двенадцати заключенным предстояло разместиться в пяти комнатах. Николай Александрович, Александра Федоровна и Алексей Николаевич заняли ту, которая выходила на большую площадь с церковью Вознесения. Другую комнату отдали Великим Княжнам, а доктор Боткин, преданный врач семьи, и четверо слуг (служанка, лакей, повар и поваренок) поселились в остальных. Революционные солдаты первого гарнизона были бывшими фабричными рабочими Екатеринбурга. Трое из них, вооруженные револьверами, постоянно дежурили у дверей царских комнат. Начальник внутренней охраны, Авдеев, был горластым задирой, он постоянно срывал раздражение на бывшем Царе, прозванного солдатами «Николаем-кровопийцей». Как само собой разумеющееся, все просьбы семьи отвергались. Солдаты входили в комнаты, когда им вздумается, и даже сопровождали Великих Княжон в уборную, которую они разрисовали неприличными рисунками с изображениями Императрицы Александры Федоровны и Распутина²¹⁶.

за ним и часовыми!» День 2/15 мая стал днем резкого ухудшения режима содержания Царской Семьи: окна в доме были замазаны белой краской, их было запрещено открывать для проветривания, а прогулки были сокращены на час. Новый состав охраны набирался Мрачковским и Авдеевым. Охрана была набрана Мрачковским из рабочих Сысертского завода (30 человек) и Авдеевым – из рабочих Злоказовской фабрики (16 человек). Охрана делилась на внешнюю и внутреннюю. Внешнюю охрану ДОНа несли сысертские рабочие, внутреннюю – злоказовские. Соколов писал о характере этих рабочих: «Фабрика братьев Злоказовых работала во время войны на оборону: изготавливала снаряды. Работа на фабрике избавляла от фронта. Сюда шел самый опасный элемент, преступный по типу: дезертир. Он сразу всплыл на поверхность в дни смуты, а после большевистского переворота создал его живую силу» (**Мультигули П. В.** *Свидетельства о Христе до смерти...* СПб., 2006. С. 475—476). Из показаний бывшего охранника Ипатьевского дома Ф. П. Проскурякова: «Главным начальником над домом и над нашим караулом был рабочий со Злоказовской фабрики Александр Мошкин. В нашей же команде был главным начальником Медведев. Он именно был начальником. Никто его на это не выбирал, а так, просто, с самого начала он принимал охрану. Он нам раздавал жалованье, он ставил на посты и вообще был у нас как начальник. Мы все получали 400 рублей жалованья, а Медведев получал 600 рублей. Авдеев был весь день в доме, помещаясь в комендантской комнате. Он приходил с утра часов в 9 и уходил домой часов в 9 вечера. Мошкин все время находился в комендантской комнате, жил там. Медведев при них также находился все время в этой же комнате и ночевал даже там. Караульные посты были следующие: 1) пост наружный у будки около ворот, 2) пост наружный у будки вблизи часовенки. 3) между заборами у окон дома, 4) в переднем дворе у дверей в дом, 5) в заднем дворе, 6) в саду; внутри дома было два поста: 7) у парадной двери в верхнем этаже около комендантской комнаты, 8) около уборной, где находился клозет и ванная комната; кроме того, было еще три пулеметных поста: 9) на чердаке дома у окна, 10) на террасе, выходящей в сад, и 11) в нижнем этаже дома в средней комнате. Приблизительно с неделю понесли мы охрану, и Авдеев привел еще 15 человек, приблизительно, рабочих со Злоказовской фабрики. [...] Злоказовские рабочие стали жить вместе с нами же внизу дома Ипатьева. [...] До появления их [латышей] мне приходилось, как и другим, несколько раз стоять на постах внутри дома и у комендантской, и у уборной, так всего, примерно, раз шесть на обоих постах. Стоял я на этих постах и утром, и днем, и вечером, и ночью. Я видел за это время всю Царскую Семью: самого Государя, Государыню, Наследника и дочерей: Ольгу, Татьяну, Марию и Анастасию. Мне приходилось хорошо их видеть, когда они шли на прогулку, в уборную или проходили из одной комнаты в другую. Гуляли они все, кроме Государыни. Я никогда не видел, чтобы она ходила гулять в сад. Наследника я, правда, видел только один раз, когда его несли на руках на прогулку старшая дочь Государя Ольга. Наследник все время был болен» (**Росс Н.** *Гибель Царской Семьи*. Ф/М., 1987. С. 272—273).

²¹⁶ «Первоначально, в первые дни пребывания Царя, Царицы и Великой Княжны Марии Николаевны, охрана находилась вместе с ними на втором этаже. Потом ее перевели вниз, на первый этаж, а затем для нее был выделен находившийся напротив дом Попова. На нижнем этаже осталась только комендантская, а затем Юровский поместил туда же уже набранную им внутреннюю охрану. Отношение внутренней и внешней охраны к арестованной Царской Семье было разным. Если внешняя охрана, в целом, не выходила за рамки приличия, а со стороны некоторых охранников даже очевидно было сочувствие к Царской Семье, то внутренняя являла себя во всей „революционной красе“. Стены дома были испещрены нецензурными надписями, караульные часто злоупотребляли спиртным и горлачили революционные песни. Один из внутренних постов был установлен рядом с уборной, поэтому Узники, направляясь в уборную, были вынуждены видеть стоящего рядом часового. Особенно это было тяжело для Великих Княжон, в отношении которых охранники иногда отпускали скабрзные шутки» (**Мультигули П. В.** *Свидетельства о Христе до смерти...* СПб., 2006. С. 477). Вот что об этом рассказывал чудом уцелевший камердинер Государя Т. И. Чемодуров: «Государь помещался в верхнем этаже дома, и в распоряжение всех нас были предоставлены 6 комнат и еще одна комната, служившая гардеробной, и кухня. День и ночь в верхнем этаже стоял караул из трех красноармейцев: один стоял у наружной входной двери, другой в вестибюле и третий близ уборной. Поведение и вид караульных были совершенно непристойные: грубые, распоясанные, с папиросами в зубах, с наглыми ухватками и манерами, они возбуждали ужас и отвращение. В комнате направо от входа в переднюю помещался комендант – Александр Дмитриевич Авдеев. [...] В полном подчинении Авдеева была вся караульная команда во главе с начальником караула; начальники караула менялись еженедельно; всех караульных было до 30 человек; помещались дежурные караульные в нижнем этаже дома. Все сношения с внешним миром и все распоряжения хозяйственные производились через коменданта; закупка провизии или нужных в хозяйстве вещей, отправка белья в чистку и т. п. Упомянутый в моем показании Дидковский не менее четырех раз в неделю производил контроль, обходя все комнаты, занятые государевой семьей; проходил он всегда в обществе одного-двух штатских лиц (каждый раз все новых) и как был, в шапке и калошах, входил в комнаты, не спрашивая разрешения. При этих

Августейшие узники сохраняли твердость духа. В то время как в комнате на первом этаже солдаты пели революционные песни «*Вам не нужен золотой идол*» или «*Смело, товарищи, в ногу*»²¹⁷, Александра Федоровна с дочерьми пели Херувимскую песнь и другие песнопения, чтобы заглушить шум, исходивший от пьяных солдат²¹⁸.

Заключенные не могли ничего поделывать. Оставалось только терпеть. Разрешены были лишь короткая дневная прогулка, чтение, рукоделие. Прикованный к постели Цесаревич играл с игрушечным кораблем. Чтобы развлечься, он делал к нему маленькие цепочки из проволоки. Многим позже Гиббс нашел и сфотографировал недатированное письмо, которое, как он полагал, являлось последним из написанных Алексеем Николаевичем. Оно было адресовано его старому приятелю, сыну доктора Деревенко Коле:

«Дорогой Коля,

Все сестры Тебе, Маме и бабушке кланяются. Я чувствую себя хорошо. Как здоровье бабушки? Что делает Фефер? Днем болела голова, а теперь совсем прошла. Крепко обнимаю Тебя и давяю ногами. Кланяйся Боткиным от нас всех.

*Всегда Твой Алексей
Конец*»²¹⁹

Все чувствовали себя довольно бодро, хотя дисциплина была настолько жесткой, насколько это было возможно. Анастасия Николаевна, которую угнетало замкнутое пространство и вид побеленных окон, открыла одно из них и выглянула наружу. Вот как описывает этот эпизод один из охранников Ипатьевского дома Ф. П. Проскуряков:

посещениях Государь, Государыня и Вел. Княжна Мария Николаевна занимались своими делами, не отрывая головы от книги или работы, как бы не замечая вовсе появления посторонних лиц» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 62).

²¹⁷ Автором песни «*Отречемся от старого мира*» (или «*Марсельезы*») был один из идеологов народничества П. Л. Лавров (1823—1900). Там есть такие слова: «Отречемся от старого мира, отряхнем его прах с наших ног! Нам не нужно золотого кумира, ненавистен нам царский чертог!» Из показаний охранника А. А. Якимова: «Пьяные, они шумели в комендантской комнате, орали, спали вповалку кто где хотел и разводили грязь. Пели они песни, которые, конечно, не могли быть приятны для Царя. Пели они все «Вы жертвою пали в борьбе роковой», «Отречемся от старого мира», «Смело, товарищи, в ногу». Вот показания другого охранника Ф. П. Проскурякова: «Оба они выпивали у себя в комендантской, и Юровский и Никулин. Бывало, напьются в комендантской, и начнется у них пение. Никулин мог на пианино играть – в комендантской оно стояло. Вот, бывало, Никулин играет, а Юровский свои «шары» [глаза] нальет, и начнут оба орать: «Отречемся от старого мира, отрясем его прах с наших ног! Нам не нужно золотого кумира, ненавистен нам царский чертог» и т. д. Или, бывало, все поют: «Вы жертвою пали в борьбе роковой». Мошкин тоже позволял себе иногда петь эти песни, но всегда в отсутствие Авдеева, и Авдеев этого не знал. А эти не стеснялись» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 274).

²¹⁸ На допросе у следователя Соколова бывший охранник Ипатьевского дома А. А. Якимов показал: «Только одно я сам наблюдал из Жизни Царской Семьи: они иногда пели. Мне приходилось слышать духовные песнопения. Пели они Херувимскую песнь. Но пели они и какую-то светскую песню. Слов ее я не разбирал, а мотив ее был грустный. Это был мотив песни: „Умер бедняга в больнице военной“ (Слова этой песни, популярной в то время, были написаны К. Р.). Слышались мне одни женские голоса, мужских ни разу не слышал» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 338).

²¹⁹ Речь идет о записке на отрывном листе 16x10,5 см. На обороте вчетверо сложенного листа в правом нижнем квадрате надпись: «Для передачи Николаю Владимировичу Деревенко» (Тобольск, 4/17? мая 1918). На обороте в левом верхнем квадрате надпись красными чернилами: «разрешено Хохряков». В связи с передачей этой записки Хохряков учинил Н. Деревенко формальный допрос. Т. Е. Боткина рассказывает об этом случае следующее: «В день смены отряда Особого Назначения на отряд Родионова (4/17 мая) произошел еще один маленький инцидент: Алексею Николаевичу и сыну д-ра Деревенко очень нравилось тайно переписываться, хотя никто не мешал им переписываться явно, через самого Деревенко. Им же доставляло особенное удовольствие пересылать письма каким-то таинственным способом, в просверленных просфорах, например. В этот раз Алексей Николаевич передал свое письмо Коле Деревенко через своего лакея Нагорного, который должен был принести ему ответ, но Нагорный запоздал, вернулся обратно, когда караул от отряда Особого Назначения уже сменился Родионовским. Нагорного обыскали, нашли письмо самого невинного содержания и подняли целую историю. На основании этой истории с письмом, д-р Деревенко не был пущен к Их Величествам, но и под арест не попал» (*Письма Святых Царственных Мучеников из заточения.* СПб., 1998. С. 340).

«А раз я иду по улице мимо дома и вижу, в окно выглянула младшая дочь Государя Анастасия, а Подкорытов, стоявший тогда на карауле, как увидел это, и выстрелил в нее из винтовки. Только пуля в нее не попала, а угодила повыше в косяк.

О разных этих безобразиях Юровскому было известно. О поступке Подкорытова ему, я знаю, докладывал Медведев, но Юровский сказал: «Пусть не выглядывают» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 275).

Острее всего заключенные ощущали свое положение во время трапезы. Еда была скудной: вчерашний черный хлеб и чай на завтрак, в два часа – разогретый суп и котлеты, присланные из общественной столовой местного Совета и сложенные в одно блюдо на столе, накрытом засаленной клеенкой – никакого льна или серебра. Порой врывался комиссар Авдеев и хватал кусок мяса из горшка²²⁰. Александра Федоровна всегда ела очень мало, и только макароны. Гиббс удивлялся в Тобольске, как с таким скромным питанием она оставалась в живых. Позже, когда семья смогла готовить на своей кухне, они стали питаться лучше²²¹. Однажды утром, вскоре после приезда, забрали Нагорного – полюбившегося семье матроса-слугу. Вопреки решению солдатского комитета, он настаивал на том, что Алексею Николаевичу необходимо иметь две пары ботинок: одну пару запасную, если другие намокнут. Обозленный этим, солдат охраны схватил свисавшую с кровати Цесаревича золотую цепочку со святыми образками. Разгневанный Нагорный остановил вора и был сразу же арестован. Гиббсу, все еще остававшемуся в Екатеринбургe, случилось гулять в тот день по Вознесенскому проспекту, недалеко от дома Ипатьева, с Жильяром и доктором Деревенько. Вот как вспоминал этот эпизод Жильяр:

«Однажды я проходил вместе с доктором Деревенько и моим коллегой Гиббсом мимо дома Ипатьева, и мы заметили у дома двух извозчиков, которых окружало большое число красноармейцев. Каково же было наше волнение, когда мы увидели в первом экипаже Седнева (лакея Великих Княжон) между двумя конвоирами. Нагорный подходил ко второму экипажу. Держась за края пролетки, он поднялся на подножку и, подняв голову, заметил всех нас троих, неподвижно стоящих в нескольких шагах от него. Посмотрев на нас пристально несколько секунд, он затем сел в экипаж, не сделав ни одного жеста, который мог бы выдать нас. Пролетки тронулись, как мы видели, по направлению к тюрьме» (**Жильяр П. Трагическая судьба Николая II и Царской Семьи / Петергоф, сентябрь 1905 г. — Екатеринбург, май 1918 г.** М., 1992. С. 157).

²²⁰ «Как относился комендант Авдеев к заключенной Царской Семье? Безусловно, сведения о том, что пьяный Авдеев во время обеда ударил Государя по лицу локтем, лез своей ложкой ему в тарелку, что он, пьяный, вваливался в комнаты Царя и Царицы, пытался сорвать крестик с шеи Наследника Цесаревича, следует считать большим преувеличением. Все эти свидетельства основываются на словах Чемодурова, который при этом, как мы видели выше, одновременно утверждал, что Авдеев лично не стеснял и не оскорблял Государя. Из дневниковых записей Николая II видно, что его отношения с Авдеевым были спокойно-нейтральными» (**Мультигули П. В. Свидетельства о Христе до смерти...** СПб., 2006. С. 473—474).

²²¹ Камердинер Государя Т. И. Чемодуров рассказывал: «В Ипатьевском доме режим был установлен крайне тяжелый и отношение охраны прямо возмутительное, но Государь, Государыня и Великая Княжна Мария Николаевна относились ко всему происходившему по наружности спокойно и как бы не замечали окружающих лиц и их поступков. День проходил обычно так: утром вся Семья пила чай; к чаю подавался черный хлеб, оставшийся от вчерашнего дня; часа в 2 обед, который присылали уже готовым из местного Совета Р. Д.; обед состоял из мясного супа и жаркого; на второе чаще всего подавались котлеты. Так как ни столового белья, ни столового сервиза с собой мы не взяли, а здесь нам ничего не выдали, то обедали на непокрытом скатертью столе; тарелки и вообще сервировка стола была крайне бедная; за стол садились все вместе, согласно приказанию Государя; случалось, что на семь человек обедающих подавалось только пять ложек. К ужину подавались те же блюда, что и к обеду. Прогулка по саду разрешалась только 1 раз в день, в течение 15—20 минут; во время прогулки весь сад оцеплялся караулом; иногда /я/ обращался к кому-либо из конвойных с малозначимым вопросом, не имеющим отношения к порядкам, но или не получал никакого ответа, или получал в ответ грубое замечание. Ни Государь, ни кто-либо из членов его семьи лично никаких разговоров с комендантом дома или иными „начальствующими“ лицами из представителей советской власти не вели, а всякие обращения и заявления делались через меня или через проф. Боткина» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 62).

Арестованных отправили в Екатеринбургскую тюрьму. Их поместили в одну камеру с первым премьер-министром Временного правительства, князем Львовым, и вскоре расстреляли.

«Все их преступление заключалось в том, что они не были в состоянии скрыть своего негодования, когда увидели, что комиссары-большевики завладели золотой цепочкой, на которой висели образки у кровати больного Алексея Николаевича» (*Там же*. С. 157).

В дальнейшем Николаю Александровичу самому пришлось выносить Алексея – теперь болеющего все время – для короткой прогулки на кресле-каталке в пыльном саду. Борода бывшего Царя стала седеть. Он носил гимнастерку цвета хаки с офицерским ремнем на поясе, брюки и старые, поношенные сапоги. На его груди был георгиевский крест. Александра Федоровна (говорил один из охранников) «имеет внешность и манеры важной, надменной женщины»²²². Но некоторые из фанатичных солдат против своей воли были впечатлены простотой бывшего Царя²²³, его добрыми глазами и чувством, выраженным позднее в сонете Мориса Бэринга²²⁴ «Эпитафия»: Николай II

Был лишен короны и трона, и сердца, и имени,
Горе придало ему величие, и страдание,
Дало больше, чем власть монарха.

К середине июня того жаркого, монотонного лета появились призрачные надежды на спасение. Они так и остались призрачными – монархисты, сочувствовавшие Царской Семье, так и не нашли осуществимый план. Теперь конец действительно был близок. По слухам, отношение Авдеева и его солдат к заключенным стало очень снисходительным, и на их место поставили людей из отдела ЧК, пятеро из которых были венгры²²⁵. Новый комендант Яков Юров-

²²² Источник установить не удалось.

²²³ «Но чем больше людей из авдеевской охраны соприкасались с Царственными Узниками, тем более у многих из них просыпались совесть и сочувствие к Ним. Как показывал обвиняемый Якимов: «Я никогда, ни одного раза, не говорил ни с Царем, ни с кем-либо из Его Семьи. Я с Ними только встречался. Встречи были молчаливые. Однако эти молчаливые встречи с Ними не прошли для меня бесследно. У меня создалось в душе представление от Них ото всех. [...] От моих прежних мыслей про Царя, с какими я шел в охрану, ничего не осталось. Как я Их своими глазами поглядел несколько раз, я стал душой к ним относиться совсем по-другому: мне стало Их жалко. Часовые к б. Государю относились хорошо, жалеючи, некоторые даже говорили, что напрасно человека томят». В. Криворотов приводит в своей книге («*На страшном пути до Уральской Голгофы*». Мадрид, 1975) следующий эпизод: «Государыня с сыном и Ленией Седневым оставалась внизу во дворе почти час. Алексей чувствовал себя почти совсем хорошо. Один из солдат внешней охраны, стоявший постовым перед калиткой во дворе, оглянулся кругом, поставил свою винтовку и несколько раз помог Наследнику подняться из коляски на ноги и шагнуть несколько шагов. Когда на лестнице послышались шаги, он быстро подхватил Мальчика на руки, посадил его в коляску и, схватив винтовку, встал, как ни в чем не бывало, у калитки. «Спасибо, солдатик! Бог Вам этого не забудет!» – тихо проронила Царица». Безусловно, что подобное сочувствие и внутреннее ощущение своего участия в черном и постыдном деле посещали не только рабочих-охранников, но и их начальство в лице Авдеева и Мошкина. Однажды после обеда А. Е. Трупп протянул Государю пакетик с табаком со словами: «Ваше Величество, этот табак дал мне Мошкин для Вас. Он сказал мне, что это передача из монастыря, и что о ней для Вас просил Авдеев». Николай II на это сказал Труппу: «Передайте, Трупп, от меня обоим большое спасибо и мою радость, что они оба нашли, наконец, самих себя» (*Мультатули П. В. Свидетельства о Христе до смерти...* СПб., 2006. С. 478).

²²⁴ **Бэринг, Морис** (1874—1945), английский литератор, известен как драматург, поэт, прозаик, переводчик и публицист, а также как писатель-путешественник и военный корреспондент.

²²⁵ «Несмотря на свою революционную «сознательность», Авдеев и его внутренняя охрана с каждым днем становились все менее и менее надежными для Свердлова и Голощекина и все более непригодными для подготавливаемого последними убийства Царской Семьи. Неслучайно, как утверждает И. Ф. Плотников, по свидетельствам близких Авдеева, тот, узнав об убийстве Царской Семьи, очень сокрушался. Юровский в 1934 году в беседе со старыми большевиками рассказывал: «Насколько разложение дошло далеко, показывает следующий случай: Авдеев, обращаясь к Николаю, называет его – Николай Александрович. Тот ему предлагает папиросу, Авдеев берет, оба закуривают – и это сразу показало мне «простоту нравов». Именно этой «простотой нравов», установившейся между Царем и Авдеевым, в первую очередь и объясняется замена Авдеева и его команды на Юровского и его людей. «Нет сомнений, – пишет Н. А. Соколов, – общение с Царем и Его Семьей что-то пробую»

ский²²⁶ – главный палач Царской Семьи – был бессердечным, злым человеком. Юровскому отдали приказ расстрелять семью, поскольку в то время влияние большевиков во многих регионах было очень слабым и непрочным. Даже Чешский легион (численность которого за минувший год или около того возросла примерно до 60000 человек) с боем прокладывал себе дорогу через Сибирь²²⁷. Через несколько дней Екатеринбург мог перейти в руки «белых», поэтому Царскую Семью необходимо было срочно уничтожить. Решено было расстрелять заключенных

дило в пьяной душе Авдеева и его товарищей. Это было замечено. Их выгнали, а всех остальных отстранили от внутренней охраны» (Мультигаули П. В. *Свидетельства о Христе до смерти...* СПб., 2006. С. 479). Из показаний Ф. П. Проскурякова: «Спустя, приблизительно, с неделю после назначения Юровского и Никулина, нас, рабочих Сысертского завода и Злоказовской фабрики, перевели в дом Попова или Обухова против дома Ипатьева, а вместо нас внизу дома Ипатьева поселились латыши. Их было, приблизительно, человек 10. До появления латышей охрану в доме несли мы, рабочие Сысертского завода. После появления латышей охрану в верхнем этаже дома, где жила Царская Семья, стали нести исключительно латыши. Нас, русских рабочих, туда уже не впускали. Таково было приказание Юровского. Пулеметчиками, которые стояли исключительно у пулеметов, были из наших сысертских рабочих следующие лица: Талапов, Александр Стрекотин, Семен Турыгин, Сафонов, Николай Садчиков, Добрынин, Летемина, Иван Котегов и Шевелев. Из злоказовских рабочих я могу назвать только одного Андрея Корзухина. Эти рабочие всегда стояли только у пулеметов. На остальных постах стояли при Авдееве все остальные рабочие. При Юровском же, со времени появления латышей, мы, рабочие, стали нести охрану исключительно наружную. Внутри дома находились исключительно латыши» (Росс Н. *Гибель Царской Семьи*. Ф/М., 1987. С. 273).

²²⁶ **Юровский Яков Михайлович** (настоящие имя и отчество – Янкель Хаймович; 1878—1938), родился в г. Томске в семье ремесленника, в прошлом – сыльного уголовника. Внук раввина. Учился в Томске: закончил два класса в еврейской школе «Талматейро», обучался портняжному и часовому делу. По словам брата Лейбы, в юности искал богатства, по характеру был хитер и жесток. В 1898 г. по суду в Томске отбывал наказание за убийство. Вступил в РСДРП (б) в 1905 г. Участвовал в революционной работе: террористических актах и экспроприациях. После одного из арестов был выслан в административную ссылку в Екатеринбург, где познакомился с Я. М. Свердловым. В годы первой русской революции уехал в Берлин, там из иудейства перешел в лютеранство. Позднее возвратился в Томск, открыл часовой магазин, но в 1912 г. за революционную деятельность был выслан в Екатеринбург, где стал владельцем фотоателье. Во время Первой мировой войны окончил фельдшерскую школу. Служил в военном лазарете Екатеринбурга. После февральской революции включился в работу по большевизации и разложению воинского гарнизона, был делегирован в городской совет, входил в военную организацию горкома РСДРП (б). Во время приезда в Екатеринбург и подготовки Уральской (Свободной) партийной конференции в апреле 1917 г. у него останавливался Свердлов. Участвовал в октябрьском перевороте. В начале 1918 г. назначен председателем следственной комиссии при революционном трибунале Екатеринбургского горсовета. Член Уральского и Екатеринбургского областного советов, заведующий охраной Екатеринбурга. В июле 1918 г. назначен комендантом Дома особого назначения – дома Ипатьева, в котором содержалась Царская Семья. До этого времени уже участвовал в судьбе арестованных – контролировал охрану дома Ипатьева. В ночь на 17 июля 1918 г. руководил казнью Царской Семьи и лично ее расстреливал, затем участвовал в уничтожении трупов, доставке изъятых ценностей в Москву с документами на имя Орлова. В июле 1919—1920 г. – заведующий Екатеринбургской губчека. Работал в Московской ЧК, Рабоче-Крестьянской инспекции, с 1921 г. – в Гохране (Государственном хранилище республики при народном комиссариате финансов), заведовал золотым отделом. С 1924 г. – на многих советских и хозяйственных должностях. Неоднократно выступал на собраниях старых большевиков с докладами о расстреле Царской Семьи. Умер в 1938 г. в Кремлевской больнице после тяжелой и продолжительной болезни. Некролог о его кончине был опубликован в газете «Правда». Автор воспоминаний «*Записка Юровского*» (1920, 1922 и 1934). Из показаний бывшего охранника Ипатьевского дома Ф. П. Проскурякова: «Приблизительно в самых последних числах июня или в первых числах июля месяца Авдеев арестовал Мошкина за то, что он украл что-то из царских вещей, кажется, какой-то золотой крестик. Но тут же был уволен и сам Авдеев. Вместо него заступил в начальники Юровский. [...] Помощником его был Никулин. [...] Появились они в доме одновременно. Находились они все в той комендантской комнате. Юровский приходил с утра, часов в 8—9 и уходил вечером в 5—6. Никулин же жил в комендантской, ночевал тут» (Росс Н. *Гибель Царской Семьи*. Ф/М., 1987. С. 272—273).

²²⁷ Насильно загнанные в австро-венгерскую армию, чехи незадолго до революции стали в огромных количествах переходить к русским. Командование Царской армии составило из них чешский корпус, который бок о бок с русскими сражался против австрийцев и немцев. В мае 1918 г. отряды чехословаков, состоявшие исключительно из бывших военнопленных, которым Керенский предоставил свободу, составляли две полные дивизии, расположенные эшелонами вдоль Сибирской железной дороги – от Самары до Владивостока. Готовилась отправка их во Францию. После падения Керенского советское правительство разрешило отправить чешских солдат во Владивосток, где они должны были погрузиться на суда и, обогнув земной шар, влиться в войска союзников на Западном фронте. Более 50 тыс. их находилось в разных пунктах на всем протяжении железной дороги от Казани до Владивостока. Соглашение между союзниками и советским правительством предусматривало, что чехи во время следования по советской территории должны сдать оружие советским властям. Вслед за этим ультиматумом, который чехи по приказу генерала Гайды отвергли, Германский Генеральный Штаб, желая воспрепятствовать означенным войскам, дал приказание большевикам разоружить чехословаков. Вспыхнула вооруженная борьба между ними и отрядами большевиков, находившихся под командой немецких офицеров. Русские добровольческие отряды не замедлили присоединиться к чехословацким войскам. Таково было возникновение движения, которое началось в Омске и вскоре охватило всю Сибирь. Хорошо обученные и оснащенные чешские части захватили ряд городов по всей линии Сибирской дороги, свергли местные Советы, взяв их под свой контроль.

в полуподвальной комнате Дома особого назначения, а затем избавиться от тел, сбросив их в заброшенную шахту. Шахта находилась в двенадцати милях от Екатеринбурга в урочище «Четыре брата», получившее это название от когда-то росших здесь из одного корня четырех сосен.

Священник о. Иоанн Сторожев²²⁸

²²⁸ **Сторожев Иоанн Владимирович** (1878—1927), протоиерей церкви св. Екатерины г. Екатеринбурга (1917), при большевиках – настоятель Екатерининского кафедрального собора в г. Екатеринбурге (1918). Родился в Арзамасе в старинной купеческой семье. Лишившись отца, детство провел в Дивеевском монастыре с матерью и сестрой. Окончил Нижегородский дворянский институт и юридический факультет Университета Св. Владимира в Киеве (1903). Товарищ прокурора Екатеринбургского окружного суда (1909). Награжден орденом Св. Анны 3-й степени (1911). Присяжный поверенный адвокат (1911). Епископом Екатеринбургским и Ирбитским Митрофаном рукоположен в дьякона (1912), а позже во иерея. При Временном правительстве входил в состав Комитета общественной безопасности и был одним из основателей городской милиции. Служил обедницы в Ипатьевском доме 20.05/02.06 и 01/14.07.1918 г. (последнюю церковную службу, за которой молились Царственные мученики). В октябре 1918 г. – на службе в действующей армии в должности благочинного 7-й Уральской дивизии горных стрелков. Переезжает в Приморье (1919), затем в Маньчжурию, где был определен настоятелем Свято-Софийской церкви в Харбине (сентябрь 1920 г.), а потом Алексиевского храма (февраль 1923 г.). Преподавал Закон Божий в русских средних учебных заведениях КВЖД. Законоучитель гимназии Христианского союза молодых людей. В 1930-е гг. уже молитвенно почитал Царственных мучеников. О. Иоанн вспоминал: «Я дважды совершал богослужения в доме Ипатьева, в г. Екатеринбурге, когда там находилась под стражей большевистской власти Семья бывшего Царя Николая Александровича Романова. Кроме меня, там же совершал богослужения священник Екатерининского собора Анатолий Григорьевич Меледин. Как отцу Меледину, так и мне сослужил каждый раз диакон названного собора Василий Афанасьевич Буймиров. Чередовались наши службы так: первое богослужение – светлую Заутреню – совершил вечером 21 апреля старого стиля о. Меледин. Второй раз – 20 мая старого стиля, когда прибыла из Тобольска вся семья Романовых, служил я обедницу. Третью службу (обедницу) совершил о. Меледин, но которого числа и месяца, не помню, кажется, это был день рождения одного из членов семьи Романовых. Четвертую службу (литургию) совершил в Троицын день о. Меледин и, наконец, пятое богослужение (обедницу) 1/14 июля совершил я» (**Росс Н. Гибель Царской Семьи.** Ф/М., 1987. С. 95).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.